ГРИГОРЬЕВ

Григорий Сухина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал-полковник Михаил Григорьевич Григорьев — талантливый военачальник, сыгравший огромную роль в становлении и развитии Ракетных войск стратегического назначения.

М. Г. Григорьев возглавлял строительство позиционного района для первого в истории страны соединения межконтинентальных баллистических ракет — крупнейшего в Европе космодрома «Плесецк» и командовал самой мощной в СССР ракетной армией.

Без преувеличения можно сказать, что герой этой книги — из тех офицеров, которые составляют гордость и славу Вооруженных Сил России.

- Григорий Сухина
  - СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ
  - УЧЕБА В АКАДЕМИИ
  - ВОЙНА СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК…
  - НА ШТАБНОЙ РАБОТЕ
  - МЫ — ГРИГОРЬЕВЦЫ
  - И СНОВА УЧЕБА
  - У ИСТОКОВ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
  - ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
  - КОМАНДАРМ
  - ДРУГИЕ ЗАДАЧИ, ДРУГИЕ МАСШТАБЫ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Г. ГРИГОРЬЕВА
  - БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации

Григорий Сухина
ГРИГОРЬЕВ
Повесть о ракетчике

Воинам-ракетчикам и создателям ракетно-космической техники посвящается

Нация проявляет себя не только в людях, которым она дает жизнь, но и в том, каким людям она воздает почести, каких людей она помнит.

Д. Ф. Кеннеди

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга о генерал-полковнике Михаиле Григорьевиче Григорьеве — талантливом военачальнике, сыгравшем огромную роль в становлении и развитии Ракетных войск стратегического назначения.

РВСН прошли несколько очень сложных этапов. У каждого была своя специфика, свои трудности, которые преодолевались организаторским талантом и способностями десятков тысяч офицеров, беззаветной самоотдачей огромных воинских коллективов. Нет большого смысла в том, чтобы сравнивать меру вклада каждого из видных военачальников Ракетных войск в дело их становления и развития, слишком различные задачи решались на каждом отрезке времени. Всем приходилось нелегко. И все ветераны-ракетчики достойны всяческого уважения. Но были в истории РВСН ключевые фигуры, которые сыграли решающую роль в становлении и развитии войск. Не побоюсь сказать, что если бы не эти люди, то строительство Ракетных войск шло бы не так успешно и с большими издержками. Это, безусловно, Митрофан Иванович Неделин, Василий Иванович Вознюк, Алексей Иванович Нестеренко, Михаил Александрович Никольский, офицеры Штаба реактивных частей (ШРЧ), личный состав первых бригад особого назначения и инженерных бригад, первые испытатели на полигонах. Именно благодаря их поистине героическому труду стало возможным создание в столь короткие сроки ракетно-ядерного щита, были обусловлены наши грандиозные успехи в освоении космического пространства, достигнуто то, что характеризовало нас как великую державу. К славной плеяде первопроходцев, вне всякого сомнения, принадлежит и Михаил Григорьевич Григорьев.

Он внес огромный вклад в развитие и становление Ракетных войск стратегического назначения.

7-я гвардейская минометная бригада, которой он командовал в годы войны, в последующем стала ракетной дивизией. Личный состав этого прославленного соединения в послевоенные годы внес большой вклад в укрепление боеспособности Ракетных войск стратегического назначения и страны в целом.

В начале 50-х М. Г. Григорьев формировал, а затем командовал второй по счету бригадой особого назначения — 23-й БОН резерва Верховного Главнокомандования (РВГК), которая позже также стала ракетной дивизией.

М. Г. Григорьев возглавил строительство позиционного района для первого в истории страны соединения

межконтинентальных баллистических ракет и командовал соединением в первые, самые трудные годы. Он руководил крупнейшей ракетной армией и потом 13 лет был первым заместителем Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения.

Так получилось, что наши жизненные пути с Михаилом Григорьевичем неоднократно пересекались.

Я сменил его в должности командующего Винницкой ракетной армией, крупнейшего объединения в Ракетных войсках. Что можно сказать? Командовать ракетными соединениями и частями после Михаила Григорьевича было и легко, и сложно. Легко, потому что он оставил после себя работоспособный творческий коллектив управленцев, который мог решать самые ответственные и сложные задачи. Сложно, потому что я постоянно ощущал груз высокой ответственности за порученный мне участок работы. Надо было сделать все возможное, чтобы не утратить тех позиций, которые ракетная армия завоевала под командованием моих предшественников — таких опытных военачальников, как генерал-полковники Александр Григорьевич Шевцов и Михаил Григорьевич Григорьев. Думаю, что мне удалось справиться со всеми задачами.

Почти восемь лет мне довелось служить с Михаилом Григорьевичем в аппарате Главнокомандующего Ракетными войсками. С 1974 по 1987 год я был заместителем главкома по боевой подготовке. Надо ли говорить, что с Григорьевым мы встречались почти ежедневно, совместно решали массу самых сложных задач, которые вставали перед войсками. Не припомню случая, чтобы нами совместно не было найдено соответствующих решений. Работать с генерал-полковником Григорьевым было легко и интересно. Это действительно незаурядный, талантливый военачальник и специалист-ракетчик. К этому нужно добавить высокое чувство ответственности, блестящие организаторские способности, умение сосредоточиться на главном. Все это в сочетании с прекрасными человеческими качествами позволило Михаилу Григорьевичу завоевать громадный авторитет не только в коллективе управления Главнокомандующего, но и в войсках.

Без преувеличения скажу, что такие люди, как генерал-полковник Михаил Григорьевич Григорьев, являются гордостью и славой не только РВСН, но и всех Вооруженных Сил страны.

Генерал-полковник в отставке А. Д. МЕЛЁХИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первоначально я хотел назвать книгу «Великий ракетчик». И название тогда я не придумывал. Говорят, что приятно услышать похвалу от человека, который сам ее заслуживает. Так вот, великим ракетчиком назвал Михаила Григорьевича другой очень заслуженный и известный в военных кругах человек — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР генерал-полковник Георгий Николаевич Малиновский, который знал Григорьева долгие годы, работал с ним, как говорится, плечом к плечу. И все же я отказался от этого названия. Причина очень проста. Многие нынешние авторы, когда пишут о военачальниках-ракетчиках, стремятся назвать очерки и статьи как можно более броско. Чего только здесь не встретишь? «Уникальный жизненный путь», «На западе и востоке страны», «Повелитель огневой мощи, воспитатель ракетчиков», «Укротитель ядерной войны», «Гордость ракетной науки» и т. д. и т. п. Иногда, сами того не подозревая, авторы просто оказывают «медвежью услугу» тем, о ком пишут, потому что у читателя, хорошо знающего Ракетные войска, такие заглавия и подходы нередко вызывают только ироническую улыбку. Михаил Григорьевич Григорьев, даже при том честолюбии, которое ему некоторые приписывают, чувствовал бы себя в такой компании не очень-то уютно. Уж он-то прекрасно понимал, что РВСН обладают слишком грозным оружием и повелевать им может лишь высшая государственная власть. Ракетчики же все, от рядового до маршала, всегда были только солдатами, готовыми в любую минуту выполнить приказ.

У книги простое название: «Григорьев (Повесть о ракетчике)». На мой взгляд, оно без всяких пояснений многое напомнит тем, кто долгие годы был связан с Ракетными войсками стратегического назначения.

И сегодня еще живы генералы и офицеры, которые трудились рядом с Михаилом Григорьевичем Григорьевым и у которых остались самые светлые воспоминания о нем. Большая редкость, когда люди единодушны в оценке командира, тем более когда оценки и воспоминания только добрые.

По долгу службы мне приходилось работать со многими архивными материалами. И что удивительно, чем чаще я встречался с фамилией Григорьева, тем все больше убеждался в незаурядности этого человека, в его высоких деловых и человеческих качествах. Умница, по-настоящему талантливый офицер, требовательный и в то же время заботливый командир.

Я никогда не сталкивался с ним по службе, да и не мог столкнуться — в те годы я был младшим офицером и по роду деятельности не мог стоять даже близко рядом с ним — слишком разные масштабы. С одной стороны, это наложило определенные трудности — все-таки надо хорошо представлять человека, о котором пишешь. Но, с другой стороны, это позволяет избежать субъективизма в оценках, а я старался быть как можно объективнее. В книге много документов, воспоминаний людей, которые встречались с Михаилом Григорьевичем в самых различных ситуациях. Конечно, и воспоминания носят, как правило, субъективный характер. Довелось услышать много легенд, пришлось многое перепроверить, и не всегда рассказанные мне истории находили документальное подтверждение.

В свое время Ярослав Голованов, заканчивая свою, безусловно, талантливую книгу «Королев. Факты и мифы», вспомнил слова Эрнеста Хемингуэя: «Нет на свете дела труднее, чем писать простую, честную прозу о человеке». Сейчас писать честную прозу еще сложнее. Не потому, что людям истина неинтересна, а потому, что сейчас на смену подлинно великим и достойным личностям пришли другие герои, по меткому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «…легионы сорванцов, у которых на языке «государство», а в мыслях — пирог с казенной начинкой».

Мы, очевидно, забыли о том, что история наша, трудная, а порой и трагическая, была богата другими примерами. Творили ее люди, которые действительно заслуживают всяческого уважения и памяти.

Читателю судить — насколько удалась эта книга. Я стремился к тому, чтобы показать, как в непростых условиях «системы» вел себя и поступал в различных ситуациях незаурядный человек, от природы наделенный высокими человеческими качествами, талантом организатора, воспитавший в себе высокую личную требовательность, умевший оценить по достоинству труд других людей. М. Г. Григорьев — человек непростой судьбы, но никакая «система» не смогла его переломить и перестроить — в жизни он всегда оставался ГРИГОРЬЕВЫМ.

Хочу выразить искреннюю признательность всем, кто помогал мне в работе над книгой.

Прежде всего семье Михаила Григорьевича — жене Вере Геннадьевне, сыновьям — Олегу, Сергею, Владимиру.

Ветеранам 7-й гвардейской минометной бригады, которые сумели сохранить память о своем комбриге и щедро поделились

своими воспоминаниями.

Сотрудникам Центрального архива Ракетных и Космических войск, а также ветеранам Ракетных войск стратегического назначения, Космических войск, особенно генерал-полковнику А. П. Волкову, генерал-лейтенанту В. М. Рюмкину, генерал-майору Б. Г. Ханину, полковникам В. П. Петровскому, В. М. Каргину, В. А. Пухову, Г. И. Крюкову, В. Е. Гавриленко, И. П. Терехову, Л. Г. Лагойко, Н. К. Монахову, Г. В. Дядину, А. В. Бучину и многим другим офицерам-ракетчикам, которые сейчас в запасе и в отставке, но тем не менее постоянно интересуются вопросами истории Ракетных войск стратегического назначения, оказывают посильную помощь в работе.

Администрации средней школы № 224 города Москвы, в здании которой есть музей 7-й гвардейской минометной бригады и где хорошо помнят о ветеранах войны, используют наше героическое прошлое для воспитания подрастающего поколения.

Своим сослуживцам — полковнику В. И. Ивкину и подполковнику И. С. Павловскому — которые поддерживали меня и помогали в работе.

Всем вам — низкий поклон!

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Михаил Григорьевич Григорьев родился 23 октября 1917 года в деревне Молодке Захаровского сельсовета Бежецкого района Тверской губернии в потомственной крестьянской семье.

В этих краях в начале 20-х годов проживала с семьей Анна Ахматова. В своем стихотворении «Бежецк» она писала:

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.

Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампады,
И Книга Благая лежит на дубовом столе.

Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном,
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь…
И город был полон веселым рождественским звоном.

Отца Михаил не помнил. В 1917 году он вернулся с фронта, весь израненный и больной, и уже на следующий год скончался. Мать осталась с тремя детьми на руках, и можно только представить себе, как трудно и голодно жилось семье в те годы без кормильца. В 1929 году семья вступила в колхоз. Старшие, брат Илья и сестра Евдокия, устроились здесь на работу. Евдокия в 1934 году вышла замуж и уехала в Ленинград. Илья в 1942 году погиб в боях за Родину. Мать в меру своих сил работала в колхозе, а позже, уже после войны, переехала жить к дочери. К сыну Михаилу перебираться не пожелала, уж больно много в послевоенное время скитался он по «медвежьим» углам, и она просто не хотела становиться ему дополнительной обузой.

Как писал в автобиографии сам Михаил Григорьевич: «С 10 лет, с 1927 по 1930 г. я в летнее время батрачил, а зимой занимался в сельской школе. После сельской школы я поступил в десятилетку, в которой, как батрак, учился на средства государства (получал стипендию)». В школе Миша отличался любознательностью и упорством. Много читал, любил историю и литературу.

А вот как Григорьев вспоминал свои детские годы в разговоре с Генеральным конструктором ракетно-космической техники М. К. Янгелем: «Окончить школу мне помогли встретившиеся на пути добрые, отзывчивые люди. Особенно горячее участие в моей судьбе приняли председатель месткома (не помню, к сожалению, его фамилии; мать все «председателем» его называла) механического завода, расположенного неподалеку от села, а потом школьный преподаватель математики Белобородов. Он убедил мать, что я должен учиться. Сам меня на таратайке в село отвез. Три года я там был на иждивении коллектива из восемнадцати человек. Со мной, девятнадцатым, делили они свой ежедневный обед. Так школу благодаря их поддержке и окончил…»

Михаил Григорьевич вспоминал также, что только благодаря постоянной требовательности учителя математики Белобородова, которую тот проявлял по отношению к своему ученику, он смог впоследствии выдержать вступительные экзамены в военную академию.

В свое время мне довелось работать учителем сельской школы. До сих пор помню своих учеников — крестьянских ребят, рассудительных, основательных в делах и поступках. Наверное, они в чем-то уступали городским сверстникам. Но вот что не подлежит сомнению, так это то, что жизнь они зачастую строили правильно, основательно. Работящими, не по годам смышлеными — такими я запомнил своих ребят.

Поэтому не побоюсь сказать, что именно в детстве закладывались лучшие человеческие качества Михаила Григорьевича Григорьева — упорство в достижении цели, высокая работоспособность, ответственность за порученное дело, основательность и въедливость при решении той или иной задачи, а также человечность и порядочность.

В послевоенные годы Григорьев частенько навещал свою «малую родину». Приезжал в Молодку, вез подарки матери, учителям, односельчанам, был негордым, мог часами беседовать с любым человеком, вспоминать школьных друзей и т. п.

Родословная у Михаила Григорьевича не очень богатая, она такая же, как и у многих миллионов русских людей. Но как правильно отметил еще в XVIII веке французский ученый Жозеф Делиль: «Самая лучшая родословная — это услуги, оказанные родине и человечеству».

В те годы любимой газетой не только школьников Молодки, но и молодежи всей страны была «Комсомольская правда», которая публиковала на своих страницах очень много материалов о буднях тогдашней Красной Армии. Газеты с очерками о жизни

воинов зачитывались, что называется, до дыр. И как-то в начале 1936 года на глаза Мише Григорьеву попалось сообщение о том, что объявлен набор в Военно-артиллерийскую академию в Ленинграде. Парень твердо решил стать артиллеристом и начал упорно готовиться к вступительным экзаменам. Сдал он их довольно успешно и в 1936 году стал курсантом.

В 1937 году курс, на котором учился М. Г. Григорьев, был переведен в Москву и вошел в состав Военно-артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского.

УЧЕБА В АКАДЕМИИ

Учиться на первых порах было нелегко. В академию поступали не только вчерашние выпускники средних учебных заведений, но и те, кто уже прошел суровую армейскую школу. На одном курсе с Григорьевым учился сын И. В. Сталина — старший лейтенант Яков Джугашвили. Он был старше многих на 8–9 лет, что не помешало ему впоследствии наладить теплые и дружеские отношения с сослуживцами. Яков был в высшей степени порядочным человеком, никогда не подчеркивал своего превосходства, не кичился родством, не требовал к себе снисхождения или поблажек. К концу учебы, несмотря на разницу в возрасте, они крепко подружились — Яков Джугашвили, Михаил Григорьев и Лев Благоразумов.

Шло время. М. Г. Григорьев трудился очень упорно, целеустремленно и быстро сравнялся в учебе со всеми курсантами. На втором курсе вчерашним школьникам присвоили воинское звание лейтенант и учебу они продолжали офицерами.

Из аттестации на слушателя 2-го курса командного факультета артиллерийской академии лейтенанта Григорьева Михаила Григорьевича:

> «Дисциплинирован, выдержан, вдумчив и серьезен, добросовестно относится к своим обязанностям. Силой воли обладает, общителен, хороший товарищ. Способный. Учебная успеваемость хорошая, по сравнению с прошлым годом заметно повысилась. Зимнюю артиллерийскую стрельбу провел хорошо. Итоги лагерной учебы: артиллерийско-стрелковая подготовка — «отлично», тактическая подготовка — «хорошо», практические работы по топографии — «хорошо».
>
> *Начальник курса майор Иванов.»*

4-й курс:

> «Общее и политическое развитие хорошее… Дисциплинирован, выдержан, серьезен. К своим обязанностям относится добросовестно.
>
> Волевой, общительный командир, хороший товарищ.
>
> В период стажировки показал себя как отличный командир батареи.

Физически развит хорошо. Строевая подготовка отличная.

Старшина группы капитан Иванов.»

Казалось, курсанты за дружбой и учебой не замечали, что происходило в политической жизни страны. Но жизнь властно и сокрушающе вторгалась сквозь стены казарм, оставляя в душах молодых людей незаживающие раны.

Вот только некоторые события, коснувшиеся академии: «…за первое полугодие 1937 г. исключено из ВКП(б) пять троцкистов и зиновьевцев, один враг народа, один — потеря классовой бдительности, один — скрытие социального происхождения». В 1937 году по политико-моральным причинам всего было уволено из армии 65 представителей академии, 44 из которых были арестованы органами НКВД; в 1938 году по статье 44 пункт «в» уволено еще около 20 преподавателей.

В те годы чуть ли не ежемесячно собирались общие собрания профессорско-преподавательского состава офицеров и слушателей, на каждом из которых прибывший военачальник обличал руководство академии «во всех смертных грехах».

Не были оставлены в стороне и слушатели академии. Практиковались вызовы их на заседания так называемой «тройки», где от офицеров требовали коротких и точных ответов на различные провокационные вопросы. По результатам поведения испытуемых принимались соответствующие решения. На одно из таких заседаний попал и Григорьев. Ему было предъявлено обвинение в том, что у него дома хранится пистолет. Михаил Григорьевич вспоминал, что ему понадобилось большое самообладание, чтобы выдержать давление «тройки».

Из партийной характеристики: «В 1938 году принят в кандидаты ВКП (б), а в июне 1939-го в члены ВКП (б). Был членом партийного бюро курса. В качестве общественной нагрузки проводил политические занятия на ряде предприятий Молотовского района г. Москвы. Принимал активное участие в выборах в Верховный Совет СССР в качестве члена участковой избирательной комиссии».

Как отмечается далее в партийной характеристике, «показал себя хорошим пропагандистом, умеющим политически воспитывать людей».

5-й выпускной курс, 10 марта 1941 года:

«В академию прибыл по спецнабору окончивших полные средние школы. Не имеет опыта в командовании подразделением и, следовательно, для его приобретения

необходимо использовать на строевой работе. Очень развит политически. Дисциплинирован, морально и политически устойчив. Энергичен, всегда работает с полным рвением, честно и аккуратно. В товарищеской среде пользуется большим авторитетом. Активен в общественной жизни.

Подготовлен к исполнению должности командира батареи.

Достоин присвоения воинского звания «старший лейтенант».

Командир учебного отделения капитан Бутник.»

За период учебы в академии Григорьев хорошо овладел немецким языком, и это могло сыграть важную роль в его военной карьере. Он попал в число шести будущих выпускников, которых отобрало для себя Главное разведывательное управление. Как позже вспоминал Михаил Григорьевич, отбор велся основательно. Раздевали донага, считали родинки, искали другие особые приметы, часто и много беседовали с кандидатами для службы в столь серьезной по тем временам организации.

Но карьере разведчика не суждено было состояться. 5 мая 1941 года на приеме в честь выпускников академий, где в числе лучших от Военно-артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского присутствовал и старший лейтенант М. Г. Григорьев, И. В. Сталин отметил, что международная обстановка становится архисложной и все без исключения офицеры должны быть направлены в действующую армию. Ослушаться этого указания никто не посмел.

Разошлись пути-дороги друзей и однокашников. Некоторые выпускники пользовались правом свободного выбора особых военных округов (запад страны) и рода артиллерии. Яков Джугашвили, например, попросился в противотанковую артиллерию, «на расстояние прямого выстрела от врага», что и сыграло потом роковую роль в его судьбе. Он попал служить в полк, расположенный практически на границе. Лев Леонидович Благоразумов был назначен в Прибалтийский особый военный округ, в тяжелую артиллерию. Он прошел всю войну. А после победы дослужился до генерал-майора, стал доктором военных наук, профессором, почти 20 лет, с 1953 по 1973 год, возглавлял кафедру в Ленинградской артиллерийской академии им. М. И. Калинина.

Лейтенант М. Г. Григорьев получил назначение в 5-й артиллерийский гаубичный полк большой мощности резерва Ставки Главного командования. Полк дислоцировался на станции

Мышанка Мозырьской области в Белоруссии (Западный особый военный округ).

Забегая вперед, отметим, что дружба, завязавшаяся в академии, продолжалась и после войны. Григорьев и Благоразумов часто навещали друг друга, вели переписку до самых последних дней жизни.

Им повезло. Они уцелели.

А вообще из 220 выпускников 1941 года академии им. Ф. Э. Дзержинского в годы войны погиб каждый третий.

ВОЙНА СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК…

С началом Великой Отечественной войны 5-й артиллерийский гаубичный полк успешно отражал ожесточенные атаки фашистов и в организованном порядке отошел вначале до рубежей Гомель — Речица, в дальнейшем до города Карачева. В августе 1941 года он прибыл на станцию Татищево Саратовской области и приступил к напряженной учебе. В декабре 1941 года старший лейтенант М. Г. Григорьев назначается на должность начальника штаба 1-го дивизиона этого же полка.

В марте 1942 года на базе 5-го начал формироваться новый 1025-й гаубичный артиллерийский полк большой мощности, в который М. Г. Григорьев был назначен первым помощником начальника штаба и допущен к временному исполнению должности.

В мае 1942 года Григорьев отзывается в распоряжение Управления кадров артиллерии Красной Армии. Член военного совета артиллерии поручает ему проверку состояния учебного процесса в дивизионе резерва офицерского состава в Южно-Уральском военном округе.

После выполнения этого задания, в июле 1942 года Михаил Григорьевич возвращается в Управление кадров артиллерии Красной Армии и получает назначение на должность командира 85-го отдельного гвардейского минометного дивизиона (катюш). В этом же месяце он вместе с дивизионом убывает на Калининский фронт, где подразделение принимало участие в боях 30-й и 31-й армий Калининского фронта в районе города Ржева.

В сентябре 1942 года Григорьеву присвоено воинское звание капитан.

С Калининского фронта дивизион перебрасывают на Волховский, а затем в октябре 1942 года снова на Калининский фронт. В 1942 году в боях за город Великие Луки капитан Григорьев был тяжело контужен.

В декабре 1942 года на базе ряда отдельных дивизионов на Калининском фронте была сформирована 10-я гвардейская минометная бригада. Капитан М. Г. Григорьев назначен заместителем командира этой части. В январе 1943 года бригада была переброшена на Волховский фронт и принимала участие в боях по прорыву блокады Ленинграда.

В феврале 1943 года, в районе деревни Бабаново Мгинского района Ленинградской области, оперативная группа гвардейских минометных частей Волховского фронта на базе 509-го и 512-го

отдельных гвардейских минометных дивизионов приступила к формированию 7-й гвардейской минометной бригады в составе 509, 512, 573 и 574-го минометных дивизионов. К этому времени 509-й и 512-й гвардейские минометные дивизионы уже принимали участие в боевых действиях на Брянском и при прорыве блокады Ленинграда на Волховском фронтах.

Я спрашивал у нескольких офицеров в звании полковника: «А как вообще вы представляете себе минометный залп?» Почти все ответы были идентичными и основывались на кадрах фронтовой кинохроники: «Подъехали, прицелились, «пульнули» по врагу и быстренько оставили огневую позицию». Таков упрощенный взгляд у офицеров. Что тут говорить о младшем поколении, которое Великую Отечественную представляет себе только по кинофильмам?

Поэт-фронтовик Михаил Кульчицкий в 1942 году написал: «Война ж совсем не фейерверк, а просто — трудная работа…» Для личного состава многих минометных частей бой — это прежде всего каторжный труд. Считаю необходимым пояснить, что представляла собой минометная бригада, на вооружении которой находились реактивные снаряды М-30.

В июне 1942 года на вооружение Советской Армии были приняты реактивные снаряды М-30 и М-20 и тем самым положено начало созданию тяжелой полевой реактивной артиллерии. Хотя официально термин «тяжелая полевая реактивная артиллерия» никто не устанавливал, на практике он применялся в отношении частей, вооруженных реактивными снарядами М-30, М-31 и М-31-12, для отличия их от частей с реактивными снарядами М-8 и М-13. Разница состояла в том, что последние решали огневые задачи, типичные для легкой полевой артиллерии, а части М-30, например, решали огневые задачи, типичные для тяжелой полевой артиллерии. Новые снаряды обладали значительно большим весом и более мощным фугасным действием, обеспечивавшим возможность надежного поражения огневых средств и живой силы противника, укрытых в прочных оборонительных сооружениях полевого типа. Это был ответ на запросы фронтов в связи с переходом наших войск к наступательным действиям.

Снаряд М-30 имел калибр 300 миллиметров, вес — 72 килограмма, (а с укупоркой — более 100 килограммов), вес разрывного снаряда — 28,9 килограмма, дальность стрельбы — 2800 метров, и обладал высокой точностью — отклонения по дальности не превышали 30 метров и по направлению не более 20 метров. Для стрельбы снарядами М-30 были сконструированы специальные станки — рамы М-30. На них для стрельбы в первое

время укладывалось четыре снаряда М-30 в специальной укупорке.

Для стрельбы снарядом М-30, обладавшим специфическими особенностями (малая дальность стрельбы, трудоемкость работ по подготовке к залпу и т. д.), необходимо было иметь специально обученные части. Первоначально формировались дивизионы трехбатарейного состава (по 96 рам М-30 в каждом дивизионе). Позже практика боевого применения показала, что наличие в составе подразделения такого большого количества рам создает значительные трудности при выборе и оборудовании огневых позиций, в подвозе боеприпасов, так как транспорт дивизиона не мог поднять в один рейс и половины дивизионного залпа. Поэтому перешли к формированию подразделений М-30 в составе двух батарей по 24 рамы в каждой, соответственно в дивизионе — 48 рам.

Дивизионы стали более подвижными, значительно упростились управление ими, выбор и оборудование огневых позиций, а также подготовка подразделений к открытию огня.

Но вместе с тем значительно уменьшилась плотность огня дивизионного залпа. Для создания необходимой плотности огня на поражаемой площади нужно было уже сосредоточивать огонь трех-четырех дивизионов. Поэтому первоначально их стали временно объединять в полки четырехдивизионного состава.

Как только Красная Армия начала переходить в наступление на различных фронтах, были проведены соответствующие мероприятия по реорганизации частей и подразделений реактивной артиллерии. В конце 1942 года начали формироваться тяжелые гвардейские минометные бригады. По штату, предложенному командующим гвардейскими минометными частями Ставки Верховного Главнокомандования, тяжелая гвардейская минометная бригада состояла из четырех или шести отдельных дивизионов М-30, имела штаб с взводом связи, взвод технического обслуживания, отделение снабжения и пункт медицинской помощи.

Введение на вооружение полевой реактивной артиллерии снарядов М-30 и рам для них создало благоприятные условия для нанесения крупных потерь пехоте противника и ее огневым средствам, находившимся в прочных укрытиях полевого типа. Моральное же воздействие на гарнизон опорного пункта залпового огня, например четырех дивизионов М-30, было чрезвычайно сильным, так как такой концентрации одновременных разрывов тяжелых снарядов на ограниченной площади в то время не могли создать ни бомбардировочная авиация, ни части тяжелой артиллерии.

Опыт боев вскоре показал, что при правильном наложении залпов дивизионов М-30 и М-31 на любой опорный пункт противника создавалась возможность захватить данный объект без потерь своей атакующей пехоты, если атака проводилась непосредственно после залпа не позднее 10–15 минут, необходимых пехоте для преодоления расстояния до опорного пункта. Таким образом, целесообразность быстрого развития полевой реактивной артиллерии в больших масштабах полностью подтвердилась.

Вот такая бригада полевой реактивной артиллерии и формировалась в районе деревни Бабаново. К 1 марта 1943 года формирование было завершено. Командиром бригады был назначен гвардии майор Михаил Григорьевич Григорьев. Ему недавно исполнилось только 25 лет.

Вначале он пытался отказаться от командования соединением, ссылаясь на то, что маловато опыта, что он еще молод для столь серьезной и ответственной должности. Но разговор в Управлении кадров артиллерии Красной Армии был коротким: «Образование академическое. Коммунист. Фашистов ненавидишь. Справишься!»

По штату от № 08/402 от 13 февраля 1943 года в состав бригады входили штаб со взводом связи, политический отдел, отдел тыла, медицинский пункт, четыре огневых дивизиона трехбатарейного состава и парковый дивизион. Позже, где-то с ноября 1944 года, в бригаде была введена должность начальника топографической службы — помощника начальника штаба по топографической службе и сформирован взвод топографической разведки. При штабе бригады также была создана вычислительная команда в составе старшины и трех вычислителей. В состав дивизионов также введены должности старшего вычислителя, вычислителя и отделение топографической разведки. Это способствовало значительному повышению точности огня минометных частей и сократило время, необходимое для сосредоточения огня дивизионов в ходе боя.

Огневой дивизион в свою очередь имел штаб со взводом управления, в который входили отделение разведки, два отделения связи и три огневые батареи с огневым взводом и тремя огневыми группами каждая.

Парковый дивизион имел по штату 48 трехтонных автомашин под боеприпасы и 8 полуторатонных автомашин под горюче-смазочные материалы. Он мог поднять одновременно две трети бригадного залпа, остальная треть залпа перевозилась машинами огневых дивизионов.

Личный состав: офицеров — 118, сержантов — 194, рядовых — 740. Автомашин: легковых — 7, грузовых — 125, специальных — 4. Рам М-30 — 288.

Уже в ходе формирования бригады стало ясно, что Михаил Григорьевич Григорьев — зрелый, грамотный командир, обладающий незаурядными организаторскими способностями. Он сразу сумел определить главные задачи. Времени на формирование бригады было отпущено немного, так как обстановка на Волховском фронте оставалась сложной. Днем и ночью, главным образом ночью, шло сколачивание расчетов, батарей, дивизионов, отрабатывались временные нормативы по занятию боевых позиций, их оборудованию и перемещению. С первых дней боевой учебы огромное внимание уделялось вопросам взаимозаменяемости в боевых расчетах, изучению материальной части установок, реактивных снарядов и другим вопросам боевой подготовки.

К моменту формирования бригады блокада Ленинграда была прорвана, но враг на многих участках по-прежнему оставался у стен города и продолжал обстрелы и варварские бомбардировки. Задача полного снятия блокады все еще стояла перед Волховским и Ленинградским фронтами. Войска Волховского фронта, находясь к этому времени в активной обороне, готовились выполнить приказ Ставки Верховного Главнокомандования — сорвать готовившееся противником новое наступление на Ленинград для восстановления блокады.

В середине марта силами 8-й стрелковой армии, в состав которой вошла 7-я гвардейская минометная бригада, планировалась Карбусельская операция с задачей — прорвать оборону врага в районе Мги и Синявино и уничтожить группировку немецких войск.

17 марта бригада получила приказ командующего артиллерией армии подготовить залпы двумя дивизионами по узлу сопротивления противника в районе высоты 70,4 и двумя дивизионами — по безымянным высотам и поддержать наступление 374-й стрелковой дивизии. Готовность к открытию огня была назначена на 8.00 19 марта.

Получив приказ, командир бригады с командирами дивизионов произвели рекогносцировку местности, выбрали огневые позиции и определили пути подъезда к ним.

Начальник артиллерийского снабжения бригады капитан М. Г. Брагин, умело используя вверенный ему автотранспорт, обеспечил подвоз реактивных снарядов поближе к огневым позициям, практически на передовую.

Ночью, сгибаясь под тяжестью стокилограммовой массы

снаряда, иногда ползком по болоту или по колено в воде, бойцы доставляли все необходимое на огневые позиции и готовились к залпу. Если учесть, что одновременный залп бригады состоял из 684 снарядов, то общий вес одного залпа насчитывал более 60 тонн. К этому нужно добавить вес станков-рам с подрамниками и сошниками. И всю эту многотонную массу металла и снарядов необходимо было поднести на руках в течение одной ночи на огневой рубеж.

Хорошо проведенная подготовка, желание всего личного состава выполнить свой воинский долг обеспечили успешное решение поставленной задачи, и к установленному командованием сроку все дивизионы были готовы к ведению огня.

19 марта 1943 года в 8.12 утра прогрохотал первый залп гвардейских минометов 7-й бригады. В течение 6–8 минут по врагу было выпущено 663 реактивных снаряда, которые точно накрыли цель и проложили путь пехоте. Так, залпом гвардейских минометов началась Карбусельская операция.

День первого залпа и стал днем рождения 7-й гвардейской, первой страницей ее славного боевого пути. Залпом бригады было уничтожено до 200 солдат и офицеров противника, до 20 огневых точек, разрушено около 30 дзотов. После каждого проведенного залпа всегда составлялся акт о его результатах за подписью двух сторон: представителя бригады и представителя поддерживаемой воинской части. Акт обычно подписывал сам комбриг.

После артиллерийской подготовки, которая продолжалась 2 часа 35 минут, части 374-й стрелковой дивизии почти без всякого сопротивления прорвали передний край обороны противника и, углубившись на 3–4 километра, достигли Карбусели и подошли к железной дороге Кириши — Мга.

В приказе по 7-й ОГМБ № 011 от 23 марта по поводу первого боя М. Г. Григорьев отмечал: «Несмотря на небольшой боевой опыт, вновь сформированная бригада в боях с немецкими оккупантами показала неплохие результаты. 19 марта вместе с частями 8-й армии, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего и приказ командующего Волховским фронтом по разгрому Мгинско-Синявинского укрепленного района с мощной группировкой противника, бойцы и командиры с энтузиазмом боролись за выполнение поставленной боевой задачи по прорыву укрепленной полосы противника на участке 374-й стрелковой дивизии, в результате чего наша пехота имела успех. Это еще раз подтверждает, что наше оружие является самым мощным и надежным средством при прорыве укрепленной

полосы обороны противника. В этих боях отличились подразделения гвардии капитанов И. С. Косова и Б. А. Белова, где командный состав показал свою организованность и умелое руководство своими подразделениями…»

Все участники первого боя проявили беспримерное мужество, но и среди них появились настоящие герои, о которых с восхищением и уважением заговорили в бригаде.

Помощник командира первой батареи 509-го дивизиона лейтенант Алексей Кузьмич Дорожкин был, что называется, душой подразделения. Во время залпа он находился недалеко от пусковых установок, по которым противник открыл огонь. Вражеские снаряды стали разрываться между рамами, и осколком были перебиты электропровода. Нависла угроза срыва залпа. Лейтенант А. К. Дорожкин понял это и, не раздумывая, бросился восстанавливать перебитую электросеть, не обращая внимания на рвущиеся снаряды. Осколком Алексею оторвало два пальца правой руки, хлынула кровь. Но мужественный офицер не покинул огневую позицию, а продолжал устранять повреждения. И только после того как электропроводка была исправлена и с установок батареи сошли все мины, Алексей обратился за медицинской помощью. Он был первым воином в составе бригады, награжденным орденом Красной Звезды.

Аналогичный случай произошел и на огневой позиции 574-го дивизиона, где под огнем противника перебитый электропровод восстановил электротехник лейтенант В. А. Алин, за что был награжден медалью «За отвагу».

Через четыре дня после первого залпа, 23 марта, 512-й и 574-й дивизионы нанесли удар по укреплениям врага в районе деревни Вороново. Выпущенными 564 снарядами была уничтожена батарея шестиствольных минометов немцев, разрушены их укрепления и нанесен большой урон живой силе противника. В этом бою особенно отличился 574-й дивизион. А месяцем позже он вновь показал пример выполнения воинского долга. Получив приказ о переезде на новые огневые позиции, командир дивизиона капитан С. Бракин умело организовал марш и 23 апреля в 2 часа ночи скрытно, используя рельеф местности и редкий лес, занял огневые рубежи в восьмистах метрах от переднего края противника. Позднее немцы обнаружили появление дивизиона и стали усиленно обстреливать его позиции. Но это уже не могло остановить боевой порыв гвардейцев. К установленному командованием сроку дивизион был готов к открытию огня. Под непрерывным обстрелом артиллерии и минометов врага гвардейцы, готовые в любую минуту устранить возможные повреждения, зорко следили за

состоянием установок. Разрывом снаряда была перебита электропроводка во второй батарее. Электротехник батареи старший лейтенант И. Г. Бадулин и сержант А. Я. Кадыков, невзирая на разрывы снарядов и мин, пренебрегая опасностью, бросились к перебитым проводам и в считаные минуты устранили повреждения в электросети. В ходе боя А. Я. Кадыков был ранен и ему приказали покинуть огневую позицию. Раненый сержант отказался это сделать и, превозмогая боль, продолжал устранять повреждения. После производства залпа А. Я. Кадыков обнаружил, что отдельные мины не сошли с установок, и он, переползая от одной установки к другой, подключал эти мины к сети, обеспечивая их выпуск. За этот смелый поступок сержант А. Я. Кадыков был награжден орденом Красной Звезды.

В кратчайшие сроки бригада успешно выполнила все задания командования. Тридцать шесть наиболее достойных солдат и офицеров были отмечены правительственными наградами.

В последних числах апреля, в связи с наступившим относительным затишьем на фронте, подразделения бригады сосредоточились в районе постоянной дислокации. Стало известно, что в день 1 мая бригаде будет вручено гвардейское Знамя.

Ветераны бригады вспоминают, что к предстоящему торжеству готовились все. Чистилось и гладилось обмундирование, подшивались подворотнички… Даже никогда не бривщиеся молодые бойцы впервые удаляли с лица едва заметную растительность. Старший фельдшер медицинской части бригады лейтенант В. С. Маркевич организовал баню. На кухнях дивизионов был приготовлен праздничный обед.

1 мая 1943 года в приподнятом настроении, которое не испортил даже пасмурный со снегом день, на лесной полянке выстроился весь личный состав 7-й гвардейской минометной бригады. Командир бригады гвардии майор М. Г. Григорьев отдал рапорт прибывшему заместителю командующего гвардейскими минометными частями Красной Армии гвардии генерал-майору артиллерии П. Н. Кулешову. Генерал Кулешов в наступившей тишине зачитал приказ от 1 мая, отданный на основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования от 9 марта 1943 года, и вручил командиру бригады гвардейское Знамя. Солдаты и офицеры, опустившись на одно колено перед воинской святыней, произнесли слова клятвы:

> «Мы, гвардейцы-минометчики, получая Гвардейское Знамя, клянемся нашему народу, Советскому правительству, нашей славной Коммунистической

партии, что высокое звание гвардейцев мы оправдаем с честью. Мы клянемся, что не пожалеем своих сил и своей жизни в борьбе с заклятым врагом человечества — германским фашизмом.

Мы клянемся, что эту святыню — Гвардейское Знамя, на котором изображен образ великого Ленина, мы пронесем сквозь огненные шквалы грядущих боев по всем городам и селам, временно оккупированным врагом.

Мы клянемся, что под непобедимым Гвардейским Знаменем мы придем к полной победе и окончательному разгрому фашистской нечисти.»

Каждый гвардеец, давая эту клятву, понимал, что для ее выполнения потребуется мобилизация всех духовных и физических сил, пройти через многие сражения и быть готовым отдать жизнь за Родину.

После торжественного построения и праздничного обеда состоялся концерт фронтовой бригады артистов.

Вскоре бригада перешла в резерв начальника оперативной группы ГМЧ Волховского фронта генерал-майора артиллерии Героя Советского Союза Л. М. Воеводина. От Ставки Верховного Главнокомандования координацию действий всех гвардейских минометных частей осуществлял генерал-майор артиллерии Л. М. Гайдуков.

В течение мая бригада, с целью дезориентации противника, вела беспокоящий огонь кочующими установками, выпустив по врагу 406 снарядов и уничтожив своим огнем 2 склада с боеприпасами, 1 танк и 16 дзотов противника.

В июне бригада продолжала практиковать стрельбу кочующими установками и сбросила на головы гитлеровцев 479 мин.

В соответствии с разработанным командованием Волховского фронта планом 8-я стрелковая армия во взаимодействии с 87-й армией Ленинградского фронта начала вести подготовку к нанесению удара по войскам противника, расположенным в районах Мги, Вороново, Карбусели и Туришкино. Главной целью этой операции являлся срыв планов немецкого командования по подготовке наступления на Ленинград. Необходимо было сковать части 18-й немецкой армии (командующий генерал-полковник Г. Линдеман) и путем массированных ударов артиллерии и авиации уничтожить возможно большее количество живой силы противника. В своих воспоминаниях бывший командующий Волховским фронтом маршал Советского Союза К. А. Мерецков

писал, что в разговоре с ним Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин сказал по поводу предстоящей операции: «Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий».

В этой операции, продолжавшейся с 22 июля по 22 августа и вошедшей в историю Великой Отечественной войны под названием Мгинской, наряду с другими реактивными частями принимала участие и 7-я гвардейская минометная бригада.

Следует отметить, что штаб бригады за время нахождения в резерве наряду с организацией боевой учебы и стрельбы по противнику одиночными установками уделял большое внимание изучению местности предстоящих боев. Выезжая на рекогносцировку, командир бригады М. Г. Григорьев, начальник штаба майор Г. И. Грузин, его помощники капитан С. И. Бирюков, старший лейтенант А. П. Поихало и исполняющий обязанности командира взвода разведки сержант В. Н. Кузнецов с помощью командиров пехотных подразделений тщательно обследовали передний край, нанося на карту укрепления и огневые точки противника.

Выяснилось, что враг создал мощные оборонительные сооружения, использовав крутой берег реки Поречье, возвышающийся над местностью до семи метров. По всей линии обороны фашистских войск шло проволочное заграждение, за ним простиралось минное поле, после которого тянулась полного профиля траншея с многочисленными пулеметными и минометными гнездами, дополнявшимися орудийными точками и врытыми в землю танками. От основной траншеи в тыл немецких войск были вырыты ходы сообщения, и между ними располагались дзоты, всевозможные укрытия и блиндажи. За основной траншеей, на расстоянии 100–200 метров, располагалась масса противотанковых заграждений. Вся эта полоса обороны хорошо простреливалась многослойным огнем. Такую мощную оборонительную систему предстояло преодолеть нашим войскам. Главная роль в этом отводилась артиллерии, в том числе и реактивной.

Огневые позиции 7-й гвардейской минометной бригады были выбраны недалеко от деревни Вороново, расположенной в верхнем течении реки Назии, где находились порядки наступавшей 286-й стрелковой дивизии.

В условиях бездорожья и болотистой местности, покрытой мелким кустарником, под покровом ночной темноты и постоянно моросящим дождем воины-гвардейцы готовили бригадный залп. Соблюдая возможную маскировку, в течение одной ночи из заранее подготовленных мест сосредоточения на огневые позиции был доставлен полный комплект установок и реактивных

снарядов. Тяжело пришлось электрикам. Необходимо было в короткое время произвести монтаж многокилометровой электросети, тщательно изолируя провода, что в условиях дождливой погоды и болотистой местности было сделать непросто. Противник своими действиями еще больше осложнял выполнение задачи. По всей линии фронта фашисты выпускали осветительные ракеты, вели эпизодический ружейно-пулеметный огонь, совершали артиллерийско-минометные обстрелы наших позиций.

Но ни погода, ни болотистая местность, ни вражеский огонь не остановили боевого порыва гвардейцев. В установленный срок все командиры дивизионов доложили о готовности своих подразделений к производству залпа.

В дождливое утро 23 июля 1943 года в 5.45 бригада, поддерживая наступление 18-й стрелковой дивизии, произвела мощный залп и выпустила по узлу сопротивления в районе Тортолово — Мишкино 1070 реактивных снарядов. Это был сигнал к артиллерийской подготовке, продолжавшейся 2,5 часа. 24 июля бригада повторно нанесла огневой удар, выпустив по этому же узлу сопротивления еще 553 снаряда.

Многие воины соединения показали образцы подлинного героизма. В тяжелой обстановке, в условиях бездорожья и болот, под огнем противника, бойцы перенесли на своих плечах и выпустили по врагу 1832 тяжелых реактивных снаряда. Тогда же в бригаде было освоено двухрядное закрепление снарядов на станке-раме.

В прошедших боях все солдаты и офицеры, независимо от военной специальности и занимаемой должности, показали пример служения Родине. Мужественно и храбро действовал электрик 2-й батареи 512-го дивизиона младший сержант В. М. Черкашин. Под огнем противника он неоднократно исправлял повреждения электропроводов, а когда от разрыва вражеского снаряда вспыхнул деревянный ящик с реактивным снарядом, В. М. Черкашин снял с себя шинель и бросился к горящему ящику, не страшась возможного взрыва, и, обжигаясь, погасил огонь.

Как пример мужественного и самоотверженного выполнения воинского долга, боевая история бригады хранит подвиг Евгения Ивановича Алымова. Семнадцатилетний паренек из деревни Рыблово, что недалеко от города Серпухова, пришел в армию добровольно. В свои молодые годы Евгений был, как говорят, уже закаленным бойцом. Начиная с 19 марта он участвовал во всех боях бригады.

При выполнении боевого задания 22 июля немецкие войска обрушили на огневые позиции первой батареи 512-го дивизиона

ураганный огонь. Земля превратилась в бушующее море пламени, металла и камней. Личный состав ушел в укрытия. Разрывами снарядов была опрокинута пусковая установка, перебита электропроводка. Это могло привести к срыву залпа. Огонь противника достиг максимального напряжения. И в этот опасный момент Евгений Алымов выскочил из укрытия и с возгласом: «Ребята, за мной! Комсомольцы не должны бояться смерти. За Родину!» — бросился к установкам. Мужественный поступок комсомольского вожака увлек за собой гвардейцев, товарищей по оружию. К нему присоединились электрик В. Ю. Бадовец и другие бойцы. Они быстро устранили повреждения, и залп по врагу был произведен вовремя. Вдруг совсем рядом разорвался снаряд. Осколок сразил любимца дивизиона, а В. Ю. Бадовец был контужен. Ценой своей жизни комсорг Алымов обеспечил успешное выполнение боевой задачи. За свой подвиг гвардии сержант Е. И. Алымов был посмертно награжден орденом Отечественной войны.

В приказе по оперативной группе ГМЧ фронта от 31 августа 1943 года отмечалось, что «в проводимой войсками фронта операции по уничтожению живой силы противника на Мгинском направлении в июле — августе гвардейские минометные части справились с поставленными задачами и еще раз подтвердили, что они являются мощными и надежными средствами наземного оружия по обеспечению действий пехоты. Из трех бригад, находящихся в равных условиях, примером хорошей слаженности и организованности в работе, в процессе подготовки к выполнению боевых задач и при их выполнении, является 7-я бригада, которая с честью оправдала свое высокое звание «Гвардейская».

В бригаде достаточное внимание уделяется сохранности материальной части, рамы после залпа всегда опускаются и маскируются. Всегда удаляются из ящиков укрепляющие планки, в результате не наблюдалось ни одного случая падения снарядов в расположение своих войск. Потери в 7-й бригаде, в людях и технике, самые низкие».

И это чистая правда. За все время боевых действий соединение потеряло убитыми 51 человека. Конечно, гибель каждого бойца — трагедия, но это самый низкий показатель среди аналогичных минометных бригад за период военных действий. Здесь надо отдать должное комбригу. Он постоянно напоминал своим командирам дивизионов и батарей, что самое ценное для офицера — люди и их надо беречь. При передислокациях бригады на другие фронты или участки фронта Михаил Григорьевич обычно ставил перед медицинской службой

задачу: по возможности собрать всех своих раненых из армейских и фронтовых госпиталей и долечивать в медицинском пункте бригады.

Григорьев не хотел терять проверенных в суровых испытаниях людей. И так было на протяжении всей войны. Каждый воин бригады твердо знал, что после выписки из госпиталя он вернется в родную часть. Все это способствовало поддержанию высокого морально-политического духа и отличной слаженности боевых расчетов.

Командир всегда был для личного состава образцом мужества и самообладания в боевой обстановке. В период августовских боев 1943 года, сразу после взятия нашими войсками мощного опорного пункта Поречье, М. Г. Григорьеву было приказано тщательно обследовать этот, захваченный с таким трудом участок вражеской обороны. Всех интересовало, каким образом, за счет чего немцам удавалось так долго и упорно удерживать его в своих руках.

Передний край наших войск проходил по низкому заболоченному месту. Разделяла наши и немецкие позиции узенькая речушка Назия, за которой на высоком берегу находилась когда-то деревня Поречье. За время длительных боев от деревни практически ничего не осталось, и на ее месте немцами был оборудован мощный опорный узел. После очередного наступления нашим войскам все же удалось выбить немцев с насиженных мест и оттеснить их от реки на 1,5–2 километра. В период артиллерийского обеспечения прорыва эллипс залпа бригады как раз накрывал все Поречье. По всей видимости, командиру бригады и вменялось тщательно проверить результаты нашего залпа, все как следует разведать и представить отчет вышестоящему командованию в форме акта с зарисовками, фотографиями и чертежами. Задача была сложная, опасная и ответственная. Но такие задачи выполнялись, как правило, только в присутствии комбрига. Он старался сам увидеть результаты огня и убедиться, что эллипс залпа лег правильно.

Вспоминают ветераны бригады: «Михаил Григорьевич отобрал небольшую группу, куда включил командиров дивизионов Б, Д. Белова и С. С Бракина, помощника начальника штаба А. П. Поихало, гв. лейтенанта Федорова как художника-чертежника, фотографа, несколько разведчиков, сына полка Павлика Кудрявцева, который со слезами на глазах упросил командира взять его с собой. Ну и для медицинского обеспечения вошел в эту группу военфельдшер В. С. Маркевич. Возглавил группу М. Г. Григорьев.

Рано утром, едва забрезжил рассвет и солнце только собиралось выглянуть из-за горизонта, а туман все еще цепко держался за землю, мы тронулись в путь. Все, кто оставался в блиндажах, вышли нас провожать, ободряюще хлопали по спинам, пожимали руки, давали напутствия. Каждый понимал, куда мы идем. Весь противоположный берег дыбился от разрывов, немцы свои оставленные позиции всегда хорошо пристреливали. Мало кто надеялся на благополучное возвращение.

Ползком и перебежками миновали мы разрушенные траншеи бывшего нашего переднего края, прошли нейтральную полосу, перебрались через речку, заваленную трупами, и, когда солнце наполовину уже высунулось из-за горизонта, вскарабкались на высокий семиметровый берег, на котором только что располагался передний край противника. Оборона немецкая действительно была мощной. В песчаном грунте проходили траншеи полного профиля, до бруствера рукой не дотянешься. На каждом шагу «лисьи норы», куда мог прятаться не один человек, доты, дзоты, бронеколпаки, даже не нужно было вылезать из траншеи по нужде, туалет располагался тут же.

Все, что мы увидели, было зафиксировано в рисунках, чертежах и фотоснимках. Измерили величину своих воронок, подсчитали их количество на гектар, а В. С. Маркевичу, как самому рослому, командир приказал измерять расстояние между воронками в шагах. Выполнять приказание приходилось короткими перебежками, а где-то и на четвереньках. Весь участок, на котором мы ползали, был перепахан вдоль и поперек. От леса, который когда-то здесь был, ничего не осталось, только местами торчали избитые осколками пни. Большинство укреплений было полностью разрушено, но часть из них каким-то чудом сохранилась. Весь день, пока мы проводили исследование местности, огонь противника не утихал, накрывала нас и артиллерия, и минометы, как обычные, так и шестиствольные; все простреливалось ружейно-пулеметным огнем.

Закончилась наша операция настолько успешно, что лучше и не придумаешь. Вернулись мы в свое расположение под вечер, все целехонькие, только кому-то каблук осколком оторвало да кому-то продырявило шинель. Видимо, все в «рубашках» родились. Встречали нас восторженно, криками «ура!». Задание было выполнено в срок и, самое главное, без потерь».

22 августа 1943 года комиссией под председательством командира 7-й гвардейской минометной бригады гвардии майора М. Г. Григорьева и ее членов: командиров 512-го и 574-го дивизионов гвардии майора Б. Д. Белова и гвардии капитана С. С. Бракина, помощника начальника штаба дивизиона гвардии

старшего лейтенанта А. П. Поихало — был составлен краткий доклад о результатах обследования Пореченского узла сопротивления с зарисовками, схемами и фотографиями, а также с предложениями по организации и планированию в последующем огня М-30 на участке прорыва.

Исследование Пореченского узла показало, что разрыв снарядов М-30 в 3–5 метрах от дзотов срывал с последних перекрытия или полностью заваливал их взрывной волной. Размер воронок М-30 составлял 2–2,5 метра глубиной и 6–8 метров в диаметре. Подсчет воронок в трех различных местах обследуемого узла свидетельствовал, что на один гектар приходилось 48–60 воронок. В связи с большим моральным воздействием разрывов снарядов М-30 на свою пехоту было предложено центр цели располагать так, чтобы наша пехота находилась в 150–200 метрах от ближайших разрывов. Кстати, ветераны 7-й бригады в беседе со мной с гордостью отмечали, что за весь период боевых действий не было случая, чтобы хоть один снаряд попал в расположение наших войск.

19 сентября 1943 года приказом командующего артиллерией Красной Армии комбригу М. Г. Григорьеву присвоено очередное воинское звание — гвардии подполковник.

За образцовое выполнение боевых задач командования и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1943 года 7-я гвардейская минометная бригада награждена орденом Красного Знамени. Указ Президиума Верховного Совета СССР был опубликован в печати 1 октября 1943 года.

В архивных материалах сохранились наградные и аттестационные документы на 7-ю гвардейскую минометную бригаду от 23 сентября 1943 года. В них, в частности, отмечается, что «19 марта 1943 года был произведен первый бригадный залп, который открыл счет боевых подвигов бригады. В боях за Карбусельский узел сопротивления с 17 марта по 6 апреля особенно отличились 509-й и 512-й отдельные гвардейские минометные дивизионы, которые с расстояния 1–2 км нанесли сильный удар по укреплениям противника, в результате чего передний край немцев был прорван. Все последующие месяцы, вплоть до 22 июля, бригада вела огонь на участке 8-й армии кочующими установками, которыми уничтожила 2 склада с боеприпасами, 16 дзотов, 1 танк и до батальона пехоты противника.

С 22 июля по 26 августа бригада поддерживала наступление армии с целью уничтожения Мгинско-Синявинской группировки. За этот период бригада произвела одиннадцать залпов, огнем

которых было уничтожено до полка пехоты, 5 минометных батарей, 2 склада с боеприпасами, взорвано до сотни дзотов, блиндажей и огневых точек. В этих боях бригада показала себя мощной боевой единицей, способной выполнить любое боевое задание.

Личный состав в этих боях продемонстрировал подлинный героизм и хорошую боевую выучку. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими захватчиками, более 50 человек было награждено правительственными наградами.

В ходе Мгинско-Синявинской операции бригада была признана лучшей среди минометных бригад фронта».

За образцовое выполнение боевых заданий командования, за мужество и героизм личного состава 7-я гвардейская, — как заключал начальник оперативной группы гвардейских минометных частей фронта, — «достойна правительственной награды — ордена Красного Знамени».

Таким образом, в длительных боях на болотах Волхова, под Ленинградом бригада выдержала суровый экзамен. Здесь она родилась, здесь грохотали ее первые мощные залпы, здесь на ее гвардейском Знамени засияла первая боевая награда — орден Красного Знамени.

Многие воины бригады были удостоены различных правительственных наград. На груди каждого гвардейца появилась медаль «За оборону Ленинграда».

По окончании Мгинской операции и непродолжительного отдыха 7-я гвардейская в конце сентября 1943 года передислоцировалась на левый фланг Волховского фронта, северо-восточнее Новгорода, войдя в подчинение командующего 59-й армией генерал-лейтенанта И. Т. Коровникова.

Большая часть личного состава и техники подразделений перемещалась автотранспортом, покрыв расстояние в 200 километров, а некоторые подразделения совершали переезд по железной дороге через станции Волхов — Тихвин — Неболчи — Малая Вишера.

Хорошо проведенная подготовка и организация переезда, строгое соблюдение всем личным составом дисциплины на марше обеспечили успешное перемещение бригады без каких-либо происшествий.

По прибытии на новое место расположения, в 50 километрах от станции Малая Вишера, бойцы дивизионов приступили к оборудованию аппарелей для автомашин, рытью землянок и устройству фронтового быта. Офицеры знали, что вопросам размещения личного состава, создания ему элементарных бытовых удобств, организации питания, соблюдения требований

гигиены подполковник М. Г. Григорьев уделял большое внимание. Он лично проверял, как размещены солдаты, качество приготовляемой пищи, состояние медицинского обслуживания, требуя от интендантов и медицинских работников при первой возможности организовывать помывку бойцов в бане. Эта требовательность командира бригады оказывала необходимое влияние на действия командиров дивизионов при размещении личного состава и создании для него возможных бытовых удобств.

Еще не были закончены работы по обустройству бойцов на новом месте, как, в соответствии с полученным приказом от 7 октября 1943 года, бригада принимает участие в боях в районе пионерского лагеря «Онега», поддерживая огнем части 6-й стрелковой дивизии 59-й армии.

12 октября состоялось торжественное построение соединения по случаю вручения ему ордена Красного Знамени. Праздничного торжества не нарушила даже ненастная погода. Член военного совета оперативной группы ГМЧ Волховского фронта гвардии полковник А. В. Иванов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября о награждении 7-й бригады и в наступившей тишине прикрепил орден к ее Боевому Знамени. Это была награда за массовый героизм и мужество, проявленные в ходе напряженных многодневных боев в период Карбусельской и Мгинско-Синявинской операций. Торжественный день закончился праздничным ужином и концертом фронтовой бригады артистов. Эта первая награда наполнила бойцов гордостью и сознанием, что их ратный труд получил высокую оценку.

За непродолжительное время своего существования, участвуя в боях, 7-я гвардейская окрепла организационно. Входящие в ее состав дивизионы, как правило, действовали с одной огневой позиции и управлялись с бригадного командного пункта. Для лучшего управления дивизионами, их маневрирования и обеспечения боеприпасами, а также учитывая, что в предстоящих боях бригада будет использоваться для прорыва укреплений противника как боевая единица, входящие в ее состав дивизионы получили новые названия. Отдельные дивизионы стали именоваться: 512-й — первым, 509-й — вторым, 573-й — третьим и 574-й — четвертым.

За время многомесячных боев на Волховском фронте подразделения бригады понесли потери в личном составе от артиллерийско-минометного огня и налетов авиации противника. Из строя было выведено большое количество автотранспорта и другой техники. Соединение нуждалось в пополнении людьми и техникой, для чего требовалось вывести его из числа

действующих боевых частей и передислоцировать в тыл. 12 декабря 1943 года был получен приказ командующего оперативной группой гвардейских минометных частей Волховского фронта о погрузке бригады на станции Малая Вишера в вагоны для дальнейшего следования в Москву.

Командир бригады подполковник М. Г. Григорьев подробно ознакомил личный состав с предстоящим путем следования по железной дороге, порядком погрузки личного состава и техники и необходимостью соблюдения строгой дисциплины в пути.

По мере подачи эшелонов на железнодорожную станцию 19 декабря началась погрузка подразделений бригады в вагоны. В течение суток все они были размещены в эшелонах и 20 декабря выехали в Москву, куда прибыли 22 декабря. После выгрузки бригада вошла в состав 6-й гвардейской минометной дивизии и расположилась в лесу, в районе поселка Щемилово, недалеко от станции Балашиха.

В представленных для размещения личного состава землянках в течение нескольких дней были проведены работы по благоустройству, подготовлены помещения для прибывающего пополнения.

Предстояло заново сформировать пятый (парковый) дивизион и по одной дополнительной батарее на каждый дивизион. Офицеры штаба бригады, в соответствии с указанием комбрига, самое серьезное внимание обращали тогда на качественный состав прибывающего пополнения. М. Г. Григорьев сам лично выезжал в места расположения резерва офицерского состава и в учебные центры ГМЧ для отбора командного состава и рядовых. Вот как вспоминает те дни ветеран бригады гвардии старшина в отставке И. А. Мягкий: «В полковую школу ГМЧ, где я находился, прибыл гвардии подполковник Григорьев для отбора младших командиров в свою бригаду. Проходя вдоль строя, комбриг своим острым взглядом изучал каждого, задавал несколько вопросов и, если человек подходил на определенную должность, тут же заносил его данные в свой блокнот».

Сам И. А. Мягкий был одним из первых зачислен на должность старшины паркового дивизиона. Обладая могучим телосложением, веселым нравом и, как позднее оказалось, прекрасным голосом, Мягкий, естественно, сразу попался на глаза командиру бригады. Включая его в свой список, Михаил Григорьевич весело добавил: «С такими гвардейцами мы быстро дойдем до Берлина». Слова командира оказались пророческими. Вскоре после победы над фашистской Германией в первую экскурсионную поездку в Берлин вместе с комбригом отправился и старшина паркового дивизиона Иван Алексеевич Мягкий.

Поступающие на пополнение офицеры и солдаты в основном уже имели опыт боев в составе гвардейских минометных частей. Прибывшим в бригаду офицерам Михаил Григорьевич тут же давал полезные советы и наставления, как быстрее вживаться в новый коллектив. Напомнив, что времени для комплектования отпущено слишком мало, он основной упор при выработке взаимоотношений между командиром и подчиненным делал на высокую требовательность к себе. Он подчеркивал, что только строгая взыскательность к самому себе поможет завоевать авторитет у подчиненного. На любой должности надо любить свое дело, жить им и отдавать ему все свои силы. Необходимо, напоминал он, всегда и во всем быть мастером своего дела, постоянно повышать свои знания.

Значительное пополнение бригады личным составом потребовало от командиров и политработников усиленной работы по сколачиванию боевых расчетов, взводов и батарей и проведения с ними напряженной учебы, используя свой опыт прошедших боев. Упор делался на изучение материальной части и на усовершенствование тактики применения реактивных снарядов в наступательном бою. Использовалась каждая возможность для изучения установок, тренировки расчетов по быстрому приведению реактивных минометов в боевую готовность. Для проведения практических занятий дивизионы выезжали на полигон.

Отдельные подразделения бригады привлекались к испытанию новых видов ракет и установок, над усовершенствованием которых продолжали работать советские конструкторы. Командир взвода Г. А. Иванов вспоминал, что одна из батарей под командованием старшего лейтенанта И. В. Вудянского выезжала в феврале 1944 года на испытание новых образцов пусковых установок, смонтированных на автомашинах и предназначенных для запуска снарядов М-31. Позже эти снаряды поступили на вооружение бригады.

В сжатые сроки все подразделения были укомплектованы личным составом, автотранспортом, средствами связи и другим необходимым имуществом. 3 марта 1944 года на станции Ленинградская-Товарная Московской железной дороги началась погрузка бригады в вагоны. В течение суток все подразделения были размещены в трех эшелонах и 4 марта в 3 часа ночи двинулись в северном направлении.

Четверо суток эшелоны продвигались на север. Позади остались древние русские города Ярославль и Вологда, станция Няндома. Не доезжая 119 километров до Архангельска, на станции Обозерская, свернули на северо-запад и продолжили

путь по построенной во время войны железной дороге между Обозерской и Беломорском.

В дивизионах во время пути продолжалась боевая учеба. Такой порядок был установлен командиром бригады и выполнялся беспрекословно. Ветеран бригады, бывший командир 2-й батареи 2-го дивизиона И. А. Довгий в своих воспоминаниях о передислокации на север пишет: «В пути следования шла напряженная учеба, которая была продолжением учебы, начатой в Щемиловском лагере, где совершенствовались боевые навыки, приобретенные большинством личного состава на Волховском фронте». Вообще в бригаде это стало законом — боевой учебе отводилась каждая свободная минута. Сам М. Г. Григорьев отслеживал учебный процесс. Позднее, уже после войны, такую практику он введет в 23-й бригаде особого назначения, которую будет формировать в очень непростых условиях.

8 марта 1944 года 7-я отдельная гвардейская краснознаменная минометная бригада прибыла на Карельский фронт, выгрузилась на станции Кандалакша и вошла в оперативное подчинение командующего артиллерией 19-й армии. Дивизионы бригады, совершив после выгрузки 52-километровый марш в район рек Нижний и Верхний Верман, приступили к оборудованию лагеря.

Войска Карельского фронта, которыми в это время командовал Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, с начала войны вели тяжелые оборонительные бои, в результате которых были сорваны попытки фашистского командования с ходу овладеть незамерзающим портом Мурманск, нарушить наши морские и сухопутные коммуникации на севере и овладеть базой Северного флота — Полярным. Войска фронта занимали оборону от холодного Баренцева моря до Ладожского озера, причем линия обороны проходила по местности, изобилующей болотами, озерами, реками, скалистыми возвышенностями и лесами, что позволило немецким и финским войскам создать прочные оборонительные укрепления. Это значительно затрудняло нашим войскам проведение наступательных операций. Против войск Карельского фронта, протяженность которого достигала тысячи километров, действовала на Кандалакшском, Ухтинском и Мурманском направлениях 20-я горная немецкая армия, а на Медвежьегорском и Петрозаводском направлениях войска противника были объединены в несколько оперативных групп.

По физико-географическим условиям Карелия и Заполярье были самыми трудными участками советско-германского фронта. Это хорошо почувствовали воины бригады по прибытии на Карельский фронт. Разведчик бригады сержант В. Н. Кузнецов

писал: «Всю жизнь прожил на Севере, а такого места не видел — мох, а под ним гранит и вода… и снегу столько, что диву даешься — откуда он мог взяться». Отсутствие дорог, глубокий снег затрудняли движение транспорта. Продвижение к передовой осуществлялось по разбитой дороге, с которой из-за снежных глубоких заносов невозможно было при необходимости съехать в сторону. Этим обстоятельством пользовалась вражеская авиация, совершая налеты на колонны техники и скопления наших войск. Бригада несла потери от артиллерийского огня противника и налетов его авиации.

Командование 19-й армии готовилось к наступательной операции, в которой предстояло принять участие и 7-й бригаде, поэтому после выбора огневых позиций ее воины приступили к подготовке залпа. Путь от Кандалакши до места сосредоточения проходил в невероятно трудных условиях — продвигались по проделанной в глубоком снегу «траншее». Непрерывно шел густой снег. Автомашины беспрерывно буксовали, и их приходилось выносить буквально на руках под команду «раз-два, взяли!». Водители тщательно следили за их состоянием, не допуская замерзания воды в радиаторах.

По прибытии на место сразу же приступили к оборудованию лагеря и аппарелей для автомашин, а также укрытия для боеприпасов. А в это время группа командиров минометных частей, во главе с командующим ГМЧ Карельского фронта генерал-майором Л. М. Воеводиным, выехала для проведения рекогносцировки и окончательного выбора огневых позиций.

Появление реактивных установок на Кандалакшском направлении вызвало большой интерес у пехотинцев, так как до этого они не встречались с этим грозным оружием. В части 104-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на участке фронта, где располагалась бригада, была направлена группа офицеров и сержантов, которые ознакомили пехотинцев с основными принципами действия ракетных установок и их взаимодействия с другими родами войск. Ветеран бригады старший лейтенант И. Г. Бадулин вспоминал, что пехотинцы слушали выступления представителей 7-й гвардейской с неподдельным интересом.

После выбора площадок для ведения огня бойцы бригады приступили к их оборудованию и транспортировке туда установок и боеприпасов. Из-за глубокого снега автомашины не могли подойти к огневым позициям, поэтому гвардейцам вновь пришлось все необходимое доставлять на руках, находясь под постоянным артиллерийским огнем противника и налетами его авиации. Преодолевая глубокие снежные заносы, при сильном морозе, используя лыжи и другие подручные средства, гвардейцы

бригады в установленные сроки были готовы к ведению огня. За проделанный ими поистине титанический труд командующий артиллерией 19-й армии объявил личному составу бригады благодарность.

Но наступательная операция была отменена, и залп не состоялся. Подразделения были сняты с огневых позиций и сосредоточены в районе Немозера, в пятидесяти двух километрах от Кандалакши.

В марте исполнялась первая годовщина бригады, но в связи с предполагаемой наступательной операцией празднование этой знаменательной даты было перенесено на один месяц.

Торжественное собрание состоялось 19 апреля в помещении клуба политотдела 19-й армии. В торжестве приняли участие заместитель командующего артиллерией фронта по ГМЧ Герой Советского Союза гвардии генерал-майор артиллерии Л. М. Воеводин и командиры всех гвардейских минометных частей и соединений фронта.

Начальником штаба бригады был зачитан приказ по оперативной группе ГМЧ фронта № 20, в котором говорилось:

> «…За год ваша бригада прошла славный путь борьбы с немецкими захватчиками и с честью выполняла все поставленные перед ней боевые задачи. Там, где появляется 7-я гвардейская Краснознаменная минометная бригада, противник всегда имеет большие потери.
>
> Военный совет объединенной группировки ГМЧ Калининского фронта надеется, что 7-я бригада, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, будет всегда в первых рядах среди гвардейских минометных частей фронта и еще более приумножит свои славные боевые традиции.
>
> Военный совет поздравляет весь личный состав 7-й гвардейской с годовщиной ее боевого пути и уверен, что в грядущих боях гвардейцы 7-й с честью пронесут свое Гвардейское знамя до полной победы над фашизмом.
>
> Слава 7-й-гвардейской Краснознаменной минометной бригаде!»

В ожидании дальнейших указаний командования личный состав бригады в течение двух месяцев занимался боевой учебой, проводил разбор прошедших операций и приводил в порядок технику. Политический отдел соединения использовал это время для усиления партийно-политической работы среди личного состава. Пропагандисты и агитаторы проводили беседы,

знакомили гвардейцев с успехами Красной Армии на фронтах и трудовыми достижениями советского народа в тылу. Нередко перед личным составом выступал и комбриг Григорьев.

Вскоре был получен приказ, согласно которому бригаде предстоял путь на левый фланг Карельского фронта. 12 июня 1944 года ее подразделения направились по железной дороге к новому месту расположения и 17 июня прибыли на станции Опять и Паша, войдя в подчинение командующего 7-й отдельной армией генерал-лейтенанта А. Н. Крутикова. Эта армия с сентября 1941 года занимала оборону между Ладожским и Онежским озерами по реке Свири. В предстоящей операции перед 7-й армией была поставлена задача — взломать оборону противника, форсировать реку Свирь и, разбив его группировку войск, выйти на государственную границу в районе Вертиля и Сортавалы.

Против 7-й армии находились Масельская и Олонецкая оперативные группы финских войск. За три года противник создал мощную глубоко эшелонированную оборону из трех оборонительных полос. При строительстве укреплений финны использовали благоприятную для них местность, которая характеризовалась наличием заболоченных лесных массивов, озер, рек и отсутствием дорог.

18 июня командующий объединенной группировкой ГМЧ поставил перед бригадой задачу: на период прорыва обороны противника дополнительно сформировать сборную бригаду М-30 двухдивизионного состава, по шесть батарей в каждом дивизионе, а командиру 7-й бригады М. Г. Григорьеву принять командование и над ней. Огневые позиции оборудовались в районе города Лодейное Поле.

Обеим бригадам планировалось ведение огня двумя боекомплектами. Готовность огня назначалась на 5 часов утра 21 июня 1944 года. Для залпа необходимо было завезти на огневые позиции более 4,5 тысяч реактивных снарядов. При подвозе такого большого количества боеприпасов приходилось испытывать дополнительные трудности. Не хватало транспортных машин, рейсы были дальние, дороги перегружены. И все же, несмотря на это, личный состав за сравнительно короткий срок с честью справился с поставленной задачей.

Получив боевое задание для нанесения залпа по укреплениям противника на северном берегу реки Свирь, подполковник М. Г. Григорьев с группой офицеров 19 и 20 июня провел рекогносцировку местности и произвел выбор огневых рубежей. Было принято решение — расположить дивизионы бригады на двух позициях: непосредственно в городе Лодейное Поле и в

одном километре к югу от города. Бывший помощник командира батареи 3-го дивизиона старший лейтенант М. И. Зайцев вспоминал, что огневые позиции дивизиона располагались на Комсомольской улице, около дома 32 в городе Лодейное Поле. Были проведены большие работы по маскировке подготовки к наступлению. Комендантская служба строго следила за соблюдением маскировки. Занимая рубеж в непосредственной близости от передовой, гвардейцы бригады не могли доставлять технику и боеприпасы в дневное время, а поэтому подготовка к залпу велась только ночью. Используя неровности местности и развалины строений, бойцы на плечах носили на огневую позицию установки и боеприпасы. Сюда же кроме установок необходимо было доставить от двух до трех комплектов реактивных снарядов, так как требовалось в течение артподготовки произвести несколько залпов. Оборудование огневых позиций и доставка туда установок и боеприпасов осуществлялась под артиллерийским и минометным огнем противника. Вражеская авиация систематически совершала налеты на расположение наших войск. Но это не могло сорвать подготовку к залпу. Под огнем противника, проявляя массовый героизм, гвардейцы продолжали свою работу.

Ратный труд солдат и офицеров увенчался успехом. Уже к вечеру 20 июня дивизионы были готовы к открытию огня. После докладов командиров о готовности своих дивизионов гвардии подполковник Григорьев сообщил на командный пункт объединенной группировки минометных частей (ОГМЧ) фронта о готовности бригад к залпу.

21 июня 1944 года, ровно в 8.40 утра, раздался оглушительный гул. Согласно графику ведения огня, бригады, основная и сборная, произвели первый залп снарядами М-30 и М-31 по узлам сопротивления противника и расчистили путь к наступлению 98-й и 99-й стрелковым дивизиям. С первым залпом реактивных установок началась артиллерийская подготовка. От колоссальной мощи огня содрогалось небо, на северном берегу реки Свири гудела земля. После перезарядки, в 11.50, перед окончанием артиллерийской подготовки был произведен второй залп обеих бригад. В это утро бригады выпустили свыше 4500 мин. В результате мощной 3,5-часовой артиллерийской подготовки река Свирь была форсирована. На ее северном берегу войска армии устремились в прорыв.

Поддерживая своим огнем 98-ю и 99-ю стрелковые дивизии, гвардейцы 7-й минометной проявили героизм и мужество. После начала артиллерийской подготовки противник открыл ответный огонь такой интенсивности, что в расположении бригады трудно

было разобрать команды, и оттого они подавались жестами и условными сигналами. Особенно усиленному обстрелу подверглись позиции 3-го дивизиона. Тяжелые ранения получили командир подразделения майор А. А. Зайцев и начальник штаба капитан А. Е. Хомутов. Дивизион остался без командования. Но это длилось недолго. Спустя несколько минут заместитель командира по политической части капитан А. И. Мажанов взял командование дивизионом на себя и своим умелым руководством обеспечил выполнение боевой задачи.

Уже к 13 часам 21 июня через реку были наведены понтонные переправы, а к концу дня и мосты. В первый же день наступления нашими войсками был захвачен плацдарм шириной до 20 километров и глубиной до 8 километров. Пехотные части, продвигаясь с боями вперед, встречали яростное сопротивление со стороны финских войск. Для подавления опорных пунктов противника требовалось привлечение тяжелой артиллерии, в том числе и реактивной. 23 июня 7-я бригада переправляется на правый берег реки Свири и следует в направлении города Олонца, сосредоточиваясь в 6 километрах северо-западнее этого населенного пункта. Во время движения подразделения бригады несколько раз подвергались налетам вражеской авиации.

24 июня пришло радостное сообщение, что за отличие в борьбе с фашистскими захватчиками при форсировании реки Свири 7-я гвардейская была удостоена благодарности Верховного Главнокомандующего. А позднее, приказом ВГК от 2 июля 1944 года, за успешное выполнение задания и в ознаменование боевых заслуг личного состава бригады при прорыве обороны противника на реке Свири ей присвоено почетное звание — «Свирская».

15 июля на Заозерных высотах, в районе Питкяранты, бригада вновь произвела свой сокрушительный залп, выпустила 1114 снарядов и тем самым помогла сломить упорное сопротивление врага.

В ходе Свирско-Петрозаводской операции наши войска продвинулись вперед на 250 километров и почти полностью очистили от врага Карельскую республику с ее столицей городом Петрозаводском, освободили важнейшие коммуникации, связывающие Крайний Север с центральными районами страны, — Беломорско-Балтийский канал и Кировскую железную дорогу и вынудили правительство Финляндии вступить в переговоры о мире.

Это была первая для бригады операция, в которой воины познали радость изгнания противника с родной земли, радость продвижения вперед и освобождения своей территории. Каждый с гордостью чувствовал, что он своим трудом, своими действиями

приближает день окончательной победы над врагом. Вот почему наступательный порыв всего личного состава был неиссякаем.

Ратный труд и подвиги солдат и офицеров были высоко оценены командованием. Приказом командующего фронтом от 30 июля 1944 года, от имени Президиума Верховного Совета СССР, за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте борьбы с фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество командир 7-й бригады гвардии подполковник М. Г. Григорьев был награжден орденом Красного Знамени. Вместе с ним были удостоены правительственных наград еще 114 воинов.

Все понимали, что полученная комбригом награда вполне заслужена. Личному составу хорошо были известны высокие качества их командира. Все знали его замечательные организаторские способности, храбрость, его умение в самые трудные минуты боя служить для бойцов примером. Своим трудолюбием и честностью, простотой и человечностью Михаил Григорьевич снискал себе глубокое уважение воинов соединения. Многие, наблюдая его в повседневной фронтовой обстановке, учились у комбрига деловитости, принципиальности, мужеству и преданности Родине.

Испытывая сильнейшее противодействие врага, бригада проследовала через Олонец и Сальми в направлении взятого 10 июля опорного пункта Питкяранты. Пытаясь не допустать переноса военных действий на территорию своей страны, финны, перебросив сюда подкрепления, оказывали ожесточенное сопротивление. Для нанесения удара по вражеским укреплениям дивизионы бригады заняли огневые позиции в городе Питкяранты возле железнодорожного вокзала рядом с разрушенным пакгаузом. Бывший командир 2-й батареи 2-го дивизиона И. А. Довгий вспоминал, что личный состав батареи, несмотря на каменистый грунт, существенно затруднявший установление сошников и крепеж рам, проявляя находчивость и смекалку, соблюдая меры предосторожности и маскировки, работал с большим воодушевлением. В короткое время были смонтированы рамы и закреплены реактивные снаряды на них. Батарея, как и вся бригада, изготовилась к залпу. Командир бригады подполковник М. Г. Григорьев подал команду: «Огонь!» — и сотни реактивных снарядов обрушились на скопление вражеских войск.

Затем гвардейцев перебросили на правый фланг 7-й армии. Выполняя приказ, бригада 9 августа 1944 года снялась с огневой позиции и проследовала в район города Петрозаводска, сосредоточиваясь вблизи деревни Пир Гора. В соответствии с указаниями командования соединения в дивизионах началась

работа по устранению полученных во время боев неисправностей реактивных установок, ремонту автотранспорта и приведению боевого имущества в надлежащее состояние. Медицинские работники организовали помывку личного состава в бане и стирку белья. Приехавшие из Петрозаводска артисты Московского театра оперетты во главе с народным артистом РСФСР Н. Рубаном порадовали гвардейцев интересным концертом. Это был хороший и заслуженный отдых после напряженных боев.

Во время нахождения под Петрозаводском в бригаду поступили новые реактивные установки БМ-31-12. Смонтированные на автомобильных шасси, эти установки обладали большой маневренностью. Бойцы 1-го дивизиона, куда были переданы вновь полученные пусковые установки, с большим рвением приступили к их освоению, подготавливая эти установки к предстоящим боям. В это время в бригаду прибыло новое пополнение.

После поражения финнов и выхода Финляндии из войны Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила войска на Крайнем Севере для разгрома крупной группировки гитлеровцев в Заполярье.

Петсамо-Киркенесская наступательная операция Карельского фронта была проведена в октябре 1944 года войсками 14-й армии на одном из самых трудных театров военных действий — в районе Заполярья. В ходе наступления армии пришлось преодолевать глубоко эшелонированную оборону противника в труднопроходимой местности, представлявшей собой горную тундру, лишенную растительности, с многочисленными скалистыми горными нагромождениями, реками, ручьями и болотами. Отсутствие путей продвижения и естественных укрытий от воздушного наблюдения усложняло подготовку и проведение операции, особенно занятия боевых порядков перед ее началом. При выдвижении бригад М-31 на огневые позиции материальная часть и боеприпасы подносились личным составом на руках на расстояние в 3–4 километра.

Наличие у противника мощных узлов сопротивления, оборудованных на господствующих высотах и имевших между собой огневую связь, а также большого количества бетонных и железобетонных сооружений, опоясанных минными полями и колючей проволокой в несколько рядов, требовало применения сильных средств разрушения.

Разгром заполярной группировки противника возлагался на 14-ю армию, при тесном взаимодействии с Северным флотом и 7-й воздушной армией.

С 6 по 18 сентября из 7-й армии и из резерва фронта в 14-ю

армию было переброшено несколько гвардейских полков и тяжелых гвардейских минометных бригад, в том числе и 7-я гвардейская Свирская краснознаменная минометная бригада.

Главный удар наносился левым флангом армии в направлении высот Кариквайвишь — Луостари — Петсамо с целью разгрома 2-й горной дивизии немцев и освобождения района Петсамо — Никель.

Совершив марш по железной дороге из района Петрозаводска и разгрузившись на станции Кола, 7-я бригада 8 сентября вошла в оперативное подчинение командующего артиллерией 14-й армии и сосредоточилась 13 сентября в районе Западной Лицы.

13 сентября 1944 года М. Г. Григорьев получил задачу подготовить четыре дивизионных залпа по опорному пункту «гора Малый Кариквайвишь» на участке 10-й гвардейской стрелковой дивизии. Проведя рекогносцировку местности и выбрав подходящие огневые позиции (ОП) в районе озер, западнее высоты «Заяц», командир отдал приказ дивизионам занять территорию, а взводу топографической разведки произвести привязку рубежей к карте.

Плотность огня по опорному пункту Малый Кариквайвишь рассчитывалась в 60 снарядов М-31 и М-31 УК на 1 гектар площади в лучшей части эллипсов рассеивания. Выбранные огневые позиции совершенно не имели путей подъезда, поэтому доставку всей материальной части и боеприпасов вновь пришлось осуществлять на себе. В работу включился весь личный состав бригады во главе с командованием. Путь от района сосредоточения к огневым рубежам проходил по открытой местности, мимо высоты «Заяц», и составлял не менее 4 километров, условия работы были крайне тяжелые и непривычные. Суровая, голая, местами заболоченная, с пересеченным рельефом тундра, усеянная крупными и очень крупными валунами. Все подходы к позициям просматривались и находились под постоянным обстрелом, любое движение усиливало огонь противника. Зарыться в землю не позволял гранит, единственным местом для укрытия во время артобстрелов и авианалетов служили многочисленные валуны и складки местности.

В течение 16, 17 и 18 сентября продолжалась титаническая работа по переноске многотонного груза — 144 рам и 1152 реактивных снаряда. Все эти дни без сна и отдыха трудились гвардейцы под холодным осенним моросящим дождем, а главное, под огнем противника. Воины бригады, проявив образец физической выносливости, невозможное сделали возможным. Во время встречи с ветеранами 7-й бригады один из них сказал мне:

«Везде приходилось нелегко, но этот чертов Кариквайвишь до конца своей жизни не забуду. И добавил в сердцах: — Будь он неладен!»

Надо же, когда писал этот отрывок, по телевидению как раз показывали эпизод, что где-то для подростков организовали бои «с исторической тематикой». Мальчишки надевают тяжелые доспехи и сражаются на мечах. Диктор с пафосом говорил, что так они легче познают историю Отечества. И у меня мелькнула мысль — а почему бы их не одеть в форму бойцов Великой Отечественной, чтобы они по двое пронесли 105-килограммовые снаряды ночью по болоту на стартовую позицию. И за ночь сделали несколько ходок по 4 километра в одну сторону. Может, и Великая Отечественная война предстанет перед ними в другом, неискаженном свете?

Накануне наступления, 6 октября, во всех дивизионах и батареях с большим подъемом прошли партийные и комсомольские собрания, а также митинги всего личного состава, на которых зачитывалось обращение военного совета фронта. В принятых на митингах решениях гвардейцы заверили командование в том, что они внесут достойный вклад в дело победы над врагом в Заполярье. Во время подготовки к операции увеличился, как обычно, приток заявлений в партийные организации с просьбой о приеме в члены ВКП(б).

7 октября в 10.00, как только прозвучала команда командира бригады: «Огонь!» — раздался мощный рокот и огневой шквал озарил все вокруг. 7-я гвардейская произвела залп, обрушив на головы врага 1129 снарядов. В плотном облаке дыма и пыли взмывали вверх и метались огненные стрелы от реактивных снарядов. Высота Малый Кариквайвишь погрузилась в темноту, в которой просматривались языки пламени, вылизывающие землю и сметающие на ней все живое. Складывалось впечатление, как будто землю трясет лихорадка. Картина была впечатляющая. Оказавшийся в расположении бригады заместитель командующего Карельским фронтом тут же на огневых позициях объявил благодарность гвардейцам-минометчикам за отлично проведенный залп. После окончания артподготовки, которая длилась почти 2,5 часа, части 10-й гвардейской стрелковой краснознаменной дивизии поднялись в атаку и через полчаса штурмом овладели высотой Малый Кариквайвишь.

8 период подготовки к залпу и во время стрельбы бригада понесла потери. 9 октября 1944 года во время минометного обстрела получил ранение в бедро комбриг Григорьев. Рана была слепая, и узнать, в каком направлении шел раневой канал, не представлялось возможным, необходима была срочная

госпитализация. После наложения повязки Михаил Григорьевич и слышать не хотел о направлении его в тыл. С трудом забрался он в свою машину и настроился было на дальнейшее командование. Вскоре в расположение бригады, узнав о ранении Григорьева, примчался сосед, комбриг 25-й бригады ГМЧ гвардии полковник Т. Н. Небоженко («батько Небоженко», как его любовно называли подчиненные), который поддержал решение о госпитализации. Дебаты затянулись далеко за полночь, только к утру командир «сдался» и фельдшер В. С. Маркевич отвез его в госпиталь.

Операцию в госпитале Григорьеву делал главный хирург фронта А. А. Вишневский. В своей книге «Записки хирурга» он пишет: «12 октября оперировал командира ракетной бригады Григорьева. Возился долго, осколок ушел глубоко в малый таз». Так что в случае запоздалой госпитализации могли бы быть и неприятности.

По случаю освобождения города Петсамо и за успехи, достигнутые в проводимой военной операции, Верховный Главнокомандующий в своем приказе от 15 октября 1944 года отметил успешные действия артиллеристов. В числе отдичившихся была названа и бригада гвардии подполковника М. Г. Григорьева.

После овладения городом Петсамо 7-я гвардейская минометная бригада в течение некоторого времени находилась в резерве командующего 14-й армией. Один из дивизионов поддерживал наступление 45-й стрелковой дивизии 131-го стрелкового корпуса, а 27 октября он был возвращен в состав своей бригады.

23 октября, прикрывая огнем продвигающуюся вперед 45-ю стрелковую дивизию, минометчики произвели залп своим подвижным дивизионом, выпустив 128 мин. После залпа бойцы дивизии форсировали залив Яр-Фьорден и вошли в город Хагафвель. После освобождения района никелевого производства и городов Никель, Ахмалахти, Сальмиярви, Тарнет, Торте командование фронта поставило задачу захватить город Киркенес, чтобы не дать противнику эвакуировать морем остатки разгромленных войск.

24 октября ударом с юга части 14-й стрелковой дивизии 131-го стрелкового корпуса овладели городом Киркенесом. Жители Норвегии с радостью встретили советских воинов-освободителей.

Таким образом, разгромив северную группу войск, части 14-й армии очистили от врага территорию Заполярья и вышли на государственную границу с Норвегией и Финляндией.

Храбрость, инициатива и героизм гвардейцев-минометчиков были высоко оценены Родиной. Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 14 ноября 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и за проявленные при этом мужество и героизм на гвардейском Знамени бригады появилась вторая награда — орден Кутузова II степени. За бои в Заполярье 135 солдат, сержантов и офицеров получили правительственные награды. Высоко оценивая заслуги воинов Карельского фронта, Президиум Верховного Совета СССР 5 декабря 1944 года учредил медаль «За оборону Советского Заполярья», которую получил весь личный состав бригады.

После войны М. Г. Григорьев еще вернется на Север. Но уже для того, чтобы строить, а не разрушать. И строительство это по напряжению сил, по сложности не будет уступать накалу боев.

В середине декабря 1944 года 7-я гвардейская Свирская краснознаменная ордена Кутузова минометная бригада прибыла в Польшу и, разгрузившись на станции Острув-Мазовецки, влилась в состав 2-го Белорусского фронта. С 21 декабря бригада вошла в оперативное подчинение командующего артиллерией 2-й ударной армии, а организационно в состав 4-й гвардейской минометной Сивашской дивизии.

Поставленная перед гвардейцами задача сводилась к проведению залпов стационарными дивизионами по опорному узлу Дзержаново, а подвижным дивизионом — по скоплению огневых средств в роще северо-западнее опорного узла. Получив боевую задачу, бригада приступила к инженерному оборудованию огневых позиций, командного и наблюдательного пунктов в районе деревни Бобы, что было связано с колоссальным напряжением всех сил при крайне неблагоприятных погодных условиях.

В глубоко промерзшем грунте предстояло выполнить большие инженерные работы. Продолжались они более 10 дней. Мерзлая глина поддавалась с трудом. С помощью шанцевого инструмента, тола, снарядов, противотанковых мин, «позаимствованных» у противника с нейтральной полосы, было отрыто 156 орудийных окопов полного профиля, 46 ниш под боеприпасы, 39 ровиков для личного состава, 13 блиндажей и 24 аппарели для боевых машин. К 6 января оборудование боевых порядков было завершено. Объем произведенных земляных работ составил 19 тысяч кубометров. Все работы велись только ночью.

Задача 108-го стрелкового корпуса состояла в том, чтобы прорвать оборону противника в районе Дзержаново — Бяловежа, обеспечить ввод в прорыв основных сил армии и способствовать развитию успеха наступления в направлении на Цеханув.

14 января в 10 часов утра залпом гвардейских минометов началась мощная полуторачасовая артиллерийская подготовка, а

затем атака 48-й и 2-й ударной армий.

По команде комбрига 7-я бригада произвела залп тремя дивизионами по опорному пункту Дзержаново, в поддержку наступающей 90-й стрелковой дивизии 108-го стрелкового корпуса, и выпустила 1079 снарядов М-31. Подвижный дивизион в это же время произвел залп тремя батареями по роще у деревни Дзержаново и выпустил 144 снаряда М-31-УК.

Залп гвардейских минометов лег точно по цели, в результате чего опорный пункт Дзержаново был взорван, разрушено до 400 метров траншей, 3 дота и до 20 дзотов. Огневая система противника на этом рубеже полностью подавлена. Части 98-го и 108-го стрелковых корпусов, преодолевая сопротивление разрозненных групп врага, овладели первой линией траншей, а к исходу дня части 2-й ударной армии продвинулись уже на 4 километра.

15 января вновь прогремел залп по контратакующим гитлеровцам. Сотни реактивных снарядов сорвались с направляющих и, оставив за собой огненный след, с грохотом разорвались на позициях противника. С наблюдательного пункта было видно, как фонтаны пламени и черного дыма взметнулись в небо. В результате залпа контратаки пехоты и танков противника были отбиты, огнем реактивной артиллерии уничтожено 7 танков, 3 самоходных орудия и более 300 фашистов. Угроза, создавшаяся на правом фланге дивизии, была своевременно ликвидирована. Особенно активно во время залпов, при отражении контратак действовал первый дивизион. Командир дивизиона И. В. Федосов под огнем противника с ходу разворачивал свою часть на совершенно открытой местности, давал залп и тут же уходил в укрытия для перезарядки.

18 января 1945 года Верховный Главнокомандующий объявил 7-й бригаде благодарность за отличия в боевых действиях при прорыве обороны противника на Наревском плацдарме. Это известие вызвало у гвардейцев прилив новых сил для окончательного разгрома врага. В батареях и дивизионах состоялись митинги, на которых гвардейцы обещали и впредь бить фашиста мужественно и умело.

Взломав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на Наревском плацдарме, войска 2-го Белорусского фронта начали свое победоносное наступательное шествие на запад, освобождая земли союзной нам Польши, и продвинулись с 14 по 18 января до 60 километров. Уже 19–20 января противник на отдельных участках был отброшен за государственную границу, в Восточную Пруссию, где продолжал вести ожесточенные арьергардные бои. На границе рейха

гитлеровцы сражались с крайним остервенением, видимо, предчувствуя грядущую расплату за все злодеяния, совершенные ими на нашей земле в течение трех лет войны.

20 января Ставка изменила первоначальный оперативный план, и при подходе к Висле часть армий была развернута на север и северо-восток против восточно-прусской группировки. Главная задача теперь заключалась в выходе к заливу Фриш-Гаф, чтобы овладеть городами Дейч-Эйлау, Мариенбургом, Тори, Эльбингом и отрезать Восточную Пруссию.

Вступление на территорию, издавна считавшуюся «осиным гнездом прусской военщины», гвардейцы встретили с большим воодушевлением. Поддерживая наступление 372-й стрелковой дивизии в районе Альт-Хрисбурга, 26 января в 2.30 первый дивизион двумя батареями произвел залп по огневым точкам, расположенным в домах и подвалах крепости Мариенбург. Тонны металла обрушились на вражеские укрепления и перепахали всю землю со всем тем, что на ней находилось. Огнем дивизиона было подавлено около 20 огневых точек противника. Части 272-й стрелковой дивизии захватили окраины города.

Для дальнейшего наступления, с форсированием крупной водной преграды — реки Вислы, необходимо было овладеть городами Мариенбургом и Эльбингом. Отрезанный в Восточной Пруссии и прижатый к морю противник 28 января перешел в контрнаступление, пытаясь все же вырваться из окружения. Спешно в полосу действия 142-й стрелковой дивизии 98-го корпуса был переброшен первый дивизион, который, несмотря на снежные заносы, успешно совершил марш и своевременно дал залп в районе деревни Визе. Враг, готовый силами до одного полка броситься в контратаку, был уничтожен.

29 января бригада получила от командующего артиллерией 2-й ударной армии задачу подготовить 30 января к 8.00 два дивизионных залпа по огневым точкам в крепости Мариенбург в полосе наступления 372-й дивизии 108-го стрелкового корпуса. 29 января с 20.00 воины бригады приступили к подготовке залпа. 30 января к 6.00 все уже было готово для открытия огня. После проведенного залпа 1 февраля 372-я стрелковая дивизия овладела Мариенбургом.

В полночь 1 февраля М. Г. Григорьев получил задачу от командующего артиллерией армии передислоцироваться на правый фланг, в район Эльбинга, и поддержать огнем 116-й стрелковый корпус, на который возлагалась ответственная задача — взять город. В 12.00 бригада двумя дивизионами дала залп по городу Эльбингу, который уничтожил до 100 гитлеровцев и до 30 огневых точек. В это же время подвижный дивизион, поддерживая

381-ю стрелковую дивизию 98-го стрелкового корпуса, дал батарейный залп по опорному пункту северо-западнее Эльбинга, выпустив 48 снарядов.

На следующий день первый дивизион вновь дал батарейный залп и выпустил 48 снарядов в полосе наступления 381-й дивизии.

Всего за время боев в Восточной Пруссии бригадой было выпущено по противнику 4584 снаряда.

7 февраля 7-я бригада вышла из подчинения командующего артиллерией 2-й ударной армии и вошла в резерв командующего артиллерией фронта.

Наши войска огромным клином устремились к Одеру, оказавшись всего в 60 километрах от Берлина. Своей восточно-померанской группировкой немецкая армия нависла над правым флангом 1-го Белорусского фронта, который вел в это время бои за Одер, и создала угрозу для дальнейшего наступления. С этим нельзя было не считаться.

С 8 февраля на основании приказа Верховного Главнокомандующего 2-й Белорусский фронт освобождался от участия в Восточно-Прусской операции и, передав часть своих сил 3-му Белорусскому фронту, должен был продолжить наступление всеми силами в направлении на Бублиц, тесно взаимодействуя с 1-м Белорусским фронтом. Так начиналась Восточно-Померанская операция, предназначенная для разгрома крупной группировки противника.

План боевых действий 2-го Белорусского фронта по ликвидации вражеских войск в Восточной Померании заключался в том, чтобы нанести рассекающий удар своим левым крылом по группировке противника, выйти на побережье Балтийского моря, отсечь 2-ю немецкую армию и очистить от врага восточную часть Померании со всеми портами Дан-цигской бухты. С этой целью сюда подтягивалась и прибывшая из резерва 19-я армия. Для укрепления своего левого фланга, по указанию маршала К. К. Рокоссовского, туда были направлены в первых числах февраля 49-я армия и бригады реактивной артиллерии.

7 и 8 февраля 7-я бригада совершила напряженный многокилометровый марш, переправилась через реку Вислу и к исходу 8 февраля, сосредоточившись в городе Врахлине, вошла в оперативное подчинение командующего 49-й армией.

Согласно указаниям командующего артиллерией армии, залп надо было готовить по опорному пункту Блондзмину 10 февраля к 3 часам ночи. Огневые позиции для всех четырех дивизионов были выбраны и оборудованы в городе Карлхорсте. Дивизионы, совершив 30-километровый марш по труднопроходимым дорогам,

разбитым танками, своевременно доставили материальную часть и боеприпасы. За короткое время залп был подготовлен, и 10 февраля в 12.25 бригада нанесла удар, выпустив по узлу Блондзмину 182 снаряда М-30 и 307 снарядов М-31. Оборона противника была подавлена, путь для наступления 121-го стрелкового корпуса открыт.

С 19 февраля бригада перешла в оперативное подчинение командующего 19-й армией. 23 февраля от командующего артиллерией армии М. Г. Григорьев получил задачу подготовить залп по крупному опорному пункту немецких войск в районе города Мариенфельде.

В трудных условиях совершенно открытой местности, под непрерывным обстрелом врага бригада своевременно подготовила и 24 февраля успешно произвела залп по опорному пункту юго-западнее города Мариенфельде. Своим огнем на участке Мариенфельде — Грюпов она обеспечила частям армии надежный прорыв вражеской обороны.

За период с 22 по 27 февраля бойцы 19-й армии овладели городами Дейч-Кроне, Хойнице, Гнев, Глохау, Хаммерштейн. Принимая участие в этих боях, 7-я гвардейская минометная бригада была удостоена благодарности Верховного Главнокомандующего.

За отличие в февральских боях 62 человека были представлены к правительственным наградам. Командир бригады гвардии подполковник М. Г. Григорьев награжден орденом Отечественной войны I степени.

25 марта 1945 года 134-й стрелковый корпус завязал уличные бои в городе Гдыне. На всех дорогах и на других танкодоступных местах противник выставил мощные заслоны артиллерии и противотанковых средств. Каждый дом, каждая квартира были буквально нашпигованы фаустпатронами, предназначенными для обороны города отрядами фольксштурма. Для сопровождения наших стрелковых частей в центральные кварталы были привлечены и дивизионы бригады. Так, например, первый дивизион, получив задачу на проведение залпа по огневым точкам гитлеровцев в районе Гробау, имел в своем распоряжении на подготовку огня всего лишь 30 минут. И, несмотря на сжатые сроки, интенсивный обстрел противником огневых позиций и путей подъезда к ним, дивизион, совершив двухкилометровый марш, вышел на огневые позиции, быстро изготовился к бою и в 11 часов 35 минут дал залп. После мощного прицельного огня стрелковые части заняли центр города практически без потерь. Противник был выбит на северные окраины Гдыни, где продолжал еще оказывать яростное сопротивление.

27 марта в 1.50 бригада дала залп по Гробау — пригороду Гдыни и выпустила 516 снарядов для поддержки наступления 205-й стрелковой дивизии. Залпом был взорван склад с боеприпасами и разрушено 15 огневых точек.

К 26 марта город Гдыня был почти полностью очищен от гитлеровцев. Бои продолжались только в районе пристаней и на высотах южнее города. К. К. Рокоссовский, в то время командовавший войсками 2-го Белорусского фронта, в своей книге «Солдатский долг» пишет: «28 марта Гдыня была в наших руках… В боях за Гдыню были полностью разгромлены четыре вражеские дивизии, восемь отдельных полков и двадцать батальонов различного назначения. Всего в районе Гдыни противник потерял 50 тысяч убитыми, 229 танков и самоходных орудий, 387 полевых орудий, 71 самолет и более 3500 автомашин. Нашими частями было захвачено свыше 18 тысяч пленных, около 200 танков и самоходок, 6246 автомашин».

Достойный вклад в разгром вражеской группировки внесла и 7-я гвардейская. Всего во время проведения Гдыньской операции бригадой было выпущено 2767 снарядов. В боях за город Гдыню она своим огнем уничтожила до 400 солдат и офицеров противника, 38 огневых точек, 10 дзотов, 9 блиндажей, 6 орудий, 2 склада боеприпасов.

Родина высоко оценила боевые заслуги гвардейцев-минометчиков. За отличие в боях при овладении городом и военно-морской базой Гдыня Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая бригада была награждена третьим орденом — орденом Александра Невского. Ее личный состав был удостоен благодарности Верховного Главнокомандующего.

15 апреля соединение вошло в оперативное подчинение командующего артиллерией 49-й армии. Совершив 70-километровый марш к Одеру, дивизионы в этот же день к 17.00 сосредоточились в 1,5 километрах южнее города Хейнрихсдорфа.

М. Г. Григорьевым была получена боевая задача, и после произведенной рекогносцировки и выбора боевых порядков в полосе 121-го стрелкового корпуса личный состав приступил к их инженерному оборудованию. В ночь с 19 на 20 апреля бригада двумя подвижными и двумя стационарными дивизионами заняла боевые порядки. Для БМ-31-12 и рам М-30 были отрыты окопы полного профиля, ровики для личного состава и блиндажи. 20 апреля 1945 года в 7.45 своими рамными и в 7.50 подвижными дивизионами минометчики дали залп по крупному опорному пункту — Фридрихсталь, выпустив 857 снарядов М-31-УК. Реактивные снаряды взорвали мощный укрепленный район противника на левом берегу Одера.

25 апреля к 15.00 части 121-го стрелкового корпуса после продолжительных и упорных боев овладели опорным пунктом Фридрихсталь и стали продвигаться вперед. В боевых порядках 121-го стрелкового корпуса неотступно следовали два подвижных дивизиона 7-й бригады: первый дивизион — с 380-й, а четвертый — с 42-й стрелковыми дивизиями.

23 апреля, завершив прорыв, войска вышли к реке Рандову и захватили город Гартц. К 25 апреля части 65-й и 70-й армий достигли населенных пунктов Радеков и Петерсхаген. Противник, охваченный с флангов наступающими частями 70-й армии и 1-го Белорусского фронта, с 25 апреля вынужден был отходить в западном направлении. Перемещаясь за наступающими частями армии, подвижные дивизионы бригады 26 апреля переправились через Одер.

За прорыв на Одере и за взятие ряда городов, в том числе города Штеттина, 7-й гвардейской вновь была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками при овладении городами Штеттин, Гартц, Пекун, Шведт и проявленные при этом доблесть и героизм бригада Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1945 года была награждена орденом Суворова II степени. Это был ее четвертый орден. К концу войны только три гвардейских минометных соединения имели на своих знаменах по четыре ордена.

Вплоть до 29 апреля бригада, в готовности к немедленному открытию огня, сопровождала наступающие части своими подвижными дивизионами. Несмотря на то что противник разрушал и минировал все дороги, стремительное преследование отходящего противника продолжалось. Скорость продвижения наших войск достигала 25–30 километров в сутки. Ломая ожесточенное сопротивление врага, воины-гвардейцы совместно с танковыми и механизированными войсками стремительно продвигались на запад. К исходу 30 апреля бригада вышла в район города Везенберга, где дала свой последний за войну залп по врагу, за что была вновь удостоена благодарности Верховного Главнокомандующего.

4 мая части 45-й армии 2-го Белорусского фронта вышли к реке Эльба и соединились с войсками англо-американской армии. 5 мая гвардейцы-минометчики 7-й в районе города Пархима также встретились с союзниками.

9 мая в районе города Пархима проходило торжественное построение бригады по поводу окончания войны — праздника Победы.

С 9 мая по 9 августа 1945 года 7-я гвардейская входила в состав Северной группы войск с дислокацией в районе города Фельдберга (Германия).

С 9 августа 1945 года бригада вошла в состав 10-й артиллерийской Гумбольдтской ордена Суворова дивизии прорыва РВГК. С 1946 года место дислокации — город Старые Дороги (Белоруссия).

За весь период боевых действий соединение выпустило по врагу 24962 реактивных снаряда, что составило 356 железнодорожных вагонов, или 2496 автомашин. С момента своего формирования бригада прошла с боями, своим ходом, 2220 километров и 6500 километров — по железной дороге.

Залпами гвардейцев-минометчиков было уничтожено около 4000 солдат и офицеров противника, 14 шестиствольных минометов, 31 орудие, 11 танков, 11 складов с боеприпасами; разрушено 228 дотов, дзотов и блиндажей, 29 узлов сопротивления и 198 огневых точек.

За проявленные в боях мужество и храбрость 4568 солдат, сержантов и офицеров были награждены правительственными наградами.

Судя по некоторым документам, победный 1945 год был непростым для командира бригады гвардии подполковника М. Г. Григорьева. С одной стороны, успешные боевые действия вверенной ему части, признание и колоссальный авторитет среди ее личного состава. Ветераны вспоминают, что авторитет командира был непререкаем. «Вопросами качества боевой и политической подготовки, — пишут они в книге «Гвардейская поступь», — всегда занимался лично сам командир бригады, он постоянно нацеливал личный состав на скорейшее освоение новой боевой техники. Темы занятий, разрабатываемые командиром и штабом, представляли собой актуальные вопросы современного боя, усвоение которых было жизненно необходимым для успешного разгрома врага. Комбриг настойчиво проводил как теоретические занятия с командирами всех рангов, так и практическую отработку на местности уставных и ситуативных, постоянно усложняющихся положений. К своим занятиям он сам относился со всей строгостью, всегда был равномерно требовательным ко всем и не допускал никаких условностей. К нерадивым был беспощаден. Малейшее послабление в боевой учебе — и упрощенчество строго пресекалось». И так было на протяжении всей войны.

В феврале 1945 года заместитель командующего артиллерией по ГМЧ Герой Советского Союза М. Л. Воеводин подписал такую боевую характеристику на командира 7-й гвардейской:

«Тов. Григорьев, работая командиром бригады, показал себя грамотным, инициативным и исполнительным командиром части. В боях показал себя смелым, храбрым и энергичным. Требователен к себе и подчиненным. Уделяет много внимания воспитанию офицерского и рядового состава. Свои знания умело передает подчиненным. Бригада сколочена. В Свирской и Печенегской операциях бригада принимала активное участие. За хорошие боевые действия в борьбе с немецкими оккупантами бригада награждена орденом Кутузова II ст.

Тов. Григорьев пользуется деловым авторитетом у офицерского, сержантского и рядового состава…

Тов Григорьев должности командира бригады соответствует».

С другой стороны — произошло что-то непонятное. Судите сами, дорогой читатель.

Как я уже отмечал, с конца декабря 1944 года бригада входила в состав 4-й гвардейской ордена Александра Невского минометной дивизии. Командир дивизии полковник Ф. Н. Жуков в апреле 1945 года, в самый разгар ожесточенных боев на территории Германии, пишет в боевой характеристике на М. Г. Григорьева:

«…Требователен к себе, но к подчиненным недостаточно. Как недостаток следует отметить ослабление воспитательной работы среди личного состава, вследствие чего в бригаде имеются случаи аморальных явлений. Пьянство, дебоши и т. п.

Офицерский состав подготовлен слабо, и систематической работы над повышением специальных знаний офицеров не ведется.

Нет жесткой борьбы за сохранение автотранспорта, в результате чего в бригаде много случаев поломок и аварий машин.

Полковник Григорьев в бою смел, решителен и достаточно находчив.

Характер вспыльчивый».

Что это? За два месяца так разительно изменился командир бригады и так разложилась сама бригада?

Беда не в том, что кто-то на кого-то обиделся и написал что-либо необъективное. Беда в другом. В армии все характеристики, аттестации вшиваются в личное дело и хранятся там, пока

хранится это личное дело. И всякий начальник, прежде чем писать аттестацию, обязательно внимательно перечитает предыдущие. Это незыблемый закон. Недостатки, отмеченные полковником Жуковым, будут перекочевывать из аттестации в аттестацию, а ослабление воспитательной работы с личным составом, отмеченное в апреле 1945 года, будет упоминаться еще добрый десяток лет. В 1952 году, в аттестации уже на командира 23-й бригады особого назначения полковника М. Г. Григорьева, командующий артиллерией Советской Армии генерал-полковник артиллерии В. И. Казаков не преминет вспомнить старое: «В аттестациях за 1944–1945 годы тов. Григорьеву по должности командира бригады отмечается как недостаток слабая требовательность к подчиненным и ослабление воспитательной работы, вследствие чего в бригаде имели место случаи аморальных явлений…»

В 1954 году в характеристике, составленной в связи с направлением М. Г. Григорьева на учебу в Военную академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова, заместитель командующего артиллерией Советской Армии снова подчеркнет: «Как недостаток в аттестациях за 1944–1945 гг. отмечалась слабая требовательность к подчиненным, а в аттестациях за 1947–1952 гг. отмечалось болезненное реагирование на замечания начальников».

Характеристика «неуживчивого и вспыльчивого» закрепилась за Михаилом Григорьевичем навсегда, до его последних дней.

Я долго пытался выяснить у ветеранов бригады, знают ли они вообще, кто такой полковник Ф. Н. Жуков. Никто не мог вспомнить даже то, что они входили в состав какой-либо дивизии в этот период. А вот 10-ю гвардейскую артиллерийскую Гумбольдтскую ордена Суворова дивизию, в состав которой бригада входила уже после войны, и ее командира Струева с трудом, но вспомнили.

В марте 1946-го командир 10-й гвардейской минометной дивизии, в состав которой вошла 7-я гвардейская бригада, генерал-майор А. С. Струев в аттестации на подполковника Григорьева, ссылаясь на предыдущую боевую характеристику, пишет:

> «…Как видно из материалов личного дела, наряду с боевыми положительными качествами отмечался ряд недостатков, как-то: аморальные явления среди офицерского состава, с которыми тов. Григорьев по прибытии в состав дивизии долго не мог справиться. На замечания старших, в первый период пребывания в

составе дивизии, реагировал неправильно, рассматривал их как излишнюю придирчивость к нему, повел себя нечестно, пытался укрыть 11 тонн горючего от учета дивизии. При вызове в ГУКАРТ (Главное управление кадров артиллерии. — *Авт.*) Красной Армии уехал на автомашине в Москву, в то время как ему было разрешено доехать на автомашине до Минска. Слабая личная дисциплинированность в первый период мешала ликвидировать аморальные явления в бригаде».

Правда, надо отдать должное аттестующему, — он отмечает, что за последние три месяца положение кардинально изменилось. И сам Григорьев стал дисциплинированным, и офицеры стали грамотными и т. д. и т. п.

Сегодня все это может вызвать лишь горькую усмешку.

Я представляю себе, как все было на самом деле. Воюет бригада, воюет доблестно, самоотверженно, имеется хороший боевой коллектив, традиции, командира все уважают, верят ему. Командир бригады привык отвечать за свои действия и за свою часть. Но на каком-то этапе эту бригаду перебрасывают на другой фронт, объединяют с другой бригадой, местной, создают штаб дивизии, назначают командование дивизии, и дальше читатель может сам уже сделать выводы. Не исключено, что сразу же после вхождения в состав 4-й дивизии состоялась какая-нибудь стычка М. Г. Григорьева с командиром дивизии. Зная, что у него действительно характер непростой, резкий, я не исключаю, что он мог высказать в адрес нового начальника что-либо нелицеприятное. Тот сразу же отплатил ему «соответствующей» боевой характеристикой.

Другая сторона дела. Если раньше за бригаду, за состояние дел в ней отвечал комбриг, то сейчас появился новый военачальник, с которого тоже жестко спрашивают — а что это у вас в дивизии творится, рядовой (или лейтенант) П. учинил на днях пьяный дебош, пугал мирных немецких бюргеров, а где же воспитательная работа? Мы же освободители, а не захватчики. И т. д. и т. п.

Не вижу здесь другого оправдания для командира дивизии полковника Ф. Н. Жукова, как отвечать примерно в таком духе: «Да мы-то что, мы изо всех сил боремся. У нас все было бы хорошо, да вот перебросили нам с Карельского фронта бригаду, а там, к сожалению, с дисциплиной не ахти как. Командир там тоже строптивый. Но мы с ним боремся и обязательно победим».

Через несколько месяцев новое переформирование, новая дивизия. Прибывает командир дивизии в подчиненную ему на

днях бригаду и обнаруживает аж целых 11 тонн горючего для машин. Следует команда — горючее немедленно сдать на склады ГСМ дивизии. Командир бригады резонно задает вопрос: «А на каком основании? Это горючее — трофейное, бригада вправе использовать его самостоятельно». Да и какой командир не пытался создать для своей части какие-либо запасы, резервы? Только совершенно равнодушный к делу и к подчиненным. Слово за слово, и вот уже разгорается конфликт. Но командир дивизии все же начальник, а спорить с начальством, все равно что…

Во всяком случае, недостатки, указанные в боевой характеристике и аттестации М. Г. Григорьева, можно было с полным основанием приписать в то время любому командиру бригады или дивизии.

Я сижу с ветеранами 7-й гвардейской в маленьком, но уютном музее бригады, который разместился в здании средней школы № 424 города Москвы. В музее есть и стенд, посвященный Михаилу Григорьевичу Григорьеву.

Воспоминаний — море, хотя многое из истории соединения мне уже хорошо известно. Беседа идет неспешно, каждый старается что-то дополнить, но в памяти зацепился такой рассказ: «Многие из нас сегодня живы только благодаря Михаилу Григорьевичу. Ну, вот хотя бы такие эпизоды из фронтовой жизни бригады. Получив очередную боевую задачу, Михаил Григорьевич лично выезжал на рекогносцировку местности. При этом брал с собой, как правило, топографов для привязки позиций, командиров дивизионов. Доберутся до предполагаемого района боевых позиций, осмотрятся, и комбриг спрашивает у командиров дивизионов: «Ну, товарищи офицеры, кто и где выбрал для себя огневую позицию?» Командиры начинают обосновывать свой выбор. Михаил Григорьевич выслушает их внимательно, а потом принимает решение. Как правило, две, а то и три выбранные им позиции не совпадали с решением командиров дивизионов. А, традиционно, после нашего залпа противник в свою очередь старался накрыть наши установки огнем своей артиллерии. И очень часто бывало — выполним боевую задачу и стараемся как можно быстрее уйти с этой огневой позиции, пока немцы не опомнились. Иногда не успевали. Но вот что характерно. На другой день осматриваем свои бывшие огневые рубежи и приходим к выводу, что если бы вчера встали на позицию, выбранную, к примеру, командиром 1-го или 2-го дивизионов, то вряд ли кто уцелел бы, потому что эти места буквально перепаханы снарядами противника.

Интуиция у Григорьева была, что ли?»

И я соглашаюсь с ними. Конечно же интуиция, которая так

просто не дается, а есть результат глубоких знаний, помноженных на опыт.

Совет ветеранов 7-й гвардейской бригады был создан в 1970 году, спустя 25 лет после войны. Возглавил Совет ветеранов Михаил Григорьевич. Несмотря на свою чрезвычайную занятость, он всегда находил время для встреч с однополчанами, а на заседаниях Совета глубоко вникал во все обсуждаемые вопросы. Для него никогда не существовало мелочей.

В книге «Гвардейская поступь» ветераны пишут: «Нам посчастливилось не один раз встречаться с Михаилом Григорьевичем. Он был прекрасным собеседником. На любую тему с ним было приятно беседовать. Всегда удивляло, как он мог находить время для знакомства с самой последней новинкой в литературе, искусстве, спорте и т. д. Был он прекрасным рассказчиком, любил внимательно слушать собеседника. Ну, а если уж заходил спор на какую-нибудь тему, то Михаил Григорьевич с присущим ему жаром так убедительно аргументировал свою точку зрения, что другой стороне ничего не оставалось делать, как признать себя побежденной. Положение и чины при этом не учитывались, с однополчанами он всегда был на равных, каждый из нас видел в нем своего товарища, не переступая тем не менее определенный порог.

Радовало и удивляло, что Михаил Григорьевич, пройдя сложный жизненный путь, занимая высокие посты, и через тридцать лет сохранял буквально во всем молодой задор. Чувства полумеры для него не существовало. Мы, глядя на него, невольно вспоминали, как, бывало, в часы коротких фронтовых передышек он с азартом ввязывался в шахматные баталии с генерал-майором М. Л. Воеводиным или устраивал с ним на спор стрелковые соревнования. Теперь, несмотря на зрелый возраст, он с таким же азартом суетился вокруг бильярдного стола, крепко сжимая в руках кий, или, улучив свободную минуту, с удалью метал блесну в подвернувшийся водоем».

Совет ветеранов вел интенсивный поиск боевых соратников. Иногда случались удивительные встречи. Вспоминает Валентин Васильевич Медведев: «Я работал в 1979 году уже начальником 6-го отдела ГАИ города Москвы. Как-то выехал на патрулирование. Еду по шоссе на приличной скорости. И вдруг меня обгоняет «Волга» с военными номерами. Да так нахально! С превышением скорости. Догнал, остановил. Подхожу со стороны водителя. Смотрю, рядом с ним сидит генерал-полковник. Я сразу узнал командира. И обращаюсь к нему: «Что же вы, Михаил Григорьевич, так нахально обгоняете машину ГАИ?»

Он меня тоже узнал. Вышел из машины, мы обнялись,

расцеловались — ведь с самой войны не виделись. Михаил Григорьевич мне говорит: «Я знал, что ты где-то в Москве или в Подмосковье, и уже полтора года разыскиваю тебя».

Мы поговорили немного, он торопился на какое-то совещание и быстро уехал. Но координатами обменялись и связи больше не теряли».

Вскоре после создания Совета ветеранов, с 6 по 9 мая 1971 года в Москве состоялась первая встреча однополчан. На нее приехало около 50 человек.

Вторая и третья встречи состоялись в 1974 и в 1980 годах в Ленинграде, городе, в освобождение которого бригада внесла весомый вклад. На встрече 1980 года присутствовало уже более 100 человек. Ветераны выезжали по Дороге жизни на место формирования соединения у деревни Бабаново. Было много экскурсий по Ленинграду.

Более 60 человек приезжало в Москву на 60-летний юбилей своего командира в октябре 1977 года.

Сегодня ветеранов становится все меньше и меньше. Годы берут свою дань. Но, несмотря на то что многие не могут похвастать крепким здоровьем, все же встречаются традиционно три раза в год в своем музее в 424-й средней школе города Москвы, ведут переписку с ветеранами из других регионов, стараются поддерживать друг друга. Я смотрел на этих милых и добрых людей, и сердце переполнялось одновременно и гордостью, и жалостью. Гордостью за то, что они вынесли на своих плечах неимоверные тяготы и лишения суровой войны, прошли сложный жизненный путь и не утратили при этом самых лучших человеческих качеств. Жалостью, потому что их становится все меньше и меньше, а мы, как ни крути, недодали им столько заботы и внимания…

Судьба М. Г. Григорьева тесно переплелась с ракетными войсками. 1 октября 1959 года 7-я гвардейская минометная бригада 10-й артиллерийской дивизии прорыва РВГК, которой он командовал со дня ее основания и до 1946 года, была переформирована в 15-ю гвардейскую Свирскую краснознаменную орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского инженерную бригаду РВГК.

С июня 1960 года соединение переформировали в 33-ю ракетную дивизию с дислокацией в районе города Мозыря, где в первые дни войны воевал М. Г. Григорьев. Дивизия была включена в состав Смоленской ракетной армии, а с 1970 года вошла в состав Винницкой ракетной армии, которой в свое время тоже будет командовать Михаил Григорьевич Григорьев.

Воины-ракетчики остались верны боевым традициям, которые

складывались на полях сражений Великой Отечественной войны, — дивизия неоднократно отмечалась в числе лучших среди соединений РСД, в 1982 году награждена вымпелом МО СССР за мужество и воинскую доблесть, неоднократно удостаивалась переходящего Красного знамени военного совета РВСН.

НА ШТАБНОЙ РАБОТЕ

В 1946 году подполковник М. Г. Григорьев отзывается в Москву, в Штаб артиллерии Советской Армии на должность старшего научного сотрудника штаба по изучению и обобщению опыта войны и послевоенного строительства и боевого применения артиллерии.

В 1955 году в Воениздате вышел объемный труд под названием «Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне». В главную редакционную комиссию входили прославленные военачальники: главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, маршал артиллерии М. Н. Чистяков, Герои Советского Союза маршалы артиллерии В. И. Казаков, М. И. Неделин, генерал-полковники артиллерии М. М. Барсуков, Н. М. Хлебников и др. Книга носила военно-теоретический характер и обобщала опыт боевого применения полевой реактивной артиллерии в годы войны.

Одна из глав (12-я) посвящена боевому применению полевой реактивной артиллерии в составе подвижных групп и соединений армий и фронтов в течение всей войны. Глава написана полковником М. Г. Григорьевым. Написана толково, со знанием дела, с использованием своего личного богатого фронтового опыта, а также опыта других минометных соединений.

Примечательно и то, что во время работы над книгой, очевидно, и состоялось тесное знакомство Михаила Григорьевича с маршалом артиллерии Митрофаном Ивановичем Неделиным, будущим первым Главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. Дело в том, что когда я читал главу, написанную Григорьевым, то обратил внимание на следующее — значительная часть примеров приводилась из опыта использования реактивной артиллерии на 3-м Украинском фронте, где артиллерией фронта командовал генерал-полковник М. И. Неделин. Для того чтобы не погрешить, как говорится, против истины, проверить приводимые факты, Григорьеву довольно-таки часто приходилось встречаться с Неделиным и не исключено, что Митрофан Иванович именно тогда обратил внимание на молодого, но толкового и грамотного офицера. Так Григорьев попал в команду М. И. Неделина, которую позже назвали «Неделинской обоймой». Здесь важно особо подчеркнуть, что у Митрофана Ивановича было удивительное чутье на талантливых людей.

В эти годы Михаил Григорьевич окончил университет марксизма-ленинизма и сдал кандидатский минимум по истории

войн и военного искусства и по философии. Судя по всему, он готовился к научной деятельности. Судьба распорядилась по-своему — он не стал ученым, хотя при его способностях и упорстве из него вышел бы незаурядный военный специалист. В те годы время диктовало другое. Это уже намного позже, в наши дни, стало модным и как бы само собой разумеющимся, что любой военачальник, начиная с армейского звена, в короткие сроки может защитить кандидатскую диссертацию, хотя и непонятно, где он берет время для научной деятельности.

В этой связи среди военных бытует мнение, что, для того чтобы удовлетворить честолюбие военачальников, пора уже автоматически присваивать научные звания и степени всем, кто назначен на высокий пост. По крайней мере, не будут мучить подчиненных, к тому же и диссертации, которые они защищают, как правило, не содержат в себе теоретической глубины и не имеют практического значения.

Из аттестации на старшего научного сотрудника штаба артиллерии Вооруженных Сил подполковника Михаила Григорьевича Григорьева:

> «Общее развитие и военная подготовка хорошие. Над изучением и обобщением опыта Великой Отечественной войны работает с желанием. Несмотря что на такой работе впервые, имеет большие успехи. Показал себя как способный и грамотный офицер. Делать выводы и обобщения на основе имеющихся материалов может. Усидчив и внимателен. Все задания выполняет добросовестно и аккуратно. В работе настойчив. Инициативу проявляет. В своих решениях тверд, много работал над повышением своих знаний. Следит за новинками нашей и иностранной военной литературы. Выдержан и дисциплинирован. Авторитетом пользуется. Взаимоотношения с товарищами по работе хорошие».

Из следующей аттестации от 2 ноября 1949 года:

> «Всесторонне развитый, грамотный офицер. Обладая академическим образованием и большим боевым опытом, продолжает работать над расширением своего военного и политического кругозора. Военно-научную работу вести может. Исследовать, анализировать, обобщать материал и делать из него соответствующие выводы способен. В работе усидчив, внимателен и аккуратен. Обладая хорошими теоретическими знаниями и опытом в области применения реактивной артиллерии,

успешно разрабатывает соответствующие материалы для служебных изданий штаба. Проделал большую работу по составлению новых программ по истории военного искусства для военных академий Советской Армии (работал в комиссии Генерального штаба). Силой воли, инициативой и упорством в достижении поставленной цели обладает вполне. Дисциплинирован, но не всегда выдержан. Может болезненно реагировать на замечания начальников, обладая несколько болезненным самолюбием.

…Имеет большое желание перейти на строевую работу, что, учитывая его возраст, вполне естественно».

Сам Михаил Григорьевич вспоминал службу в штабе артиллерии так: «После войны я еще больше полюбил военную профессию и вне армии, вне службы великому делу защиты нашей Родины не мыслил своей жизни. В 1946 году меня взяли в штаб артиллерии Вооруженных Сил на должность старшего научного сотрудника по обобщению опыта войны и разработке уставов. Все это было исполнено с усердием. Одновременно сам я обогатился опытом работы в большом штабе. Дальнейшая работа в этой должности не давала должного удовлетворения, ибо опыт войны был обобщен, уставы написаны, а послевоенное развитие армии решается не в канцелярии, а на полях учений. Тем более что появилось новое, неведомое до сих пор оружие».

МЫ — ГРИГОРЬЕВЦЫ

В декабре 1950 года на полигоне Капустин Яр начала формироваться вторая по счету бригада особого назначения РВГК (23-я БОН РВГК). Ее командиром был назначен полковник М. Г. Григорьев.

Организационно-штатная структура бригады была принципиально новой, сложной и в корне отличалась от штатов ранее существовавших артиллерийских бригад. Нередко это затрудняло расстановку офицеров с учетом их специальностей, образования, склонностей.

В состав бригады входило управление, три огневых и один технический дивизионы, подразделения бригады, школа сержантского состава. В свою очередь каждый огневой дивизион состоял из батареи управления и двух стартовых батарей. В стартовую батарею входили четыре отделения: стартовое, двигательное, электроогневое, заправочное. Технический дивизион состоял из двух идентичных отделений проверок, которые включали в себя расчеты горизонтальных испытаний ракеты и автономных проверок приборов системы управления ракеты. Такелажное отделение занималось перегрузкой ракеты после подготовки на технической позиции с грунтово-транспортной тележки на лафет. Кроме того, имелась зарядно-аккумуляторная станция и ремонтное оборудование. В 1952 году вместо технического дивизиона в каждый огневой дивизион была придана техническая батарея, которая состояла из отделения проверок, такелажного отделения и зарядно-аккумуляторной станции. В соответствии с указаниями командующего артиллерией Советской Армии для первоначального укомплектования бригады из состава 22-й БОН была выделена 5-я огневая батарея, личный состав которой до этого принимал участие в подготовке и проведении пусков ракет Р-1. Девятнадцать офицеров этой батареи и были тем костяком, вокруг которого надо было формировать новые боевые расчеты, батареи, дивизионы.

Для формирования бригады в село Капустин Яр и в город Камышин Сталинградской области прибыло много молодых офицеров, только что окончивших военные училища, из различных родов войск: артиллеристы, связисты, танкисты, саперы и т. д. Среди первых молодых офицеров были лейтенанты Ю. А. Яшин, Б. И. Лобанов, И. М. Шабельник, Г. М. Новиков, Л. Г. Милованов, П. П. Старосельский, В. А. Жуковский, И. Ф. Тимофеев, Г. П. Никитин, старший лейтенант Е. И. Штихно,

капитан С. А. Коренной. Впоследствии многие из них стали генералами, известными руководителями в Ракетных войсках стратегического назначения и в Вооруженных Силах.

Кроме молодых офицеров, для формирования бригады прибыли и опытные, прошедшие боевой путь кадровики: подполковники А. И. Асеев, А. Н. Бурцев, Н. С. Францев, И. П. Филатов, Н. Д. Силин, Я. И. Мухачев.

Прибывали солдаты со всех концов страны, а для их размещения, бытового устройства ничего не было. Несмотря на суровые указания — направлять для формирования бригады лучших из лучших сержантов и солдат, пополнение не всегда соответствовало этим требованиям, особенно в плане воинской дисциплины.

Все же, несмотря на имеющиеся трудности, 5 февраля 1951 года в городе Камышине Сталинградской области было завершено формирование бригады. Этот день является днем рождения части.

8 февраля 1951 года приемная комиссия командующего артиллерией Советской Армии составила акт о том, что бригада сформирована и может приступить к плановой боевой и политической подготовке. Первоначально она вошла в состав Донского военного округа. И сразу же появились сотни различных неувязок. Вроде бы часть подчинена командующему округом, а руководство специальной подготовкой осуществляет начальник 4-го Государственного центрального полигона (ГЦП). Как планировать боевую подготовку бригады, в округе никто не знал. В связи с секретностью техники, которую предстояло осваивать соединению, представители командования и штаба округа ни к документации, ни к самой технике не допускались, что вызывало порой возмущение командования округом. Поэтому уже в апреле 1951 года бригада была полностью подчинена начальнику 4-го ГЦП, оставаясь при этом на общевойсковых видах довольствия при округе.

Часть формировалась практически на голом месте, остро не хватало жилья и элементов учебно-материальной базы. Офицеров, знавших новую ракетную технику, — единицы. Однако благодаря высоким организаторским способностям командира бригады М. Г. Григорьева, его заместителей Я. И. Мухачева, Ф. К. Химича, Н. А. Карасева, командиров дивизионов Г. К. Михеева, А. И. Асеева, Н. Д. Силина, энтузиазму и большой самоотдаче командиров батарей и всего офицерского состава в короткие сроки были построены хранилища для ракетной техники, создана необходимая учебная база, разработана методика обучения личного состава по овладению новыми ракетными

специальностями.

Особенно трудно шло налаживание учебного процесса — ни знающих людей, ни классов, ни учебно-материальной базы, ни описания, ни схем, ни плакатов.

В один из дней М. Г. Григорьев выступил перед личным составом с яркой, захватывающей, программной речью по освоению сложной боевой техники. Под впечатлением от речи комбрига возбужденные офицеры долго не расходились, делились эмоциями, высказывали свои мысли о способах решения поставленных задач, обсуждали новые вопросы.

И начались поиски. С полигона привезли остатки трофейного оружия ФАУ-2 и отдельные агрегаты наземного оборудования к нему. Этот «металлолом» стал материалом для первоначального познания ракетного дела. На полигоне также выдали несколько конспектов и рукописей описания некоторых приборов и агрегатов наземного оборудования. Чертежное бюро, сформированное из офицеров, разработало чертежи, схемы, плакаты и организовало их размножение. Таким образом, умельцы-рационализаторы за короткое время создали учебно-материальную базу, которая позволила запустить учебный процесс.

Из числа наиболее подготовленных кадров были созданы инструкторские группы для обучения личного состава по всем необходимым специальностям.

Занятия с офицерами проводились, как правило, под руководством полковника М. Г. Григорьева. Не стесняясь, он учился сам, учил подчиненных, вносил коррективы в планы боевой подготовки. Нередко его можно было увидеть у того или иного узла ракеты, где кто-нибудь из знатоков-лейтенантов рассказывал, как работает этот агрегат. Те, кому довелось служить с Михаилом Григорьевичем в ту пору, вспоминают, что он никогда не устраивал разносов, прежде чем принять решение, досконально вникал в суть дела. Ведь аналогов новой техники, которую предстояло освоить, еще не было в Вооруженных Силах.

В мае 1951 года личный состав бригады прибыл в лагерь, который располагался в балке Смыслина на полигоне Капустин Яр. Здесь получили комплект неунифицированного наземного оборудования отечественной ракеты Р-1, трофейную ракету ФАУ-2 и началась настоящая учеба.

Важно отметить при этом, что полученная ракета ФАУ-2 не сопрягалась с наземным оборудованием отечественной ракеты Р-1. Сотни проводов, идущие к аппарату от наземного оборудования через 102-контактный штепсельный разъем и другие разъемы, не совпадали с электрическими схемами

приборов борта ракеты и автоматики двигательной установки. Это не позволяло наладить проведение практических занятий на технике по освоению технологических процессов подготовки ракеты к пуску. Возникла необходимость переделать всю электрическую схему борта. Многим казалось, что, не имея электрической схемы и описания ракеты, состыковать электрику борта ракеты ФАУ-2 и борта отечественной ракеты Р-1 невозможно. Опровергнуть это мнение взялся лейтенант В. Е. Гавриленко с привлечением двух сержантов, умеющих держать в руках электрический паяльник. Условия были тяжелейшие: голая степь, жара, нехватка воды, отсутствие какой-нибудь тени. На солнцепеке, под обжигающим песчаным ветром, ценой огромных усилий перепаяли тысячи контактов под ракету Р-1.

К радости всех, при пробном постепенном подключении переделанной ракеты к многочисленным агрегатам наземного оборудования и при подаче напряжения на борт все операции электрических испытаний аппарата прошли успешно, в соответствии с инструкцией по подготовке ракеты к пуску.

Вот как вспоминают тот сложный период ветераны РВСН и бригады:

Полковник Г. В. Дядин: «Бригада полковника Григорьева должна была вооружаться ракетами Р-1. Нам, испытателям 1-го испытательного управления ГЦП МО, было приказано оказать помощь в обучении и подготовке личного состава 23-й БОН к пуску ракеты Р-1. В то время я был майором, инженером-испытателем приборов системы управления ракеты на стартовой позиции. При обучении офицеров бригады я заметил, что они очень трудно осваивают работу системы управления ракетой. Это объяснялось тем, что при переиздании наставления по электрическим схемам ракеты по непонятным причинам главный конструктор А. М. Гинзбург изменил названия реле, обозначив их с Р-1 по Р-110, в то время как в схемах ракеты ФАУ-2 они классифицировались по системам и обозначались: РП-1 и далее — реле питания, РС-1 и далее — реле системы управления, РД-1 и далее — реле двигательной установки и т. д. Кроме того, у ФАУ-2 схема имела координатную сетку, а у ракеты Р-1 она отсутствовала.

Я рассказал об этом Михаилу Григорьевичу, и он дал указание своим офицерам на схемах навести координатную сетку и карандашом на них обозначить реле по их назначению. После этого обучение пошло быстрее, значительно сократился срок определения возникающих неисправностей. К тому времени у нас, испытателей, был накоплен определенный опыт, и на занятиях я подробно рассказывал офицерам, с какими

неисправностями при испытаниях нам пришлось встречаться. Узнав об этом, полковник Григорьев попросил подробно рассказать об этом и ему.

Бригада была подготовлена в короткий срок и успешно провела учебно-боевые пуски ракет Р-1.

Позже мне приходилось часто встречаться с Михаилом Григорьевичем при переучивании подчиненных ему частей на другие типы ракет: Р-2, Р-5, Р-12 и Р-14. И я всегда поражался тому, как он стремился познать весь процесс подготовки ракет к пуску и не жалел для этого ни времени, ни сил».

Полковник в отставке В. Е. Гавриленко вспоминает о первом пуске, проведенном боевыми расчетами бригады: «Настоящая учеба началась в лагере в балке Смыслина на полигоне Капустин Яр. В лагерь мы прибыли в мае 1951 года, получили комплект неунифицированного наземного оборудования и ракету Р-1. Первая встреча с ракетой надолго запомнилась офицерам бригады. Ночью, при освещении прожекторами, громоздким козловым краном подняли огромный сигарообразный снаряд с большими стабилизаторами. Это зрелище захватило офицеров. Разговаривали только шепотом, каждый желал быстрее познать тайны этого фантастического снаряда.

С огромным воодушевлением офицеры, солдаты, сержанты приступили к освоению нового, до сих пор малоизвестного, загадочного оружия. Условия были тяжелейшие: голая степь, жара, нехватка воды, отсутствие какой-либо тени.

Уже в сентябре 1951 года были проведены первые запуски ракеты на предварительную ступень, т. е. топливные клапаны окислителя и горючего открывались не полностью и тяга двигателя не превышала массы ракеты. Каждый день запуска был большим праздником. Личный состав, окрыленный успехом, почувствовал веру в свои силы.

В декабре 1951 года бригада провела первые пуски ракет, которые явились экзаменом для всего личного состава. Появились свои специалисты ракетного дела.

Неповторимое чувство мы испытали при первом пуске баллистической ракеты. Этому предшествовала исключительно напряженная, проводимая в тяжелых условиях с апреля по декабрь работа. Отсутствовали крайне необходимые, элементарные для жизни человека условия.

В том памятном декабре стояли сильные морозы и дули холодные ветры. Был сплошной гололед. Личный состав 1-го ракетного дивизиона размещался в летних лагерных палатках. Обмундирование после работы быстро приходило в негодность. На сотню километров вокруг — голая, покрытая гололедом степь,

ни одного населенного пункта. Усталость была не только физической, но и моральной. Особенно утомляло казавшееся бесконечным ожидание даты пуска ракеты, которая зависела от прибытия ракеты с завода-изготовителя.

Из дома вести приходили крайне нерегулярно — почта работала плохо. Письма шли долго, в основном передавались с оказией. Дома жены, с нетерпением ожидавшие возвращения мужей, радовались все вместе полученной кем-то весточке. Некоторые офицеры впервые увидели своих детей, когда те уже стали ходить.

Наконец баллистическая ракета отечественного производства Р-1 прибыла на полигон. Ее пуск был назначен на 21 декабря 1951 года. Ожидание закончилось, началась горячая работа по подготовке ракеты к старту: приступили к автономным и горизонтальным испытаниям. Через трое суток с технической позиции ракету подали на стартовую площадку. Привезли с завода в специальных цистернах жидкий кислород и перекись водорода. Перешли к предстартовым проверкам.

Стоял жгучий холод. Кровь стыла в жилах. Техник борта лейтенант Житкевич, находясь на верхнем мостике в приборном отсеке (у головной части) ракеты, застыл до такой степени, что сам спуститься не мог, и его спускали на лебедке.

Предстартовые проверки прошли в норме. Навели ракету для полета в заданной плоскости стрельбы, то есть при помощи теодолита ее развернули таким образом, чтобы стабилизатор № 1 был в направлении цели, а главная ось гировертиканта встала строго перпендикулярно плоскости стрельбы. Заправили ракету жидким кислородом, 75-процентным спиртом, перекисью водорода, перманганатом натрия и сжатым воздухом. Объявили часовую готовность. Настроили гироинтегратор (автомат управления дальностью). Приступили к заключительным операциям.

Объявили 30-минутную готовность. Загудела сирена. Поступила команда: «Все в укрытия!» Стрела лафета с рабочими мостиками медленно стала опускаться. Громоздкая техника покидает стартовую площадку. Около ракеты остались офицеры для проведения последних заключительных операций.

10-минутная готовность. Астрономическое время — 21 час 25 минут. Среди бесконечной, голой декабрьской степи под ночным покровом стоит таинственно и величаво на стартовом столе освещенная со всех сторон прожекторами наша отечественная баллистическая ракета Р-1, стоит, окутанная белыми облаками кипящего кислорода. Слышна работа ги-роприборов, умформеров, рулевых машин.

Все вокруг замерло. Личный состав и вся техника (подъемно-транспортное, заправочное и вспомогательное оборудование) отведены в укрытие за три километра. На стартовой площадке остались укрытые в аппарелях подвижная электростанция, преобразователь тока и машина управления пуском — броневик. Некоторые молодые офицеры самовольно под прикрытием темноты зимней ночи спрятались в степи на удалении 200 метров от старта. Прижавшись к земле, они с любопытством следили за поведением ракеты при ее пуске.

И тут произошло невероятное. Огромное пламя с раздирающим ревом охватило, казалось, всю степь. Ураганный вихрь его, рассекаемый конусом стартового стола, сносил все на своем пути. Ракета медленно стала подниматься из огромной массы огня, пыли и дыма. Установилась мощная, стабильная струя газового потока из камеры сгорания ракеты. Вдруг офицерам показалось, что поднимавшаяся над головами ракета остановилась. Все, затаив дыхание, ждали, что же будет дальше. Ракета начала заваливаться. Дрогнуло сердце. Оказалось, ракета взяла запрограммированный угол тангажа и быстро стала уходить в небо, с раскатистым громом извергая по степи фантастический поток раскаленных газов. Все смотрели на это чудо в состоянии оцепенения. Потом ракета далеко в небе зашла в солнечные лучи и превратилась в маленькую светящуюся звездочку.

Долго ходили офицеры вокруг неостывшего стартового стола под впечатлением виденного и пережитого. После многомесячной, большой, напряженной работы мы почувствовали в душе какое-то опустошение, чего-то не хватало. Не стало того объекта для изучения, в подготовку и пуск которого был вложен огромный труд. Мгновение — и он исчез.

Через 30 минут после пуска расчет построили на опустевшей стартовой площадке. Генерал В. И. Вознюк объявил, что получили квитанцию: «Ракета попала в заданный квадрат». С успешным пуском ракеты всех поздравил главный конструктор С. П. Королев. Чувство радости переполняло каждого офицера, сержанта, солдата. Все ликовали, кричали «ура!», поздравляли друг друга с этой большой победой, испытывая чувство гордости за себя и за своих товарищей».

Потом был еще не один пуск ракеты, но первый запомнился всем участникам на всю жизнь.

Вспоминает генерал-майор в отставке Г. М. Новиков (в то время командир геодезического взвода): «У нас была тяжелая и ответственная служба. По 6–9 месяцев в году находились в летних лагерях в балке Смыслина или на площадках полигона без семей, с правом выезда в г. Камышин за весь период на трое суток.

Гимнастерки в 40-градусную жару были белыми от пота и соли. Рады были и солдатской еде, когда комбриг М. Г. Григорьев ставил нас на «солдатский котел». Зимой и летом жили в палатках, спали на двухъярусных койках. Но мы безропотно мирились со всем, отдавали себя службе и изучению ракетного дела, зная, что это нужно нашей Родине».

Вспоминает полковник в отставке И. Ф. Ермаков (в те годы инженер-расчетчик дивизиона): «В г. Камышине напряженная учеба продолжалась. В 20 километрах от города у деревни Елшанка, около которой были широкие и глубокие овраги, выбрали и оборудовали учебную, огневую и техническую позиции. Особенно запомнились марши в этот район в условиях бездорожья, метелей и сильных морозов…

Все последующие проверки показывали высокий уровень подготовки личного состава. Наша бригада была одной из лучших в Вооруженных Силах. Выявленные комиссиями недостатки, благодаря требовательности командира бригады полковника М. Г. Григорьева, всегда устранялись в течение ночи или суток. Я сам был свидетелем, когда командир бригады лично контролировал ход комплексных занятий по устранению выявленных недостатков».

Несмотря на все трудности, обучение личного состава шло успешно. Для достижения слаженности действий боевых расчетов с июля 1951 года бойцы бригады приступили уже к комплексным занятиям на материальной части. Комплекс один, а дивизионов в бригаде три. И сроки поджимают. Полковник Григорьев принял решение проводить занятия круглосуточно, в две смены.

С 7 по 15 октября 1951 года 23-я БОН была подвергнута инженерной проверке, которая показала, что задача по подготовке личного состава к боевым пускам ракет выполнена. Комиссию возглавлял генерал-полковник М. И. Неделин, который высоко оценил деятельность командования бригады и лично М. Г. Григорьева.

Впоследствии своими силами в городе Камышине ракетчики построили первый учебный корпус, что дало возможность стартовым и техническим батареям проводить комплексные занятия в полном объеме. Корпус представлял собой здание, позволяющее свободно переводить ракету из горизонтального положения в вертикальное. Это был первый учебный корпус в ракетных войсках. И история его создания тоже примечательна и по-своему характеризует командира бригады. Дело в том, что ни материальных средств, ни финансов для такого строительства не выделялось. Строили сооружение так называемым «хозяйственным способом», то есть за счет сил и средств бригады.

Михаил Григорьевич принял решение — использовать инженерную и дорожную технику, имеющуюся в бригаде, для вылавливания отдельных бревен в реке Волге. На реке в то время проходил сплав древесины. Страна еще восстанавливалась после войны. Если бы о своеволии комбрига стало известно руководству, то по головке его не погладили бы — было строжайше запрещено использовать специальную технику не по назначению. Но, как говорится, Бог миловал. «Высотка» (так называли учебный корпус) была построена в короткие сроки. Мало того, часть выловленной древесины бригада передала сталинградцам и оказала существенную помощь в восстановлении городов Сталинграда и Камышина.

Технология подготовки ракеты к пуску была освоена. Первая задача выполнена. Приступили к решению следующих задач. Нужно было определить способы применения нового вида вооружения. Разработать вопросы тактики, боевого управления, выявить конструктивные и эксплуатационные недостатки ракетной техники с целью устранения их конструкторами при создании новых, более совершенных ракет.

Командование бригады, офицеры, солдаты и сержанты творчески подходили к решению указанных задач. С этой целью проводились опытные учения, на которых личный состав бригады показал свою боевую выучку и высокий моральный дух. Например, отрабатывалось преодоление водных рубежей, то есть форсирование реки Волги с этой громоздкой техникой.

В мае 1952 года было проведено пятисуточное учение, на котором отрабатывались организация и совершение бригадой 240-километрового марша в ночных условиях, выбор, инженерное оборудование и занятие позиционного района, подготовка и проведение пусков ракет Р-1 в ночных условиях с полевых стартовых позиций.

Уже с 1952 года личный состав бригады начал осваивать новый, более совершенный ракетный комплекс с ракетой Р-2. В связи с этим несколько изменилась структура бригады и дивизионов. Но фундамент, заложенный в 1951 году, был прочным, и с новыми задачами соединение также успешно справилось.

Из воспоминаний генерал-полковника Г. Н. Малиновского: «В первый приезд на полигон я как старшина курса представлял своих товарищей командиру второй по счету бригады особого назначения, только что сформированной за счет отдельных подразделений первой бригады, полковнику Михаилу Григорьевичу Григорьеву, с которым потом долго совместно работал. Это был достойный командир из той же «неделинской

обоймы». В то время ему было не до нас, стажеров, которых В. И. Вознюк на него «повесил». Но Михаил Григорьевич нашел возможность вести серьезный разговор и при первом же знакомстве рассказал о последних пусках, в которых участвовала его бригада, причем они были не совсем обычными: запускались на высоту первые животные — собаки. Молодой полковник произвел на нас, капитанов, хорошее впечатление своим вниманием и знанием тонкостей (в том числе и технических) в подчиненном ему сложном хозяйстве. Несмотря на трудное положение формируемой бригады, плохую обустроенность самого полигона, наша практика прошла вполне успешно. В этом заслуга и командира бригады.

Жил полковник Григорьев в землянке, в том же лагере, где размещалась вся его бригада.

С этой встречи я проникся большим уважением к этому полковнику — подлинному ветерану ракетных войск».

С марта 1953 года соединение было переименовано в 73-ю инженерную бригаду РВГК. Дивизионы стали самостоятельными частями. Общая численность личного состава бригады составляла 1524 человека. В августе 1953 года она провела опытное семисуточное учение, на котором отрабатывались обеспечение и инженерное оборудование позиционного района, занятие боевого порядка, маскировка ракет, находящихся на пусковых столах.

Из воспоминаний генерал-майора А. Г. Савельева: «Наше соединение формировалось на базе бригады генерала В. Н. Иванова, там оно получало на определенное время учебный комплект техники. Стремление использовать ее более интенсивно в течение почти суток породило желание обучать сразу все расчеты стартовых и технических батарей в одно время. Только одни работают на технике непосредственно, другие смотрят «из-за плеча».

Организация комплексных занятий, по словам Майского, лучше всех проходила в бригаде Григорьева, где сам командир глубоко вникает в обучение всех категорий личного состава. Вскоре я убедился в этом при посещении бригады М. Г. Григорьева.

В сентябре 1952 года приказом по полигону меня включили в состав комиссии по итоговой проверке частей за год. Я должен был проверить знания офицеров по общевойсковой тактике и по тактике артиллерии.

После итоговой проверки офицеры полигона стали готовиться к очередному пуску ракеты на четвертой стартовой площадке, находящейся в пределах 40 километров от основного городка полигона. На этот пуск был приглашен и я.

В день пуска на перекладных добрался до стартовой площадки, где, кроме личного состава стартового отделения, которому предстояло проводить пуск, никого не было. Несколько позже прибыли офицеры второго управления, затем «промышленники» во главе с главным конструктором С. П. Королевым.

Стартовая площадка была огорожена протянутой веревкой, и ближе этой черты никого не подпускали. В организации работы, в суете я сначала ничего не понимал. На мое счастье, через некоторое время с группой офицеров подъехал подполковник Майский. Я пристроился к ним и с интересом слушал пояснения.

Подготовка ракеты шла основательно, но медленно. Результаты отдельных операций докладывались Королеву. Пуск ракеты был осуществлен только на закате солнца. Меня несколько удивил двойной (а с учетом командиров и начальников, личного состава, готовящих ракеты к пуску, — тройной) контроль. Подошедший майор А. И. Носов объяснил мне, что делается это для надежности.

…Однажды в адрес нашей бригады прибыл материал о проведенной в Камышинской бригаде военно-научной конференции по требованиям к боевому порядку инженерной бригады РВГК в условиях применения противником атомного оружия. Мне очень понравился обстоятельный, аргументированный доклад полковника М. Г. Григорьева, хотя некоторые положения у меня вызывали сомнения, особенно удаление отдельных инженерных дивизионов друг от друга, целесообразность боевого применения бригады в компактном составе, боевые возможности инженерной бригады».

В 1952 году М. Г. Григорьев с небольшой группой офицеров командируется в ГДР. Цель поездки — выбрать место для дислокации ракетной части на территории Восточной Германии. В архиве не удалось отыскать отчет М. Г. Григорьева по этой поездке, но задача была выполнена. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в конце 1952 года в районе города Гюстрова начато строительство военного городка. Потом было принято решение строительство заморозить.

Из докладной записки заместителя командующего артиллерией Советской Армии генерал-майора А. И. Соколова М. И. Неделину от 16 июля 1953 года о строительстве специальной базы в ГДР:

> «Строительство специальной базы в районе Гюстров — Германия в соответствии с указанием Маршала Советского Союза тов. Соколовского В. Д. № 13271 от 30.

6. 53 г. прекращено.

По состоянию на 1 июля 1953 года строительные работы выполнены в следующем объеме:

— По военному городку средняя техническая готовность объектов, начатых строительством (в том числе: две казармы, высотное здание, гаражи кирпичные, склады, два офицерских общежития, котельная, канализация и т. д.), составляет 70–80 %. На строительную площадку завезены материалы и оборудование, на 65–70 % обеспечивающие выполнение всего объема работ. Для завершения работ по объектам, начатым строительством, без высотного здания, требуется 990,0 тыс. марок.

— Работы по строительству железнодорожной ветки выполнены на 82 %, по восстановлению рампы на 20 %. Для завершения работ по строительству железнодорожной ветки требуется 37,0 тыс. марок.

— Строительные работы по основному району развертывания начаты по 7 точкам из 9. Две точки строительством закончены, по одной точке работы выполнены на 60 % и по 4 точкам выполнены работы по вырубке и корчевке деревьев, устройству земляного полотна и песчаного основания. По строительству автодороги в районе дер. Пинновхов произведено устройство земляного полотна и песчаного основания на 50 %. Материалы, потребные для строительства районов развертывания, заготовлены на 60 %. Непосредственно на место строительства основного района развертывания завезено на 50 % потребности. Затраты по строительству районов развертывания составляют 300,0 тыс. марок.

Для завершения всех объектов, начатых строительством, требуется 1528,0 тыс. марок». (Приводится с сокращениями. — *Авт.*)

Далее А. И. Соколов предлагает ходатайствовать перед министром обороны СССР о разрешении за счет выделенных ассигнований израсходовать 1528 тысяч марок для завершения строительства начатых объектов и законченные строительством объекты сдать в эксплуатацию Группе советских оккупационных войск в Германии.

М. Г. Григорьев отдавал работе все свои знания и силы. Он себя и других мерил одной высокой меркой — быть настоящим ракетчиком, классным специалистом. С гордостью нес воин-ракетчик свою нелегкую службу в бригаде Григорьева.

На всех этапах своей деятельности Михаил Григорьевич показывал себя человеком творческого поиска, глубокого анализа и принятия обдуманного решения. В бригаде он был настоящим лидером, не только призывал, требовал, а первым самолично постигал, а затем профессионально учил подчиненных. Все лучшее бралось на вооружение. Важнейшим принципом обучения стало требование: «Овладел работой одного номера расчета — переходи к изучению обязанностей смежных номеров». Сам командир бригады показывал в этом пример, овладев в совершенстве обязанностями нескольких номеров.

Ветераны бригады вспоминают, что по своему характеру Григорьев был волевым, энергичным, даже горячим человеком. Обладал большой работоспособностью. Проявлял высокую требовательность, справедливость и постоянную заботу о подчиненных. Ракетную технику изучал проникновенно и во взаимосвязи с технологическим процессом подготовки и пуска ракеты. Все вопросы решал глубоко, всегда добирался до сути дела. Выступал всегда пламенно, вдохновенно, интересно, впечатляюще.

Михаил Григорьевич пользовался большим, непререкаемым авторитетом у всего личного состава. Всех, кто служил при нем в бригаде, называли «григорьевцами», и офицеры этим гордились.

На этом фоне еще одно подтверждение уже упоминавшейся субъективности в характеристиках. Аттестация, написанная в 1953 году начальником 4-го Государственного центрального полигона В. И. Вознюком. Вот что пишет о Григорьеве «хозяин заволжских степей» (такой титул ему присвоил кто-то из высокопоставленных чиновников во время приезда на полигон. — *Авт.*):

> «За время пребывания в должности командира войсковой части гвардии полковник ГРИГОРЬЕВ показал себя инициативным, энергичным и деятельным командиром. В трудных условиях формирования части при отсутствии подготовленного казарменного фонда, на новом месте дислокации, в условиях получения личного состава на укомплектование из различных частей нескольких военных округов — часть в предписанные сроки сформировал и обеспечил минимально необходимые условия для жизни и учебы. Впоследствии проявил много инициативы для расширения учебной базы, постройки специального здания для учебы и в подготовке кадров офицерского состава по новой технике. План боевой подготовки 1952 года выполнен…

Одновременно с серьезными положительными чертами, указанными выше, у аттестуемого имеются серьезные недостатки:

1. Недостаточная строевая работа в подразделениях и как результат отсутствие должной строевой подтянутости личного состава и порядка в несении службы наряда и распорядка дня.

2. Недостаточно действенная работа по политическому и воинскому воспитанию и как результат большое количество проступков, влияющих на боеготовность части.

3. Проявление отдельных фактов «местничества» при расстановке кадров — назначение в отдельных случаях офицеров, не обладающих всеми необходимыми качествами, на должности заместителей, подлежащих откомандированию из части.

Одна из основных причин указанных недостатков — почти полное отсутствие опыта у аттестуемого в командовании взводом, батареей вообще и в мирных условиях особенно (!). Вторая причина — излишнее самолюбие и самомнение, что мешает своевременно учитывать и устранять недостатки».

Далее в аттестации отмечалось, что недостатки серьезные и до осени 1953 года их предлагалось устранить.

Вот те раз! Сказались все-таки три класса гимназии Василия Ивановича! Да, сам Василий Иванович в начале 30-х годов целых два года командовал взводом и два года батареей, что не помешало ему потом вообще уйти на штабную работу. А вот старшиной В. И. Вознюк не был. Полагаю, что при обнаружении какой-либо промашки в снабжении личного состава полигона всем необходимым в его аттестации тоже можно было смело записать, что причина нарушений в том, что начальник полигона не служил в свое время старшиной или снабженцем как в мирное, так и в военное время. Хотя допускаю, что со стороны В. И. Вознюка была и зависть, и ревность к довольно-таки молодому и очень перспективному офицеру с академическим образованием, пользующемуся не меньшим авторитетом, чем он сам. Все удивляюсь, как это при такой приверженности военных руководителей к чтению предыдущих аттестаций Григорьеву опять не упомянули «полное отсутствие командования взводом в мирное время» при назначении командующим армией или первым заместителем Главнокомандующего РВСН? А что, глядишь, и не прошел бы на должность.

И это в то время, когда, по моему глубокому убеждению, отдельные военачальники по интеллекту и подходам к делу вообще не поднимались выше уровня командира взвода. А на батарею и вовсе «не тянули».

Все же труд командира бригады был по достоинству оценен. Как одного из лучших, перспективных руководителей полковника Григорьева рекомендуют для обучения в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил. В 1954 году полковник Михаил Григорьевич Григорьев отбыл на учебу. Всему личному составу бригады жаль было расставаться с полюбившимся за четыре года комбригом.

И СНОВА УЧЕБА

Два года учебы в академии пролетели быстро. За это время Михаил Григорьевич вырос значительно в плане теоретическом, он становился крупным военачальником. У него были все основания для того, чтобы окончить академию с золотой медалью. Но, как всегда, пришла разнарядка. Многие годы количество выпускников высших военных учебных заведений, претендентов на золотую медаль, жестко регламентировалось вышестоящими организациями. Это выражалось в том, что приходила разнарядка — в этом году количество золотых медалистов не более трех человек. И если, к примеру, еще пять человек имели хоть семь пядей во лбу, перешагнуть через такие «рекомендации» было невозможно. Как вспоминают близкие, Михаил Григорьевич был огорчен таким подходом. В тот год золотые медали достались двум генералам.

Тем не менее аттестация на М. Г. Григорьева великолепнейшая:

> «Общее развитие и военная подготовка хорошие. Обладает широким тактическим кругозором и мышлением. Тактическую обстановку оценивает глубоко, вдумчиво, делает обоснованные выводы и принимает правильные решения. Свои мысли излагает ясно, логично и коротко. Имеет достаточные навыки в штабной службе. Графика хорошая. На местности работает уверенно, быстро ориентируется в обстановке. Курс теории военного строительства по всем вопросам усвоил с оценкой «отлично». Программу курса оперативного искусства усвоил также с оценкой «отлично». Обладает широким оперативным кругозором и мышлением. Твердо знает боевые свойства родов войск и умеет применять их в операциях.
>
> Организовывать, планировать и вести армейские и фронтовые операции может.
>
> Имеет боевой и командирский опыт, учить и воспитывать подчиненных может. Настойчив и умело отстаивает свои решения.
>
> В учебе организован. Самостоятелен, активен. Дисциплинирован, выдержан. Требователен. Политически развит и активен в общественной работе.
>
> Делу партии и социалистической Родине предан.
>
> Полковник Григорьев один из ведущих слушателей

курса, способный и культурный командир, глубоко любящий военное дело.

Здоров.

Академию окончил с оценкой «хорошо».

ВЫВОД: Может быть назначен командиром артиллерийской дивизии или начальником штаба артиллерии армии.

Начальник 2-го основного курса генерал-лейтенант Чанышев.

8 октября 1956 года».

Вывод аттестационной комиссии под руководством маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова:

«С аттестацией согласен. Достоин назначения на должность командира дивизии или начальника штаба артиллерии армии. В последующем старшим преподавателем Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова».

Но сразу же после выпуска из академии состоялась встреча М. Г. Григорьева с М. И. Неделиным. Это хотелось бы подчеркнуть особо, так как довелось встретиться с утверждением о том, что М. И. Неделин вспомнил о Григорьеве только в 1957 году, когда встал вопрос о кандидатуре командира нового соединения межконтинентальных ракет. Позже в автобиографии Михаил Григорьевич напишет: «После окончания академии назначен на должность первого заместителя начальника Ростовского высшего инженерного училища с перспективой назначения на должность командира первого в стране соединения межконтинентальных баллистических ракет».

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о строительстве объекта «Ангара» вышло 1 ноября 1957 года. Из этого становится ясным, что беседа состоялась сразу же после окончания академии, а скорее всего, накануне окончания. Митрофан Иванович Неделин свои испытанные кадры не терял и отдавать их ни в какие другие виды Вооруженных Сил не собирался.

Период службы в Ростовском училище был очень коротким, но плодотворным. За это время Григорьев глубоко вник в систему подготовки офицеров-ракетчиков, ознакомился с новыми типами ракет, поступающих на вооружение. Кроме того, сам, с учетом опыта командования бригадой, смог внести ряд рекомендаций по улучшению учебного процесса. Под его непосредственным руководством в училище был в сжатые сроки построен учебный корпус. При этом Михаилу Григорьевичу пришлось вспомнить опыт подобного строительства в городе Камышине.

Вспоминает Александр Алексеевич Авсеевич: «Далекий

теперь уже 1957-й. Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище. Июль месяц. Идет защита дипломных проектов выпускниками. Кто уже защитился, а кто ждет своей очереди, коротая время в курилке первого учебного корпуса. Подходит полковник Михаил Григорьевич Григорьев, в то время первый заместитель начальника училища. Присутствующие дружно встают, приветствуя полковника. Перед этим он длительное время отсутствовал. Поздоровавшись с нами, обращается: «Ну что, ребята, кто поедет служить ко мне?» Естественный вопрос: «Куда?» — «Средняя полоса европейской части, двадцать один час от Москвы, река, в реке форель и хариус, через реку мост, на мосту девушки с цветами». Все оказалось правдой, только девушки с цветами — шуткой.

Всего из выпуска Ростовского училища 1957 года в в/ч 13991 было назначено около 20 молодых офицеров.

После мандатной комиссии собрал нас полковник М. Г. Григорьев и сообщил, что он убывает на место постоянной дислокации объекта, а мы направляемся на один из полигонов, примерно на год, для изучения и освоения новой техники».

С выпускниками Ростовского ВКИУ Григорьев встретился уже в Плесецке, на объекте «Ангара».

У ИСТОКОВ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ

В январе 1957 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о строительстве двух объектов под условными наименованиями «Ангара» и «Волга». Предполагалось, что на этих объектах впоследствии будут развернуты соединения, вооруженные ракетным комплексом с межконтинентальной баллистической ракетой Р-7. Места для строительства этих объектов были выбраны за полгода до начала испытаний новой советской ракеты. Это объяснимо. Старт для испытаний и запусков Р-7 в районе полигона Байконур к этому времени строился уже почти два года, поэтому те, кто принимал решение, были хорошо осведомлены об объемах работ, которые предстояло выполнить.

Необходимо было в полной секретности, в предельно сжатые сроки, в тяжелейших климатических и гидрогеологических условиях построить ракетные комплексы, включающие уникальные пусковые установки, вспомогательные здания и сооружения технологического, культурно-бытового и жилищного назначения, многокилометровые линии электроснабжения, управления, связи. Каждый комплекс должен был обеспечивать приемку, хранение и подготовку ракет к пуску в минимальные сроки.

Так как на разработку первой межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты Р-7 отводилось очень короткое время (постановление о ее разработке принято 20 мая 1954 года, а летно-конструкторские испытания должны были пройти с марта 1957 по июль 1958 года), то уже в 1956 году были начаты рекогносцировочные работы по выбору места дислокации первых воинских частей, вооруженных ракетным комплексом Р-7.

К месту расположения стартовых комплексов этой ракеты предъявлялись следующие требования: стартовые комплексы должны быть размещены как можно дальше от южных границ, вдоль которых разворачивалось строительство американских военно-воздушных баз (Турция, Иран и т. д.); стартовые комплексы должны располагаться как можно ближе к территории США — первые термоядерные головные части были очень тяжелыми (свыше 5 тонн), и ракета могла забросить ГЧ на дальность не более 8800 километров; стартовые комплексы,

трассы полетов ракет и районы падения отработавших первых ступеней должны располагаться в малонаселенной местности; использование пунктов радиоуправления требовало наличия прямой радиовидимости с бортовыми антеннами. Это означало, что позиционный район должен находиться на равнинной местности.

Наконец, существовали ограничения и на способы транспортировки ракет Р-7 с заводов-изготовителей к месту расположения стартовых комплексов.

Под объект «Ангара» было отведено около 74200 кв. километров тайги. Грунтовый тракт проходил северо-восточнее небольших селений Кочмас и Авда и далее по берегу реки Емца к селу Кодыш. Вдоль этой магистрали тянулась старая железная дорога, построенная еще в 30-е годы для лесоразработок.

Выбор места для строительства объекта был произведен группой офицеров Министерства обороны. Группу возглавлял генерал-майор И. Ф. Дибров.

Из докладной записки Г. К. Жукова в Президиум ЦК КПСС от 29 декабря 1956 г. о проведении рекогносцировочных и изыскательских работ для расположения стартовых станций ракет Р-7 (извлечение):

«Совершенно секретно
Особой важности
Особая папка
ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
Докладываю:

Министерством обороны закончено проведение подробных рекогносцировочных и изыскательских работ в районах Архангельска, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР от 19 июля 1955 года для расположения боевых стартовых станций ракет Р-7 с дальностью стрельбы до 8000 км и специальным зарядом.

В ходе указанных работ были учтены изменения, внесенные главными конструкторами в технический проект ракеты Р-7, стартового оборудования, средств системы управления и их взаимного расположения на местности. Учтен также опыт строительства экспериментальной стартовой станции на Полигоне № 5 МО.

Одновременно Министерством обороны с участием главных конструкторов и представителей Министерств оборонной промышленности, радиотехнической

промышленности и машиностроения рассмотрены возможные варианты строительства стартовых станций — подземный, наземный и горный.

Наземный вариант обеспечивает возможность создания боевых стартовых станций в ближайшие 2–2,5 года, т. е. к моменту завершения летной отработки ракет Р-7 и накопления необходимого их запаса. В строительстве основных сооружений таких станций уже имеется необходимый опыт.

В составе первой очереди станции наземного варианта предполагается иметь 2 стартовые позиции, 2 технические позиции, хранилища ракет, боевых частей со специальными зарядами и спецтоплива, заводов для производства жидкого кислорода и азота, средства радиоуправления, сооружения энергоснабжения, железные и автомобильные дороги, жилой городок и средства связи. При этом запасы ракет, специальных зарядов, аппаратуру управления стартом и запасы топлива предполагается укрыть в полуподземных бетонных сооружениях. Стоимость строительства этой станции составит около 250 млн рублей; кроме того, стоимость специального оборудования составит до 100 млн рублей. Во вторую очередь предусматривается сооружение еще двух стартовых позиций с дополнительным расходом на строительные работы до 80 млн рублей и на изготовление специального оборудования до 50 млн рублей.

Защиту стартовых сооружений от воздушного нападения и повышение их живучести предполагается обеспечить удалением стартовых позиций друг от друга на расстояние 6—10 км, их маскировкой, использованием средств ПВО (системы С-75), а также созданием запаса конструкций для быстрого восстановления стартовых сооружений.

Место для строительства такой станции выбрано в лесистом районе южнее Архангельска.

…Прошу утвердить следующие предложения Министерства обороны:

— построить в районе Архангельска в течение 1957–1959 гг. боевую стартовую станцию для пуска ракет Р-7 в наземном варианте с двумя стартовыми позициями с доведением в последующие годы количества позиций до четырех. Работу по строительству станций развернуть в 1957 году с ориентировочными расходами в течение

года до 37 млн рублей;

— обязать Госплан СССР, Министерство финансов СССР и Министерство обороны СССР в феврале 1957 года определить источники финансирования работ по строительству боевых стартовых станций и внести свои предложения в Совет Министров СССР;

— обязать Спецкомитет Совета Министров СССР совместно с Министерством обороны и с привлечением министерств, участвующих в создании ракеты Р-7 и специального наземного оборудования для обеспечения ее пуска, разработать в феврале 1957 года и внести в Совет Министров СССР предложения по разработке и изготовлению специального наземного оборудования и средств радиоуправления для оснащения боевых стартовых станций.

Г Жуков».

Головной организацией по созданию стартовых комплексов было определено ГСКБ «Спецмаш». Строительство объекта было возложено на 57-е управление инженерных работ (57-е УИР) во главе с инженером-полковником Н. И. Былеевым (с января 1958 года — инженером-полковником Н. И. Степанченко, опытнейшим организатором и высоко эрудированным строителем). Главным инженером проекта назначен инженер-полковник А. А. Ниточкин — очень способный, талантливый специалист, в свое время проектировавший строительство на полигоне Байконур.

Первые три эшелона с инженерно-техническим составом и военными строителями прибыли почти одновременно в конце февраля 1957 года: один — из Тбилиси, разгрузился на станции Плесецкая; второй — из Крыма с личным составом 25-го отдельного аэродромно-строительного полка (командир полковник И. М. Агеенков), разгрузился на 41-м километре железнодорожной лесовозной ветки.

Третий, с личным составом и техникой роты капитана Г. М. Питалева, разгрузился на 39-м километре на станции Исакогорки Архангельской области.

Суровый северный край встретил первый десант, прибывший из южных районов страны, сорокаградусными морозами и полутораметровыми сугробами. Но на акклиматизацию времени отпущено не было. Полк разместился в полусгнивших строениях барачного типа, которые ему достались в наследство от лесозаготовителей. Батальон на 39-м километре поселили в утепленные палатки типа УСБ-41, установленные посреди заснеженной поляны.

25-й полк немедленно приступил к строительству бетонного завода и цехов по изготовлению арматуры и опалубки, 167-й батальон на 39-м километре начал строительство материально-технической базы, на которой должны были разместиться парки для средств механизации и автотранспорта, цеха распиловки и обработки древесины.

Сразу же выяснилось, что срочной замене подлежал весь подъездной путь до станции Плесецкой, так как шпалы от времени сгнили, а рельсы уже не соответствовали нагрузкам подвижного состава.

Военный строитель, полковник Г. М. Питалев, вспоминает о первопроходцах: «После разгрузки техники в снег, быстро установили палатки для личного состава, для столовой и имущества. Первое время офицеры и солдаты обосновались в одном палаточном городке, чтобы быть поближе к рабочим местам, а через месяц, после ремонта сарая в трех километрах от палаточного городка, мы уже разместились в более комфортных условиях, какие только можно было в тот момент себе представить».

К концу 1957 года были созданы минимальные условия для жизни военных строителей и ракетчиков. В основном это были бараки, землянки и палатки. Один из строителей, А. В. Асеев, так вспоминает то время: «Три месяца жили в палатках. Эти палатки до конца жизни не забуду. Бывало, проснешься утром, а волосы примерзли к подушке. Помню, как ждали, когда кто-нибудь из сослуживцев уйдет, чтобы взять его одеяло». Но жизнь налаживалась быстрыми темпами. Вскоре появились первые щитовые казармы.

4 июля 1957 года для эксплуатации нового ракетного комплекса была создана новая войсковая часть с условным наименованием — объект «Ангара» с дислокацией в Плесецком районе Архангельской области. Решением ЦК КПСС, а затем приказом министра обороны СССР от 10 июля 1957 года командиром вновь созданной войсковой части назначен полковник Михаил Григорьевич Григорьев.

15 июля 1957 года М. Г. Григорьев издал приказ № 1, в котором объявлялось о вступлении его в должность и начале формирования соединения по временному штату в составе: управления части, отдела капитального строительства и подразделения обслуживания — всего 32 офицера и 120 солдат и сержантов. Именно эта дата, 15 июля, стала впоследствии отмечаться как день рождения полигона, гарнизона и города Мирный.

Кроме организационной группы было создано еще одно

подразделение во главе с заместителем М. Г. Григорьева по вооружению полковником Б. Г. Ханиным, которое с августа 1957 года находилось на полигоне Байконур. На него возлагалось изучение нового вооружения — ракетных комплексов, оснащенных ракетами Р-7.

В сентябре 1957 года первая группа военнослужащих во главе с полковником М. Г. Григорьевым перебазировалась к постоянному месту дислокации — на станцию Плесецкая Северной железной дороги и разместилась там в пяти железнодорожных вагонах, в которых прожила до мая 1958 года. На плечи командира соединения легли, казалось бы, невыполнимые задачи.

Подполковник В. В. Ковегин, одним из первых добравшись до объекта, вспоминал: «Когда я прибыл на станцию назначения, то кроме отдельных разбросанных деревянных домишек ничего не увидел. Штаб объекта располагался в железнодорожных вагонах-теплушках, недалеко от станции. Но работа уже кипела».

В летний период 1957 года рытье котлована на первом сооружении — близнеце гагаринского старта на Байконуре — шло уже полным ходом, там было сосредоточено около 2500 солдат, офицеров и ИТР, быстро обустраивался личный состав, штабы.

Большой проблемой стали переброска и хранение поступающей военной техники, прием материалов и людей. Ежедневно в район строительства прибывало от 400 до 800 грузовых машин, каждую из которых надо было не только разгрузить, но и перебросить материалы на соответствующие площадки. Возникало немало трудностей, устранять которые помогали трудовой энтузиазм, высокая ответственность и мужество ракетчиков и строителей.

Подтягивались новые строительные части. Полковник Н. В. Колбасин, прибывший с полком на строительство в апреле 1958 года, пишет в своих воспоминаниях: «Первый эшелон с людьми и техникой прибыл к месту работ в морозную ночь. Приступили к развертыванию палаточного городка. Наш рабочий день начинался с отогревания техники, с расчистки дорог, которые ночью засыпало снегом. Пищу готовили в походных кухнях».

Отсутствие дорог, питьевой воды и бань, глубокие снега, трескучие морозы сменились коротким северным летом, мириадами комаров и мошки, непролазной грязью, а затем затяжными осенними дождями. Но строительство продолжалось полным ходом.

Весной 1958 года работы по строительству стартовых позиций в Плесецке развернулись широким фронтом. На них

было занято более 11 тысяч человек.

Ни по структуре, ни по комплектованию, ни по возможностям постоянно прибывающие строительные части, которые раньше занимались аэродромным строительством, не отвечали характеру возведения ракетных комплексов. Поэтому в начале 1958 года они были расформированы и начали создаваться бригады и УНР.

В строительных частях велась серьезная работа по переподготовке офицерского состава, ИТР и обучению солдат. Строительство объемных сооружений из монолитного железобетона с применением крупноблочных стальных и арматурных каркасов было для многих, даже опытных инженеров делом новым, поэтому дополнительные занятия по монтажу конструкций были очень кстати. Случались и нестыковки: работы на основных объектах неоднократно приостанавливались из-за отсутствия и задержки технической документации, дополнительных требований по маскировке и режиму строительства.

Больше всего неприятностей при развертывании работ на объектах доставляли дороги, вернее, отсутствие их. Известняк, особенно верхний слой разработки, из которого отсыпалось полотно дорог, имел низкую прочность, раскисал и терял несущую способность под воздействием чрезмерной влажности и нагрузок от автотранспорта. А в весенний и осенний периоды пройти по трассе даже в резиновых сапогах представляло определенную трудность. Кроме того, на некоторых участках полотно медленно, но постоянно оседало в раскисший грунт, образуя порой непроходимые лужи. А из Москвы все время требовали удешевлять строительство. Первоначально вообще планировалось строить дороги таким образом — насыпь, а по ней бетонные полоски по ширине шин. Сколько это стоило нервов Михаилу Григорьевичу — можно только предположить. Он на всех уровнях отстаивал и обосновывал необходимость строительства полноценных бетонных покрытий. При этом доказывал непреложную истину, что прокладывание времянок обойдется государству дороже, так как в будущем все равно придется строить дороги, способные выдерживать значительные нагрузки. К его мнению прислушались в верхах.

В 1958 году были построены автомобильная бетонная дорога и железнодорожная ветка с многочисленными ответвлениями. Трассу вели через торфяники глубиной до 5 метров. Торф вынимался до материкового грунта, и только потом укладывалось основание под покрытие. К концу 1958 года протяженность новых и реконструированных участков железной дороги составляла 60 километров, а автомобильной — 70 километров.

Жизнь подтвердила правоту М. Г. Григорьева. «Бетонки» и железнодорожные ветки, сооруженные в то время, служат на космодроме и поныне.

К ряду объектов первые пассажирские перевозки осуществлялись на автомобилях, которые двигались по рельсам. У них сняли покрышки с колес и поставили на рельсы. Затем появился паровоз и один пассажирский вагон. Этот поезд кто-то из острословов прозвал «Волга — Волга».

Стартовые комплексы строились в рекордно короткие сроки. Так, на первом старте (площадка 41) в 1957 году начались земляные работы, а 12 декабря 1959 года подписан акт о приемке комплекса в эксплуатацию. Для сравнения: ветераны рассказывают, что на Байконуре во время строительства первого старта для Р-7 объем земляных работ был колоссальным. Когда С. П. Королева солдаты спрашивали, что же все-таки они строят, он шутливо отвечал: «Строим стадион». Здесь, на Севере, предстояло в короткие сроки построить четыре таких сооружения. При возведении только стартовых площадок пришлось вынуть около миллиона кубометров грунта и уложить свыше тридцати тысяч кубометров бетона.

Жилые дома ставили на болоте. Почти все канализационные траншеи рыли зимой, чтобы не было обвалов, так как глубина траншей доходила до 9 метров.

Возникало немало и других трудностей. Вот один из примеров, который приводит в своих воспоминаниях военный строитель полковник И. В. Гордеев: «Перед нами была поставлена задача: переправить к месту работ 5 экскаваторов. Но когда их перетаскивали через болото, случилось непредвиденное… Лед не выдержал, и один из экскаваторов ушел под воду. Сосредоточили 10 тракторов и бульдозеров, чтобы вытащить экскаватор, но этой техники оказалось недостаточно. Тогда экипаж экскаваторщиков из четырех человек обратился с предложением разобрать экскаватор по частям, чтобы спасти дорогостоящую машину, так нужную на стройке. В течение двух суток в ледяной воде они разбирали экскаватор и частями перевозили в карьер, затем собрали его, что позволило выдержать все сроки по выполнению задачи».

Кто-то из ветеранов меня упрекнул: «Книга о Григорьеве, а вы так много рассказываете о военных строителях». Дело в том, что представить себе масштаб этой стройки человеку, не связанному с ракетными войсками, довольно сложно. Я же рассчитываю, что эту книгу будут читать не только профессиональные ракетчики. И поэтому попытался показать хотя бы частично объем работ, которые проводились на строительстве. Умышленно опускаю

возведение еще шести измерительных пунктов (ИП). А ведь все они, без исключения, строились в условиях Заполярья, по трассе полета ракет к Камчатке. М. Г. Григорьев отвечал также и за их своевременный ввод в эксплуатацию.

Михаил Григорьевич создал штаб руководства стройкой. Оперативно осуществлялся контроль за возведением каждого объекта, подводились итоги выполнения планов. Всякое отставание рассматривалось как чрезвычайное происшествие. Вместе с руководством строительных организаций и частей М. Г. Григорьеву нередко приходилось принимать ответственнейшие решения. И военные строители всегда находили взаимопонимание и помощь с его стороны.

Вспоминает полковник Г. М. Питалев (в те годы — капитан, командир строительной роты): «Незабываемы были встречи с первым начальником объекта «Ангара» полковником Григорьевым Михаилом Григорьевичем. Его внимание и уважение к строителям и монтажникам было безграничным, и они отвечали ему тем же. Полковник М. Г. Григорьев помогал стройке не только всеми силами, но и сердцем, всей душой. Он был искренен во всем: вместе с нами радовался первым успехам и переживал неприятности, мог запросто отведать обед из солдатского котла, попить чаю с прорабами и мастерами, непринужденно беседуя прямо на рабочем месте. Со строителей и своих подчиненных он спрашивал по всей строгости, если речь шла о качестве, о задержке технической документации или поставках оборудования. На объекте рядом с нами всегда находился представитель части, который мог принять решительные меры без промежуточных звеньев, а значит, и без проволочек.

Многие пытались демонстрировать доброе отношение и уважение к строителям в период возведения объектов, но дальше стыдливых признаний в двух строках на страницах очерков и мемуаров дело не шло. Генерал-полковник М. Г. Григорьев сохранил теплые, дружеские отношения и признательность к строителям навсегда».

Формирование боевых частей соединения «Ангара» шло параллельно со строительством и проводилось в три очереди. Первыми укомплектовывались людьми три боевые стартовые станции (42, 48 и 70-я БСС) и шесть пунктов радиоуправления, предназначенных для обеспечения пусков ракет (каждый пункт радиоуправления был самостоятельной частью). Кроме того, в течение 1958 года было сформировано еще более 30 частей обеспечения, некоторые из них в 1961–1962 годах были расформированы.

Уже с сентября 1957 года большинство формируемых

подразделений приступили к занятиям по боевой подготовке. Для более глубокого изучения техники офицерским составом были разработаны программы по каждой специальности, изготовлены чертежи, схемы, макеты. Многие офицеры были направлены на заводы, в научно-исследовательские институты, где знакомились с техникой, писали конспекты, которые потом размножались и становились достоянием всего офицерского состава.

К 23 февраля 1958 года полковник Григорьев разрешил привезти семьи первым трем офицерам соединения. Для них под жилье на берегу озера оборудовали бывший дом директора канифольного завода. В мае 1959 года в семье офицера В. Г. Малахова появился сын Александр — первый новорожденный поселка. К слову сказать, он вырос, окончил военное училище и продолжил семейную традицию — впоследствии служил на полигоне (космодроме).

А масштабность государственных задач нарастала с каждым днем. С 10 по 17 июня 1958 года на объекте «Ангара» работал с группой офицеров заместитель министра обороны по специальному вооружению и ракетной технике маршал артиллерии М. И. Неделин. Он лично побывал на всех строящихся объектах, отметил недостатки, помог разрешить многие накопившиеся вопросы. Тогда же он издал директиву о формировании частей и подразделений объекта «Ангара». В директиве определялись места и порядок создания боевых и стартовых станций и частей обеспечения.

Например, 42-я БСС, 1, 9 и 13-й пункты радиоуправления формировались при 5-м НИИП МО, на Байконуре. Автотранспортный, эксплуатационно-дорожный и железнодорожный батальоны, батальон охраны, госпиталь — непосредственно на станции Плесецкой. Ряд частей формировался в городе Петрозаводске. 48-я БСС и 4-й главный пункт радиоуправления формировались в селе Медведь Новгородской области, отдельная смешанная авиационная эскадрилья — на станции Обозерск Северной железной дороги, ремонтно-техническая база — на полигоне Капустин Яр. Столь подробно рассказываю об этом, чтобы читатель мог представить себе, каким трудным было становление первого соединения межконтинентальных ракет. Ведь весь ход комплектования частей, разбросанных по всей стране, нужно было отслеживать, принимать конкретные решения в случае заминок, срывов. Григорьев справился с этой задачей.

С 18 июня 1958 года соединение было переведено на новые штаты. Командиром первой боевой части, или БСС (боевой стартовой станции) был назначен полковник Георгий

Константинович Михеев.

К декабрю 1958 года формирование соединения было в основном завершено. 1 декабря начался учебный год. В январе 1959 года ракетчиков вновь посетил заместитель министра обороны главный маршал артиллерии М. И. Неделин. Он ознакомился с ходом строительства объектов и поставил задачу — быть готовыми выполнить учебно-боевой пуск ракеты Р-7. Началась напряженная работа по подготовке боевых расчетов к выполнению этой задачи.

25 мая 1959 года Михаилу Григорьевичу было присвоено очередное воинское звание — генерал-майор артиллерии. Десять лет, с мая 1949 года, он носил погоны полковника. Как видим, стремительной карьеры не было, да и не могло быть при его прямом, «колючем» характере.

Очень напряженным и ответственным периодом для соединения стал июль 1959 года — шла напряженная подготовка к проведению первого учебно-боевого пуска ракеты. 30 июля 1959 года с оценкой «отлично» был проведен первый в истории нашей страны учебно-боевой пуск межконтинентальной ракеты Р-7 частью, которой командовал полковник Г. К. Михеев. К моменту пуска 42-я БСС на 80 % была укомплектована молодыми офицерами, вчерашними выпускниками училищ. В группе комплексных проверок из 82 офицеров только 4 служили в звании капитана и имели некоторый опыт работы с ракетной техникой. В стартовой группе из 125 офицеров 115 — лейтенанты, они также не имели опыта работы с ракетами. По случаю этого знаменательного события — первого учебно-боевого пуска МКР — в районе стартовой позиции был проведен митинг. Руководитель государственной комиссии К. Н. Руднев, главный конструктор С. П. Королев, маршал артиллерии М. И. Неделин тепло поздравили М. Г. Григорьева и весь личный состав, участвовавший в пуске. Ракетчикам М. И. Неделин объявил благодарность.

Это было началом закладки фундамента стратегической мощи ракетно-ядерного оружия.

Решительность, способность быстро принять единственно правильное решение, нетерпимость к недостаткам и чувство большой ответственности М. Г. Григорьева, плодотворная работа его заместителей: начальника штаба Н. В. Тарасова, начальника политического отдела Ф. С. Хакимова, заместителя по инженерно-ракетной службе Б. Г. Ханина, главного инженера объекта М. Р. Черневича, командиров частей, наконец, самоотверженный труд многотысячных коллективов обеспечили выполнение поставленной задачи качественно и в срок.

В августе 1959 года 42-я БСС, отдельная ремонтно-

техническая база, узел связи и отдельный эксплуатационно-ремонтный батальон перебазировались к постоянному месту дислокации — на объект «Ангара». Здесь личный состав активно включился в завершающие монтажные и пусконаладочные работы на боевой стартовой позиции. Они велись круглосуточно, без выходных и праздничных дней. Надо особо подчеркнуть, что осень 1959 года выдалась холодной. Непрерывно шел дождь. Казалось порой, что он вообще никогда не прекратится. Но работы не останавливались ни на минуту. Например, 5 ноября на объект прибыла комиссия по проведению отладочных испытаний комплекса, которую возглавлял заместитель начальника главка Государственного комитета по оборонной технике И. А. Герасимов. По плану работы комиссии, 7 ноября, в праздничный день, проводилась первая заправка ракеты перекисью водорода, а затем его слив. В последующие праздничные дни ракета заправлялась горючим и окислителем — раздельно с последующим сливом компонентов. На Красной площади шли военный парад и демонстрация трудящихся, звучали здравицы, марши — все это транслировалось по громкоговорителям на стартовой площадке. А личный состав, представители промышленности под эти марши работали даже без обеденного перерыва. Обед боевым расчетам привозили прямо на старт, на рабочие места. Но, как вспоминают участники тех событий, настроение у всех было приподнятое и трудились самоотверженно.

Все виды отладочных испытаний, а также комплексные испытания, проведенные Госкомиссией, завершились в начале декабря 1959 года. Была подтверждена возможность ввода объекта в эксплуатацию. 15 декабря 1959 года Государственная комиссия подписала акт о приемке в эксплуатацию первого в СССР боевого ракетного комплекса межконтинентальных баллистических ракет. Этим подводился итог громадного труда всего народа, первых воинов-ракетчиков и конечно же М. Г. Григорьева — талантливого командира и организатора.

Спустя два дня, 17 декабря, Советское правительство приняло решение о создании нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения.

30 декабря первая межконтинентальная баллистическая ракета заступила на боевое дежурство. Жилья на стартовой позиции еще не было. Боевые расчеты при 37-градусном морозе размещались в утепленных палатках.

Ускоренными темпами велось строительство второй стартовой позиции. На основании директивы штаба реактивных частей 28 июля 48-я стартовая станция и 4-й пункт

радиоуправления убыли на 5-й НИИП МО для самостоятельной подготовки и проведения учебно-боевого пуска ракеты Р-7. 21 ноября 1959 года 48-я БСС под командованием полковника Н. И. Тарасова провела учебно-боевой пуск на полигоне Байконур.

В январе 1960 года был закончен монтаж оборудования и комплексные испытания, а в феврале начались отладочные испытания, которые проводились с той же тщательностью, что и на предыдущей стартовой позиции. Ракета была вывезена на старт, прошли механические стыковки, и все было подготовлено к заправке. Пора было начинать основные испытания, но командование всячески пыталось на час-два перенести начало работ. Представители промышленности занервничали. Вскоре выяснилась причина задержки. К старту приблизился железнодорожный состав с вагонами-теплушками. Из них стали выгружаться боевые расчеты. Короткое построение — и к месту работы. Оказалось, что эшелон прибыл прямиком с Байконура, где личный состав БСС прошел практическую подготовку и провел пуск ракеты Р-7. И вот после четырех с лишним тысяч километров пути расчеты мгновенно включились в учебно-боевую деятельность на своей стартовой позиции. Вот уж поистине — «с корабля на бал».

В феврале 1960 года вторая площадка под ракетный комплекс Р-7 была сдана в эксплуатацию. Сроки строительства ее были сокращены на семь месяцев по сравнению с первой. Одновременно сдавались в эксплуатацию монтажно-испытательные корпуса, хранилища компонентов топлива, системы связи, теплоснабжения, водопровода, пожаротушения и канализации, сооружения охраны и обороны объектов. Для читателя, не связанного с ракетами, поясню. Одним из компонентов топлива на Р-7 являлся жидкий кислород, выработка, доставка и хранение которого были связаны с некоторыми трудностями. Поэтому на каждой стартовой позиции помимо стартового сооружения имелись свои собственные (в числе трех) кислорододобывающие заводы. Кроме того, на каждом старте находилось по 10 железнодорожных хранилищ кислорода. На объекте «Ангара» имелось также 2 железнодорожных кислорододобывающих завода. Для заправки ракет требовалось немалое количество жидкого кислорода. Дело дошло до того, что на одном из совместных совещаний ЦК КПСС и Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в отчаянии заявил: «Дело обстоит таким образом. Или мы отдаем жидкий кислород ракетчикам и сворачиваем половину металлургической промышленности, или же сокращаем работы по ракетостроению». Тогда на объекте «Ангара» в короткие сроки был построен самый

крупный в Европе завод по выработке жидкого кислорода. Только таким образом удалось разрешить проблему.

На каждой площадке были собственные физико-химические лаборатории, подвижные дизель-электрические станции. К концу 1960 года на балансе соединения числились 63 котельные. Стройка была поистине гигантской.

15 апреля 1960 года личный состав 48-й БСС заступил на боевое дежурство.

13 июля 1959 года на основании директивы главного маршала артиллерии М. И. Неделина в городе Камышине началось формирование третьей по счету — 70-й боевой стартовой станции, а также 29-го и 45-го пунктов радиоуправления.

Военные строители бригады полковника А. Ф. Циргвавы после завершения работ на первой площадке развернули строительство 3-го и 4-го боевых стартов для ракет Р-7А. К июлю 1961 года строительные работы на них были завершены благодаря успешным действиям коллектива военных строителей, инженерно-технических работников и начальников участков, которые возглавлял капитан В. Н. Плиско. 15 июля 70-я боевая стартовая станция приступила к боевому дежурству на этих объектах.

6-я строительная бригада под командованием полковника В. Н. Бабенко в августе 1960 года приступила к строительству головного боевого ракетного комплекса наземного базирования под ракеты Р-16 (генеральный конструктор М. К. Янгель). Комплекс был значительно проще первых стартов, поэтому уже к октябрю 1961 года, в установленные правительством сроки, старты № 5 и № 6 были сданы в эксплуатацию.

В начале 1962 года на площадках Малое и Большое Усово начато строительство стартовых позиций для ракет Р-9А конструкции С. П. Королева. К концу 1963 года четыре старта были введены в эксплуатацию.

К слову сказать, многое из того, что строилось в первые годы, существует и сегодня, а в свое время стало прочным фундаментом и основой для создания ракетного полигона, а затем и космодрома России.

Огромный созидательный труд давал положительные результаты. Все убедились в том, что взятый М. Г. Григорьевым старт привел к закономерному успеху. Офицеры, прибывшие из подразделений других видов Вооруженных Сил и еще совсем недавно стремившиеся в буквальном смысле слова «убежать» от ракет, стали настоящими ракетчиками, полюбили грозное оружие. Межконтинентальный ракетный комплекс, воплотивший

в себе выдающиеся достижения науки, техники и производства, привлекал своей необычностью. С ним связывали свои судьбы люди, профессионально подготовленные, широкого кругозора, сильные духом и щедростью души, большой выдержки и закалки. Ярким воплощением всех этих качеств был для подчиненных Михаил Григорьевич, уважение к нему было безграничным. Он не дрогнул перед труднейшими испытаниями и с честью выполнил благородную миссию по обеспечению безопасности Отечества на рубеже 50—60-х годов.

В историческом формуляре полигона есть такая запись: «Анализируя огромные трудности того периода, невольно преклоняешься перед волей и настойчивостью офицеров объекта «Ангара», которые сумели мобилизовать весь личный состав и в короткие сроки решить многие вопросы жизни и деятельности частей объекта».

Безусловно, М. Г. Григорьеву пришлось выдержать наибольшие физические, моральные и психологические испытания. Он был дирижером громадного оркестра, управлял тысячами разнохарактерных специалистов, командиров, инженеров и техников, умело перераспределял материально-технические и людские ресурсы. Вся деятельность М. Г. Григорьева характеризовалась высоким организаторским талантом, умением убеждать и требовать, заботливым отношением к людям, пониманием их запросов и нужд, оказанием своевременной помощи, созданием в многочисленных коллективах особого климата, отличавшегося приподнятым настроением, трудовым настроем, нетерпимостью к недостаткам. Командир соединения сочетал в своей работе с людьми моральные и материальные стимулы, многие, заслуживающие того офицеры выдвигались на руководящие должности. Офицер, прошедший школу Григорьева, считался надежным в службе, преданным делу человеком, хорошим профессионалом.

Круг вопросов, решаемых Григорьевым, был поистине безграничен. Сегодня можно только поражаться, как ему удавалось справляться со всеми возникающими трудностями.

Как единственному боевому комплексу межконтинентальных стратегических ракет, объекту «Ангара» в тот период придавалось особое значение. Вот только несколько документов, касающихся данного объекта, которые в 1995 году были рассекречены в Архиве Президента Российской Федерации. Думается, они дают представление о том, на каком уровне решались все возникающие проблемы.

«Совершенно секретно

Особой важности

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС И СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

2 июля 1958 г. № 725–347

Москва, Кремль

О работах по объекту «Ангара»

(Извлечение)

В целях быстрейшего создания объекта «Ангара» Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Установить следующие сроки предъявления к боевой эксплуатации стартовых позиций объекта «Ангара»:

— первой стартовой позиции в III кв. 1959 г.

— второй стартовой позиции в IV кв. 1959 г.

2. Принять предложение Министерства обороны СССР (тт. Конева, Неделина) об окончании строительства и сдачи сооружений под монтаж оборудования:

— первой стартовой позиции в декабре 1958 г.

— второй стартовой позиции в июне 1959 г.

3. В частичное изменение постановлений Совета Министров СССР от 23 мая 1957 г. № 560–285, от 10 октября 1957 г. № 1196–541 и от 8 марта 1958 г. № 292–139 утвердить сроки проведения основных этапов работ по объекту «Ангара»:

ж) монтаж на объекте «Ангара» наземного оборудования системы управления, проведение испытаний и сдача в боевую эксплуатацию

1 компл. — III кв. 1959 г.

1 компл. — IV кв. 1959 г.

4. Обратить внимание тт. Новикова и Рябикова (Совет Министров РСФСР), Сенина (Совет Министров Украинской ССР) и Калмыкова (Государственный комитет Совета Министров СССР по радиоэлектронике), что они несут персональную ответственность за изготовление и монтаж специального технологического оборудования и наземной аппаратуры системы управления, а тт. Неделин, Шебунин (Министерство обороны СССР) — за подготовку строительной части сооружений, комплектацию оборудования и обеспечение условий для проведения монтажа указанного оборудования на объекте «Ангара» в сроки, установленные настоящим постановлением.

6. Учитывая, что создание объекта «Ангара» является задачей особой государственной важности, обязать Госплан СССР (тт. Кузьмина, Хруничева), Совет Министров РСФСР (тт. Новикова, Рябикова), Совет Министров Украинской ССР (т. Сенина), Государственный комитет Совета Министров СССР по оборонной технике (т. Руднева), Государственный комитет Совета Министров СССР по радиоэлектронике (т. Калмыкова), Государственный комитет Совета Министров СССР по судостроению (т. Бутома), Государственный комитет Совета Министров СССР по авиационной технике (т. Дементьева), Министерство обороны СССР (тт. Неделина, Ше-бунина) и Государственный комитет Совета Министров СССР по химии (тт. Тихомирова, Новикова):

а) взять под личный контроль и обеспечить в заданные сроки выполнение работ, предусмотренных настоящим постановлением.

7. Поручить Министерству обороны СССР (тт. Коневу, Неделину) в месячный срок определить на ближайшие годы потребность в технологическом оборудовании и наземной аппаратуре системы управления для изделий типа Р-7 и свои предложения по этому вопросу представить в Госплан СССР.

19. Учитывая особую государственную важность выполнения задания по изготовлению специального оборудования и аппаратуры для объекта «Ангара», предусмотренного настоящим постановлением, поручить первым секретарям обкомов партии: Пензенского т. Бутузову, Сталинского т. Казанец, Калининского т. Горячеву, Сумского т. Науменко, Харьковского т. Титову, Свердловского т. Кириленко, Брянского т. Петухову, Запорожского т. Скрябину, Одесского т. Федосееву, Горьковского т. Смелякову, первым секретарям горкомов КПСС г. Москвы т. Устинову и г. Ленинграда т. Родионову, а также первому секретарю Башкирского обкома КПСС т. Нуриеву взять под личный контроль это решение и принять меры, обеспечивающие выполнение этого задания в установленные сроки.

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР».

Из приведенного выше документа мы видим, что в строительстве первого позиционного района

межконтинентальных баллистических ракет принимала участие вся страна.

Сроки строительства объекта все же неоднократно переносились, потому что нельзя было учитывать загодя все возникающие трудности.

Из докладной записки Д. Ф. Устинова, Р. Я. Малиновского, М. И. Неделина в Совет Обороны СССР от 20 февраля 1959 года о строительстве специальных объектов в Министерстве обороны СССР:

«Совершенно секретно
Особой важности
СОВЕТ ОБОРОНЫ СССР
товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 января 1957 года ведется строительство боевой стартовой станции (БСС) «Ангара» для ракет Р-7, в 1959 году будет сдана в эксплуатацию ее первая очередь с двумя стартовыми позициями.

Согласно указанному постановлению сооружения для старта ракет, а также вспомогательные объекты станции «Ангара» осуществляются в наземном исполнении с дополнительной их маскировкой горизонтальными и вертикальными маскировочными сетями. Все остальные строительные объекты станции «Ангара» — помещения для хранения запасов ракет, головных частей со специальными зарядами, аппаратуры управления стартом, а также кислорододобывающие заводы и хранилища с запасами топлива — укрываются в полуподземных сооружениях с маскировкой их под рельеф местности. Для лучшей маскировки станция «Ангара» строится в лесном массиве, а стартовые установки размещаются на крутых лесистых берегах реки. Скорострельность БСС «Ангара» из-за отсутствия опыта по проекту предусматривалась один пуск в сутки с одной стартовой позиции. Общая сметная стоимость строительства БСС «Ангара» при четырех стартовых позициях определялась в сумме 1 миллиард 547 млн рублей. В результате проводимых в настоящее время мероприятий скорострельность БСС «Ангара» будет доведена до двух пусков ракет в сутки с каждой стартовой позиции, при одновременном удешевлении стоимости строительства на 200–300 млн рублей.

В целях обеспечения возможности боевого

использования создаваемого в 1959–1961 гг. боезапаса межконтинентальных ракет Р-7 и Р-7А до создания БСС в «заглубленном» варианте считаем необходимым построить в 1959–1961 гг. по типу улучшенной станции «Ангара»:

— вторую очередь БСС «Ангара» в составе двух стартов, с доведением общего числа стартов на этой станции до четырех».

Конечно, строительство первых ракетных комплексов, как говорится, влетало государству «в копеечку». Вот ориентировочная стоимость некоторых видов промышленной продукции и сырья по ценам 1958 года: грузовой автомобиль-самосвал МАЗ-205 — 31570 рублей, легковой автомобиль «Волга» — 24 740 рублей, трактор ДТ-54 — 14 190 рублей, тонна угля — 82 рубля 40 копеек, тонна нефти — 33 рубля 61 копейка, центнер сахара — 298 рублей 85 копеек и т. д.

Докладная записка Р. Я. Малиновского, М. И. Неделина, А. И. Шебунина от 5 ноября 1959 года о ходе строительства и вводе в эксплуатацию объекта «Ангара» свидетельствует о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться строителям и лично М. Г. Григорьеву в ходе сооружения объектов:

(Извлечение)

«Совершенно секретно

ЦК КПСС

Докладываем о ходе строительства боевой стартовой станции «Ангара» для межконтинентальных баллистических ракет Р-7 по состоянию на 31 октября 1959 года.

Сроки предъявления к боевой эксплуатации стартовых позиций объекта «Ангара»: первой — III квартал 1959 г., второй — IV квартал 1959 г.

Состояние работ по объекту «Ангара» следующее:

По первой стартовой позиции

Закончены строительные работы по всем основным сооружениям — старту, командному пункту, монтажно-испытательному корпусу, дизельной электростанции, укрытиям агрегатов электропитания, хранилищам топлива и перекиси водорода, кислородно-азотному заводу с хранилищем жидкого кислорода, системам тепло-, водо- и энергоснабжения, автомобильным и железным дорогам, жилью для личного состава.

Закончены монтажные работы и производится

отладка оборудования во всех основных сооружениях, за исключением кислородно-азотного завода с долговременным хранилищем. Работы по этому заводу задерживаются из-за недопоставки технологического оборудования и отсутствия теплоизоляционных материалов — микропоры и пеностекла. Окончание строительства на кислородно-азотном заводе ожидается в декабре 1959 г. До ввода в действие завода потребность в жидком кислороде и азоте будет обеспечиваться двумя железнодорожными заводами-поездами, поступающими на объект в ноябре 1959 г., и путем подвоза кислорода с заводов промышленности.

Для проведения комплексных испытаний и сдачи первой стартовой позиции в боевую эксплуатацию создана межведомственная комиссия из представителей Министерства обороны СССР, представителей главных конструкторов и промышленности. Испытания и сдачу намечено закончить в ноябре 1959 года.

Одновременно со строительством стартовой позиции Министерство обороны проводит строительство пунктов системы радиоуправления: одного главного и двух зеркальных, предназначенных для выключения двигателя ракеты в полете и корректировки точности полета ракеты в плоскости стрельбы. Пункты должны быть расположены с большой точностью справа и слева от старта в удалении на 250 км с общей базой 500 км и должны быть связаны со стартом проводной высокочастотной связью и средствами радиосвязи.

В силу этого пункты радиоуправления пришлось разместить в труднодоступной и необжитой местности на территории Карельской АССР и Архангельской обл.

В настоящее время завершается строительство технических зданий и производится монтаж наземной аппаратуры и пеленгаторных устройств на пунктах радиоуправления. Эти работы будут закончены в ноябре 1959 г., за исключением средств связи.

До окончания строительства линий постоянной связи будет обеспечена временная связь пунктов радиоуправления со стартом с помощью приспособленных войсковых средств.

Личный состав войсковой части, сформированный для боевой эксплуатации первой стартовой позиции, а также для сборки и подготовки головной части ракеты с водородным зарядом, получил необходимую

техническую подготовку на НИИП-5 Министерства обороны, в КБ, НИИ и заводах промышленности. Боевые расчеты этой войсковой части 30 июля с. г. успешно произвели пуск ракеты Р-7. Войсковая часть находится на объекте «Ангара» и готова для несения боевого дежурства.

Серийные заводы изготовили 9 ракет Р-7 из 20 по плану на 1959 год. Состояние производства ракет Р-7 дает основание считать, что план 1959 года будет выполнен. С учетом разрешенного ЦК КПСС и Советом Министров СССР расхода 3 ракет для отработки ракет Р-9А, 2 ракет по теме «Восток», 2 ракет для отстрела на полную дальность и 2 ракет на контрольные отстрелы на 1 января 1960 года будет находиться в боезапасе 11 ракет Р-7.

При строительстве первой стартовой позиции и монтаже технологического оборудования необходимо было все время учитывать опыт летной отработки ракеты Р-7 и непрерывно вводить изменения в готовое наземное оборудование. Кроме того, Министерство обороны стремилось сократить объем строительных и монтажных работ на объекте «Ангара» по сравнению с экспериментальной стартовой позицией на НИИП-5 МО. Хотя сложность технических сооружений первой боевой стартовой позиции мало чем отличается, по сравнению с экспериментальной позицией на полигоне, все же удалось объем работ на объекте «Ангара» значительно сократить за счет более компактного размещения отдельных зданий и сооружений, уменьшения земляных работ на 800 тыс. куб. м и железобетонных работ на 14 тыс. куб. м.

Первая стартовая позиция, кроме кислородно-азотного завода и постоянных средств связи старта с пунктами радиоуправления, будет окончательно готова для несения боевого дежурства с ракетой Р-7 в ноябре — первой половине декабря 1959 года, то есть с опозданием около 2–2,5 месяцев против установленного срока.

Основными причинами этой задержки являются:

— опоздание с поставкой на 2–2,5 месяца специального и технологического оборудования и недопоставкой до настоящего времени оборудования для кислородного завода;

— многочисленные переделки, вносившиеся в

готовое оборудование в связи с изменениями, выявляемыми в продолжающейся до настоящего времени летной отработки ракеты Р-7 на НИИП-5 МО;

— большая сложность и новизна всего комплекса оборудования и в особенности системы радиоуправления;

— строительство и монтаж пунктов радиоуправления в труднодоступной местности;

— неудовлетворительное материально-техническое обеспечение строительства некоторыми материалами и оборудованием, в частности, до сих пор не поставлены теплоизоляционные материалы для кислородного завода и хранилищ — микропоры 1800 куб. м, пеностекла 1100 куб. м.

По второй стартовой позиции

Основные строительные работы по стартовому сооружению закончены. Заканчивается строительство других сооружений стартовой позиции. Ведется монтаж стартовой системы и другого технологического оборудования на старте, в монтажно-испытательном корпусе, в хранилищах топлива и перекиси водорода.

Пункты радиоуправления второй стартовой позиции размещаются: на территории Вологодской и Архангельской областей в 200–400 км от железной дороги.

Строительные работы на этих пунктах находятся в начальной стадии. Аппаратура системы радиоуправления для зеркальных пунктов изготовлена и находится на расстоянии соответственно 200 км и 400 км от места размещения пунктов. Доставка аппаратуры на место монтажа по воде в настоящее время невозможна из-за ледостава на р. Пинега, который наступил раньше обычного срока на 1,5 месяца, и отсутствия дорог по сухопутью. В летне-осенний период текущего года эта доставка была невозможной из-за мелководья р. Пинега. Аппаратура для главного пункта будет готова для отправки на пункт в конце ноября с. г.

В данное время Министерство обороны в срочном порядке прорабатывает вопрос о доставке аппаратуры, смонтированной на автомобильных прицепах, на пункты управления по зимнему пути, в связи с тем, что доставка по воде может быть осуществлена не ранее мая 1960 г.

Строительно-монтажные работы по второй стартовой позиции будут завершены в назначенный срок — декабрь

1959 г., за исключением пунктов системы радиоуправления, постоянной ВЧ и радиосвязи и кислородно-азотного завода. Для окончания монтажа этого завода и хранилищ отсутствует мипора в количестве 1800 куб. м, пеностекло 1700 куб. м и не полностью поставлено оборудование.

Личный состав войсковой части, сформированной для боевой эксплуатации второй стартовой позиции, проходит обучение на НИИП-5 МО. Подготовка этой части и ее передислокация на объект «Ангара» будет завершена в декабре текущего года.

Вторая стартовая позиция будет готова для проведения боевых пусков ракеты Р-7 в декабре 1959 г. — январе 1960 г., при этом боевые пуски до завершения строительства пунктов радиоуправления и кислородно-азотного завода могут обеспечиваться:

— системой радиоуправления первой стартовой позиции при поочередных пусках с первого и второго стартов. В случае необходимости залповой стрельбы с обоих стартов пуск ракеты со второй стартовой позиции может производиться с помощью только автономной системы управления полетом ракеты, при этом точность стрельбы несколько понизится;

— с использованием приспособленных войсковых средств радиосвязи;

— жидким кислородом за счет заводов-поездов и частичного подвоза с заводов промышленности.

Таким образом, первая стартовая позиция объекта «Ангара» будет готова для несения боевого дежурства одновременно с окончанием летной отработки ракеты Р-7, т. е. к концу 1959 года.

Вторая стартовая позиция будет готова для несения боевого дежурства при условии использования пунктов радиоуправления первого старта или стрельбы ракетами Р-7 с использованием только автономной системы управления, в январе 1960 года.

Министерством обороны приняты необходимые меры к полному окончанию строительства объекта «Ангара» и вводу его в эксплуатацию в кратчайшие сроки.

Для выполнения этого просим обязать Госплан СССР выделить фонды, а промышленность поставить на строительство 3600 куб. м мипоры, 2800 куб. м пеностекла, мостовые краны с микроскоростями — 4 шт.

и с ручным приводом — 3 шт., недопоставленное технологическое оборудование для кислородных заводов и хранилищ, 40 км кабеля дальней связи и 27 км силового кабеля с медной жилой.

Р. Малиновский, М. Неделин, А. Шебунин».

Весной 1959 года на объекте побывали заместитель председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов, министр обороны, Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, заместитель министра обороны А. А. Гречко, заместитель министра обороны по строительству генерал-полковник А. И. Шебунин, председатель Государственного комитета по оборонной технике при Совете Министров СССР К. Н. Руднев и др.

Вот выписал из исторического формуляра части этот факт, а потом по крупицам удалось восстановить, как непросто порой складывалась ситуация в дни приезда таких авторитетных комиссий.

Оказывается, довольно часто на объект приезжали также С. П. Королев, представители других КБ, проектно-строительных институтов МО СССР. И разговоры шли о том, что нужно делать для того, чтобы сдать объекты в строй. Но порой обсуждение назревших вопросов было непредсказуемым.

На одном из совещаний слово берет С. П. Королев. Выступление эмоциональное. Объект в срок не сдадим, да это и понятно при таких подходах к делу! Григорьев распыляет средства. Он строит жилье для офицеров, что проектом пока не предусмотрено.

Григорьев ответил примерно так: «Сергей Павлович, если бы у Вас был сын, то я попросил бы прислать его сюда для прохождения службы. И если через два месяца он не запросился бы в теплый клозет, то я прекратил бы строительство жилья. Люди здесь работают на пределе возможного и заслуживают того, чтобы жить хотя бы в мало-мальски человеческих условиях».

Заместитель министра обороны по строительству генерал-полковник А. И. Шебунин пытается внести разрядку в разгорающийся спор: «Вокруг полно леса. Я вот с сыном съездил в отпуск к родне в Сибирь, и мы за месяц срубили домик».

Григорьев парирует: «Офицеры прибыли на объект не домики рубить, а изучать современную ракетную технику. Поэтому пока я, полковник Григорьев, здесь, — жилье будет строиться!»

Японская пословица гласит: «Торчащий гвоздь забивают». В приведенном случае ударил Д. Ф. Устинов, которому не понравилась строптивость М. Г. Григорьева. Устинов с едкой иронией произнес: «Ну, полковников у нас в армии хоть пруд

пруди».

В зале на несколько мгновений повисла тяжелая тишина. Да и обсуждение после этого пошло как-то вяло, без прежнего энтузиазма. Присутствующие понимали, что Григорьев прав на все сто процентов. Но Д. Ф. Устинов, «сталинский нарком», знал, что всегда можно пренебречь интересами людей. Так он был воспитан и суровой обстановкой войны, и многолетней работой с «отцом народов». Он привык к тому, что, если поставлена задача, она должна быть выполнена любой ценой, невзирая ни на какие трудности. Люди здесь были делом второстепенным. Это уже был стиль работы и поведения.

Правоту Григорьева понимал и С. П. Королев. Но он сам только набрал силу как Генеральный конструктор, и очевидно, что уж очень хотелось отрапортовать дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву о постановке на боевое дежурство первых межконтинентальных ракет его, Королева, конструкции.

А ведь чуть больше года тому назад, выступая на сентябрьском (1957 года) пленуме ЦК КПСС, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский говорил: «Как воспитывался наш командный состав… за последние годы? Я не видел волевого командира, не видел командира, способного отстоять свою гордость, свою самостоятельность, командира, который мог бы доказать и пробовал доказать, что он прав, заставил бы выслушать его. В большинстве случаев все сводилось к тому, что даже на крупных тактических учениях, на занятиях командиры занимали позицию угодничества.

Я был на крупном оперативном учении, где командиры, даже командующие армией, смотрели в глаза старшему начальнику и старались угадать его мысли, чтобы не ошибиться. Стоит только почувствовать, что не в тон сказал, что мнение вышестоящего расходится с его мнением, немедленно становится во фронт: так точно, я именно так и думал, немедленно исправлю и т. д.».

К. К. Рокоссовский говорил правильные слова, но вся беда в том, что в нашей армии от правильных слов до надлежащих действий всегда «дистанция огромного размера». Я вижу несомненную заслугу Михаила Григорьевича в том, что он никогда не становился во фронт, не угодничал, не юлил и не хитрил, а всегда отстаивал справедливость и свою точку зрения, если был уверен в своей правоте. В этом причина и нелестных характеристик, и попреков в неуживчивости и излишнем самомнении.

Справедливости ради, надо отметить, что международная обстановка в то время конечно же не располагала к благодушию. Ведь по-прежнему Америка оставалась для нас недосягаемой, в то

время как вокруг СССР все теснее сжималось кольцо военных баз США и их союзников, и территория страны становилась все более уязвимой как для авиации вероятного противника, так и для ракет средней дальности, которые интенсивно размещались в Италии, Турции и других странах Западной Европы.

Все же тот выпад Д. Ф. Устинова Михаил Григорьевич переживал очень тяжело. Его сын Олег помнит этот день. Был уже час ночи, а отца все не было. Мать попросила Олега сбегать и узнать, где он хоть находится. По дороге в штаб он увидел на бетонной дороге, уходящей в лес, две фигуры. Медленно вышагивал по бетонке высоченный заместитель министра обороны А. А. Гречко, а рядом, стараясь попасть в шаг, шел отец. Мальчик постеснялся подойти, но уже значительно позже отец пересказал суть разговора. А. А. Гречко подробно расспрашивал его о положении дел на стройке, вникал во все детали, а в заключение сказал Григорьеву: «Ты не переживай, Михаил Григорьевич. Лично я всегда поддержу тебя, потому что вижу, как нелегко дается эта стройка. А на слова Устинова вообще не обращай внимания. Полковников у нас действительно немерено… — Помолчал и добавил: — Григорьевых мало!»

При строительстве объекта «Ангара» приходилось решать массу самых различных задач, и во всей деятельности Григорьева в этот период просматривается по-настоящему государственный подход к порученному делу.

Один из примеров. Время на подготовку ракеты Р-7А к пуску (в монтажно-испытательном корпусе — 21 час, на стартовой позиции — 12 часов 30 минут) было велико и не отвечало современным требованиям. В составе боевого расчета при подготовке и проведении пуска участвовало одновременно до 280 человек. Конечно, такая подготовка к пуску не могла никого удовлетворить. По предложению командира соединения во всех частях прошли собрания личного состава, на которых каждому было предложено подумать над тем, как можно сократить временные нормативы подготовки ракеты к пуску. В течение месяца поступило около тысячи предложений. Их подавали все — и офицеры, и сержанты, и солдаты. Комиссия под руководством заместителя командира по вооружению полковника Б. Г. Ханина тщательно рассматривала эти предложения, отбирала наиболее ценные и оформляла их должным образом.

Представителям промышленности было предложено провести на ракетном комплексе около 400 доработок, выполнение которых давало значительный эффект. Например, время на подготовку ракеты в монтажно-испытательном корпусе было сокращено до 14 часов, на стартовой позиции — до 9 часов. Д. Ф.

Устинов дал указание предприятиям промышленности и конструкторским бюро проработать все эти вопросы. В результате большинство предложений было принято, что обеспечило повышение боевой готовности ракетных войск в целом.

Одновременно был разработан график подготовки боевого ракетного комплекса к повторному пуску в течение 5 часов. Боевой ракетный комплекс стал способен проводить не три пуска в течение 10 суток, как это определялось тактико-техническими требованиями, а два пуска в сутки. Это подтвердилось 16 июля 1961 года последовательным проведением двух пусков ракет в течение суток с одной пусковой установки боевым расчетом 42-й БСС на 5-м НИИП МО. Оба пуска были проведены с оценкой «отлично». Полученный опыт имел огромное значение для повышения боевой готовности РВСН и был использован при постановке на боевое дежурство других ракетных частей.

В феврале 1959 года объекту «Ангара» было присвоено условное наименование «3-й учебный артиллерийский полигон» во избежание раскрытия истинного предназначения воинской части. Для поддержания этой легенды прикрытия в штат отдельного батальона охраны была введена смешанная артиллерийская батарея в составе двух огневых взводов и взвода управления, которые регулярно проводили учения со стрельбой как на территории соединения, так и за его пределами. Через органы власти Плесецкого района жители оповещались об опасности пребывания в закрытых зонах. Это позволяло соблюдать до определенного времени режим секретности. До определенного времени, потому что, когда начали проводить пуски ракет непосредственно с позиционных районов объекта, трудно стало кого-либо обмануть в истинном предназначении полигона.

Этот прием, взятый на вооружение и в других местах, особенно густонаселенных, такого эффекта уже не приносил. Когда полным ходом пошло формирование ракетных соединений в 1959–1963 годах, тоже придумывались различные легенды прикрытия. В дивизии привозили то гаубицы, которые затем не производили ни одного выстрела, то самолеты, которые стояли на видном месте, но никогда не взлетали и т. п.

Соблюдение режима секретности, вопросы бдительности стали постоянной головной болью командования объекта «Ангара». Были курьезные случаи. Так, во время работ по вводу в строй второго ракетного комплекса для ракеты Р-7 впервые проводилась проверка возможности выполнения полного цикла работ с ракетой в условиях светомаскировки. В каждом подвижном и стационарном агрегате комплекса

предусматривались и устанавливались средства светомаскировочного освещения, включая индивидуальные средства — светильники, закрепляемые на головном уборе номера расчета. Эти работы проводились в соответствии с тактико-техническими требованиями на комплексе и были предусмотрены программой отладочных испытаний. Выбиралась, по данным синоптиков, самая темная ночь с низкой облачностью. Подключались все светомаскировочные средства. Весь цикл работ по доставке, установке, обслуживанию ракеты на старте был выполнен без замечаний, хотя, в силу отсутствия опыта у расчетов по работе в ночное время, в нормативы не уложились.

Вид старта во время испытаний был поистине фантастическим. На всех высотных отметках — на ферме и в кабине обслуживания — номера расчетов с индивидуальными светильниками перемещались в условиях полной темноты. Но вместе с тем эта картинка (контуры ракеты и старта) спроецировалась и обозначилась на нижнем облаке и была видна за несколько десятков километров. Служба режима запаниковала. В дальнейшем все работы на старте проводились при обычной освещенности.

Вопросы маскировки и позже отнимали много сил и нервов у руководства соединением. В начале 60-х уже было ясно, что вместе с развитием ракетно-ядерного оружия будут постоянно совершенствоваться и методы разведывательной работы противника. Только недавно был сбит американский самолет-разведчик на Урале, и никто не мог дать гарантий, что подобное нарушение воздушного пространства СССР не повторится. Поэтому вопросам маскировки объектов с воздуха уже с первых дней строительства уделялось первостепенное внимание. Военный строитель полковник А. Л. Власов вспоминает, что, например, в период строительства первого старта посадка бетонного узла менялась дважды, так как поляна, на которой размещались цеха, якобы демаскировала площадку. Переместить бетонный узел на приличное расстояние от старта в период, когда полным ходом идут работы и график этих работ должен выполняться неукоснительно, — дело поистине героическое.

Легко сказать — замаскировать объект. Это не танк и не грузовая машина. Монтажно-испытательный корпус (МИК), например, имел высоту более 30 метров, а длину в пять раз большую. МИКи раскрашивали под жилые здания. Стоит себе «небольшой домик», а вокруг тайга. Особенно тяжело пришлось с маскировкой железнодорожных путей и бетонных дорог. Григорьев часто возмущался, протестовал, но указания сверху поступали регулярно. Железнодорожные пути маскировали

ящиками с высаженными в них кустами. На крышах объектов тоже располагали такие насаждения. Когда стало понятно, как много сил и времени забирает подобная маскировка, создали штатную маскировочную роту численностью около 80 человек. Именно личный состав этой роты постоянно таскал тяжеленные ящики на железнодорожное полотно и снимал их перед учениями или комплексными занятиями.

Сложнее было с маскировкой нескольких десятков километров бетонных дорог. К решению этой задачи пришлось привлекать уже тысячи военнослужащих. Какой-то умник в Москве (конкретнее, в 4-м НИИ МО) додумался до «простого решения» — бетонные дороги выложить дерном. Соответствующее указание за подписью заместителя начальника Главного штаба РВСН А, С. Буцкого пришло и в Плесецк. Михаил Григорьевич опять «побушевал», но задачу выполнять было все же необходимо. На станции выпросили дополнительные железнодорожные платформы и ежедневно до полутора тысяч военнослужащих выходили на заготовку дерна, который срезали лопатами, грузили на платформы, подвозили к определенному участку и укладывали на полотно дороги. Наконец титаническая работа была завершена. Григорьев вместе с начальником инженерной службы соединения сел в самолет (уже была своя эскадрилья с тремя старенькими Ли-2) и осмотрел с воздуха результаты этой работы. Ровные, хорошо очерченные дороги из дерна просматривались как на ладони. Григорьев опять возмутился: «Только дурак может поверить в то, что дерн «самостоятельно расположился» в столь четкой геометрии!» Осенью пошли дожди. Тяжелые тягачи и заправщики намертво садились в раскисшем дерне, буксовали на бетонках. Срывались занятия, а о том, чтобы уложиться в нормативы, пришлось забыть. Григорьев вызвал начальника инженерной службы и приказал в кратчайшие сроки очистить дороги бульдозерами, что и было незамедлительно сделано.

На этом, конечно, эпопея с маскировкой не завершилась. Бетонные площадки и дороги позже раскрашивали масляными красками в разные цвета. Процесс был простым — ехала машина с бочками, в определенных местах на бетонку выливалось энное количество краски того или иного цвета, а идущие за машиной солдаты швабрами размазывали краску по бетонке. То есть из бетонной дороги делали большое камуфляжное полотно. Маскировочные сети, которыми надо было закрыть почти все объекты старта, тоже отнимали много сил. Но такое было время.

С учетом того, что на вооружение Советской Армии поступило стратегическое ракетно-ядерное оружие, на базе

соединения в 1961–1962 годах был проведен ряд учений. На учения приезжали представители Министерства обороны, Генерального штаба. Приезжали уже с готовыми рекомендациями, которые рождались вдали от ракетных комплексов, в московских кабинетах. На одном из разборов учений генерал-майор М. Г. Григорьев сказал: «Здесь сидят семь генералов из Генерального штаба Вооруженных Сил. Я прошу вас передать вашим начальникам, что в вопросах ракетно-ядерного оружия, основах его боевого применения вы значительно отстали от нас. У нас есть уже кое-какие мысли и наработки. Поэтому принятие каких-либо скоропалительных решений сверху нежелательно. Приезжайте, но без готовых, к тому же ничем не обоснованных требований и рекомендаций, будем вместе учиться, искать ответы на все вопросы ракетно-ядерного оснащения Вооруженных Сил». В этом весь М. Г. Григорьев — честный, прямой, не идущий против совести ни в одном принципиальном вопросе.

При строительстве и формировании соединения проявились лучшие качества М. Г. Григорьева как командира и человека.

Когда из-за необычайно сложных условий жизни и быта среди офицеров частей начало зреть недовольство, Михаил Григорьевич использовал все свои командирские, ораторские, педагогические способности, выступал в каждой части, убеждал, просил, требовал.

Бывший начальник штаба одной из частей полковник Малеванный вспоминал: «Зимой, при 25-градусном морозе в летней лагерной палатке были собраны офицеры части. Клапаны шапок опущены, воротники подняты, на руках рукавицы. В палатку входит М. Г. Григорьев и командир части полковник Н. И. Тарасов. Оба без шинелей и головных уборов, в парадной форме со всеми боевыми наградами, подтянутые, хорошо выбритые, сильные духом. Михаил Григорьевич произносит короткую пламенную речь. Она настолько эмоциональна, патриотична и аргументированна, что уже через пять минут офицеры принимают достойный внешний вид, а в конце собрания — решение заклеймить позором нытиков и немедленно включиться в выполнение поставленных перед частью задач».

Вначале я хотел привести этот случай как командирский прием, пример высокого педагогического мастерства. Но убедился в том, что это была прежде всего жизненная позиция М. Г. Григорьева — в любых случаях служить для подчиненных примером и образцом.

В книге В. Букрина и Н. Прокопенко «Космодром Плесецк» встретился с аналогичной ситуацией. Случилось ЧП. В результате

несогласованных действий двух расчетов при сливе компонентов топлива был смят бак горючего центрального блока учебной ракеты. С большими трудностями поврежденный блок сдали на завод-изготовитель для устранения поломки. Авторы, ссылаясь на воспоминания ветеранов, далее пишут: «Подобные случаи ни тогда, ни после не оставались без соответствующего анализа и разборки. Разбор первого случая проводили, естественно, и первые лица. В часть прибыл командир соединения (М. Г. Григорьев. — *Авт.*) и приказал собрать весь офицерский состав в только что построенном здании клуба. Мороз, едкий запах высыхающей краски, удручающее настроение — «загубили ракету» — все это мрачной тучей висело в зале. Из уст говорящих шепотом офицеров валил устойчивый парок, когда в зале появилась группа людей в сопровождении командира. У присутствующих добавилось мурашек на спине — вошедшие, в отличие от них, были без шинелей, шапок и перчаток. Это было не пижонством, а величайшей требовательностью к себе, что на время еще более увеличило дистанцию между руководством и залом. Но зажигательная речь первого командира «Ангары», судя по тому, что народ начал потихоньку раздеваться, согрела и тронула всех. Говорил он о пока существующих объективных трудностях и недостатках. Как следует пропесочил виновников нарушения технологической дисциплины, привел несколько положительных примеров. Короче, вместо ожидаемого разноса, офицеры почувствовали себя людьми, о которых помнят и заботятся».

Еще случай. Ракетные части укомплектовывались офицерским составом практически из всех видов Вооруженных Сил. Учитывая значимость объекта, сюда, в Плесецк, прибыла большая часть выпускников Ростовского высшего инженерного училища, которое к тому времени уже полным ходом готовило специалистов-ракетчиков. Но прибывали и офицеры из авиационных, артиллерийских частей, которые до этого и не слыхивали о новом оружии. Особенно тяжело адаптировались в ракетных войсках, и в частности в Плесецке, моряки, которых в пополнении была значительная часть. Представить себе это можно легко. Человек поступал в училище с мечтой о море, о дальних походах, а по окончании получал назначение в тайгу, где, кроме болота и комаров да начавшегося строительства стартов, ничего не было. Жили в казармах. Бунтовали. Категорически отказывались менять форму одежды. Рассказывают, что один из офицеров-моряков утро начинал с подъема в казарме военно-морского флага. Каждый день на стол командира ложились рапорта от выпускников высших военно-

морских училищ с просьбами или вернуть их на флот, или уволить.

В конце концов группа моряков, воодушевившись после изрядной доли спиртного, набедокурила. Подгулявшие офицеры попытались попасть в клуб на демонстрацию кинофильма и то ли взломали, то ли пытались взломать дверь в клуб от обиды, что их не допускали к «важнейшему из искусств».

На следующий день их вызвали к командиру. Зная крутой нрав М. Г. Григорьева, провинившиеся с напускной бодростью рассуждали по дороге о том, что их ожидает. Все складывалось даже к лучшему — может, уволят.

Зашли в кабинет Григорьева. Он усадил приглашенных и повел задушевную беседу. Рассказал немного о своем боевом пути, о том, почему сам согласился приехать на столь трудный участок службы, поинтересовался, как налажен в суровых условиях быт офицеров, что можно сделать для улучшения питания. А затем распрощался со всеми за руку, извинившись, что у него так мало времени.

Ай да Михаил Григорьевич! Вот это и есть педагогическое мастерство командира. Ни словом не обмолвился о вчерашнем происшествии, ни одного упрека не услышали от него провинившиеся. Они вышли, постояли молча. Наконец кто-то в сердцах вымолвил: «Уж лучше бы выматерил как следует!» И разошлись по местам службы.

Кстати, спустя годы один из участников тех событий стал генералом, командовал ракетным соединением, другой стал доктором наук, профессором военно-морской академии. Нашли свое место в армии и в РВСН другие офицеры.

Мысленно представляю себе, как сложилась бы их судьба, если бы, например, М. Г. Григорьев посадил всю компанию на гауптвахту, а какой-либо другой ретивый командир поспешил написать каждому в аттестации что-то типа: «Склонен к пьянству и дебошу».

При всей своей занятости Михаил Григорьевич успевал вести еще и большую общественную работу. Был делегатом XXII съезда КПСС от Архангельской партийной организации. По возвращении со съезда как-то собрал офицеров соединения и безо всяких бумажек более двух часов рассказывал о своих впечатлениях от съезда, о встречах с видными людьми. Зал слушал не шелохнувшись. Многим показалось, что говорил он всего минут тридцать.

Григорьев поддерживал тесную связь с первым секретарем Архангельского обкома КПСС С. П. Логиновым, и тот оказывал реальную помощь в решении очень многих вопросов, особенно

связанных с жизнью и бытом личного состава, семей военнослужащих. А бытовых вопросов возникало немало, и уйти от них было невозможно.

Людям в таких суровых условиях конечно же хотелось как можно скорее наладить свой быт. Порог командира обивали посетители с самыми разными просьбами и предложениями. Требовали открыть музыкальную школу для детей. Школу, хотя несколько классов трудно назвать полноценной музыкальной школой, открыли уже в 1959 году.

В 1960 году в городке начала работу и общеобразовательная средняя школа. Осенью старшеклассников на несколько дней отправили в соседний район на уборку картофеля. Пошли сильные дожди. Автобусы не могли пробиться к месту работы школьников, чтобы вывезти их домой. Первыми тревогу забили учителя. Решено было идти к Григорьеву и напомнить ему о том, что дети находятся в экстремальной ситуации. При этом все почему-то были уверены, что при своей занятости Михаил Григорьевич наверняка не знает о происшедшем. На другой день, ранним утром, директор школы уже стояла возле его кабинета. Дверь была приоткрыта, и она услышала, как Михаил Григорьевич «воспитывает» начальника тыла и начальника автомобильной службы. Если опустить недипломатические выражения, то разговор был очень коротким и жестким: «Вы — бездушные люди! Там наши с вами дети! Даю вам сроку до обеда, задействуйте любую технику — тягачи, бульдозеры, что хотите, и чтобы сегодня дети были дома!»

Директор школы постояла молча возле двери, а затем ушла, так как стало ясно, что ее визит уже лишний.

Несмотря на огромную занятость, связанную с делами строительными, с формированием и обучением новых частей, Григорьевым был заведен незыблемый порядок — каждую субботу он со своими заместителями обходил строящийся жилой городок, встречался с семьями военнослужащих, оперативно решал массу бытовых вопросов.

Ветераны Мирного вспоминают, что во время своих обходов Григорьев «воевал» со строителями за каждое зеленое насаждение. На очередной планерке он предупреждал, чтобы не было срублено ни одного «лишнего» дерева. Городок должен утопать в зелени — здесь жить семьям офицеров, и жить долго.

Позже генерал-полковник Г. Н. Малиновский написал в своей книге «Записки ракетчика»: «В облике Мирного я всегда чувствовал заботливую руку Михаила Григорьевича Григорьева, чей ум, энергия и воля как первого начальника этого хозяйства позволили оптимально спроектировать большой комплекс

полигона на многие годы».

Период службы Михаила Григорьевича во главе Северного полигона, потребовавший от него максимальной отдачи сил и одновременно яркого проявления таланта, является, пожалуй, наиболее славной страницей его послевоенной жизни. Он оставил там частицу своего сердца. Впоследствии генералу Григорьеву заслуженно было присвоено звание «Почетный житель города Мирного».

Аттестация, написанная начальником штаба генерал-лейтенантом М. А. Никольским 8 декабря 1959 года и утвержденная заместителем министра обороны Союза ССР по специальному вооружению и реактивной технике главным маршалом артиллерии М. И. Неделиным:

> «Генерал-майор артиллерии тов. Григорьев М. Г., командуя войсковой частью 13991 с 1957 года, проделал большую работу по формированию и подготовке частей, входящих в состав войсковой части 13991, а также по планированию строительства, контролю за ним и приему его от строительных организаций.
>
> В довольно трудных условиях расположения и размещения частей сумел сформировать и подготовить их в назначенные сроки, а также обеспечить необходимые условия для жизни и учебы.
>
> Лично генерал-майор артиллерии Григорьев М. Г. имеет хорошую общую и военную подготовку и опыт Великой Отечественной войны. Много работает над изучением новой специальной техники и ее применением. Обладает организаторскими способностями и волевыми качествами.
>
> Дисциплинирован, требователен, принципиален и настойчив.
>
> Иногда проявляет чрезмерное упрямство.
>
> В работе самостоятелен и инициативен.
>
> Пользуется заслуженным авторитетом у подчиненных и начальников».

В 1962 году генерал-майор Григорьев был назначен первым заместителем командующего Винницкой ракетной армией.

Из приказа Главнокомандующего Ракетными войсками Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова «О поощрении генерал-майора артиллерии М. Г. Григорьева»:

> «Генерал-майор Григорьев, находясь на должности начальника 3-го учебного артиллерийского полигона с

июля 1957 по май 1962 г., проделал большую работу по формированию частей и подразделений полигона, строительству и вводу в строй объекта. В исключительно трудных условиях умело организовал боевую подготовку частей, освоение новой сложной техники и своевременную постановку их на боевое дежурство.

Части полигона обеспечили высокую боевую готовность и выполнение поставленных перед ними задач.

Товарищ Григорьев является волевым инициативным генералом, отлично знающим боевую технику и ее применение.

Приказом министра обороны назначен первым заместителем командующего 43-й ракетной армией.

За примерную организацию боевой подготовки, успешное освоение новой техники и своевременную постановку частей полигона на боевое дежурство приказываю:

Генерал-майору артиллерии Григорьеву Михаилу Григорьевичу объявить благодарность и наградить охотничьим ружьем "Хенель"».

Накануне отъезда к новому месту службы Михаил Григорьевич собрал в клубе офицеров управления с женами. И хотя уезжал на повышение, был грустным — наверное, вспомнил, сколько труда и энергии пришлось вложить в строительство стартов и постановку частей на боевое дежурство. Говорил тоже не очень много. Прощальное выступление длилось всего минут десять. Но вложил в него Михаил Григорьевич столько души, что плакали все до единой женщины, присутствующие в зале, да и офицеры как-то по особенному хмурились, пытаясь скрыть чувство сожаления по поводу отъезда командира, с которым в эти годы так много было пережито.

Вечером в офицерской столовой состоялись проводы. Участники застолья, во всяком случае те, с кем мне удалось встретиться, вспомнили, что по этому поводу офицеры, как это принято в нашей среде, сбросились по 10–15 рублей.

Если бы я написал, что все, кто окружал Михаила Григорьевича, безоговорочно признавали его авторитет и высокие человеческие качества, то погрешил бы против истины. После отъезда Григорьева в Москву полетела анонимка о том, что свои проводы он организовал за счет средств полигона. Я не удивляюсь этому, гораздо большее удивление у меня вызвал бы тот факт, что такой кляузы не поступило. Вроде бы приезжала

даже комиссия из Главного штаба, чтобы проверить «сигнал». К сожалению, в архивах никаких упоминаний об этом нет.

Но вот что достоверно. Вспоминает А. П. Завалишин, испытатель космодрома Байконур: «У М. Г. Григорьева было правило, которого я практически не замечал у других руководителей. Так, например, когда послепусковой банкет устраивало испытательное управление, то по его окончании он обязательно расплачивался и заставлял руководство космодрома следовать его примеру, что многим не нравилось».

Вот обещал ни с кем не сравнивать Михаила Григорьевича. Да и некоторые товарищи мне говорили: «А зачем сравнивать — тогда было другое время». Не согласен. Какое другое время? Разве бывает время, когда можно забыть об элементарной порядочности? Разве может быть время, когда не ценятся талант, профессионализм и высокие человеческие качества? Или они оцениваются в разное время по-разному?

И потом, если не сравнивать Михаила Григорьевича ни с кем, то получится очередная «икона» и непосвященный читатель будет мучительно думать — а зачем эта книга? Ведь все военачальники-ракетчики были такими же. И это будет неправдой. Таких, как Григорьев, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Поэтому-то я вспомнил, как уходил с того же Мирного в начале 90-х годов другой командир — генерал-лейтенант И. И. Олейник. Я участвовал в работе комиссии Главного штаба РВСН, которая была направлена на полигон с целью разобраться в возникшей ситуации. Мы уже знали, что накануне нашего прилета в городе Мирный, на площади перед горсоветом, состоялся митинг офицеров и жителей гарнизона, в котором приняло участие более двух тысяч человек. Что перед горисполкомом сидит депутат Архангельского областного совета народных депутатов, который объявил голодовку в знак протеста против того, что сотворило командование.

Генерал-лейтенант Олейник встретил нас на аэродроме слегка не в себе, но бодрился. Для начала он сообщил, что ночью кто-то «пульнул» в окно его дома камнем и что он уже во всем разобрался и кого надо привлечет к уголовной ответственности. Как оказалось позже, его самого надо было привлекать, и по многим статьям.

Суть происшедшего состояла в том, что за два дня до подорожания автомашин на Волжский автомобильный завод был направлен пронырливый и разбитной начальник военторга полигона с просьбой выделить вне всяких нарядов и по старой цене 30 автомобилей «для испытателей ракетно-космической техники, которые живут и трудятся в неимоверно суровых

северных условиях». Кто не откликнется на такое? Руководство завода просьбу удовлетворило. А дальше очередники-испытатели остались один на один «с суровыми климатическими условиями». Машины распределялись между командованием полигона, их детьми и родственниками, приближенными к отцу-командиру прапорщиками, которые снабжали стол командования овощами с солдатских теплиц, вкусной северной рыбкой, ягодами и пр. Город взорвался от возмущения. В двух 96-листовых тетрадях, которые лежали на столе перед голодающим депутатом, каждый мог записать все, что он думает о своих руководителях. Точно не помню, но записей было более пятисот, и касались они не только распределения машин.

Закончилось все довольно мирно, как и всегда заканчивалось, — кого-то пожурили, Олейника перевели в Москву с понижением, затем он переметнулся на Украину, где даже получил звание генерал-полковника. Правда, и там он почему-то был спешно уволен.

Так к чему это я? Да к тому, что в отличие от М. Г. Григорьева об Олейнике в городе Мирном никто не плакал, хотя на жизненном пути я много раз убеждался, что для Олейников это не играет совершенно никакой роли.

ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

В мае 1962 года генерал-майор М. Г. Григорьев назначается первым заместителем командующего ракетной армией, управление которой размещалось в городе Виннице. В это время командующий и руководство армии с частью сил и средств выполняли важное правительственное задание непосредственно на Кубе, остальные соединения армии жили в режиме «карибского кризиса», находясь в состоянии повышенной боевой готовности. Григорьев сразу же вник в сложную обстановку и сделал все возможное для обеспечения непрерывного поддержания армейских частей в установленной степени боевой готовности, проявив при этом выдержку и самообладание, хотя порой приходилось нелегко.

51-я ракетная дивизия, которую направили на Кубу, формировалась в основном на базе Винницкой ракетной армии. Когда встал вопрос о комплектовании дивизии средствами связи, долго не думали — жесткие сроки подготовки, давление сверху. Поэтому разукомплектовали почти всю с трудом до этого налаженную связь в армии. Позже Михаил Григорьевич вспоминал, что были ситуации, когда на командира полка приходилось выходить по междугородной связи. Кроме этого использовались всевозможные виды связи других ведомств. При режиме секретности, который тогда существовал, можно себе представить, с какими трудностями все это было сопряжено.

Тем не менее все задачи по постановке и расквартированию новых ракетных дивизий и полков решались в плановом порядке и своевременно. А чтобы представить себе объем этой работы, скажу только, что в 1962–1963 годах на боевое дежурство, с учетом перевооружения на новые комплексы, в той же Винницкой армии чуть ли не еженедельно становился ракетный дивизион или полк.

Из аттестации от 9 января 1963 года на первого заместителя командующего 43-й ракетной армией генерал-майора М. Г. Григорьева:

> «В работе организован, активен, настойчив и требователен. Пользуется заслуженным авторитетом среди подчиненных и прежде всего потому, что сам является примером для них в вопросах отношения к делу, инициативы в работе и трудолюбия.

В должности первого заместителя командующего армией показал себя с положительной стороны, решал прежде всего вопросы повышения технической подготовки личного состава и, особенно, офицеров, а также вопросы повышения боевой готовности.

Умеет построить правильные служебные взаимоотношения с командирами дивизий и членами военного совета армии. В решении принципиальных вопросов имеет свою обоснованную точку зрения.

По характеру вспыльчив и горяч, не всегда сдерживает себя при взаимоотношениях с подчиненными и начальниками. В практической работе недостаточно обращает внимания на строевую подтянутость личного состава, организацию службы войск в строгом соответствии с уставами Вооруженных Сил.

Выводы:

1. Должности первого заместителя командующего армией соответствует.

2. Достоин присвоения звания „генерал-лейтенант“».

Аттестация утверждена Главнокомандующим РВСН Маршалом Советского Союза С. Бирюзовым и первым заместителем министра обороны СССР Маршалом Советского Союза А. А. Гречко.

При всем том хорошем, что отмечено в документе, не могу смириться с выводом, будто аттестуемый «недостаточно обращает внимания на строевую подтянутость личного состава». Это как бы отголосок из аттестации, написанной на Григорьева В. И. Вознюком в 1953 году. Я прослужил в армии три года срочной службы и потом еще 26 лет офицером. Могу понять, как должны бороться за строевую подтянутость командиры отделения, взвода, полка. Но как должен этим заниматься первый заместитель командующего ракетной армией — не понимаю. Ну не его это дело! Видно тот, кто писал аттестацию, не очень четко представлял себе это. Но написанное пером, как говорится, не вырубишь и топором. Думаю, что можно простить Григорьеву этот грех, взятый как бы из воздуха. Достойный человек не тот, у кого нет недостатков, а тот, у кого есть достоинства. Вообще, все недостатки, которые отмечаются в аттестациях на М. Г. Григорьева, всегда как бы взяты из воздуха или высосаны из пальца. Вот надо что-то отрицательное указать, и начинается мучительный поиск — ну что же ему прилепить, для того чтобы аттестация вроде бы претендовала на абсолютную объективность.

В 1963 году М. Г. Григорьев возглавил Государственную

комиссию по испытаниям мощного межконтинентального ракетного комплекса Р-36, главным конструктором которого был академик М. К. Янгель.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что Государственные комиссии были исключительно важным и эффективным инструментом в системе отработки ракетных и космических комплексов. Формировались они из представителей всех участников создания новых образцов: заказчика, проектных организаций, заводов-изготовителей, правительственных инстанций и потребителей. Назначались комиссии правительственными постановлениями или решениями ВПК. Возглавлялись, как правило, достойными, авторитетными, достаточно независимыми специалистами, в основном со стороны заказчика, которые вместе с генеральными и главными конструкторами умело организовывали качественную проверку техники на ее соответствие выданным техническим требованиям и на основе результатов испытаний оформляли заключения о возможности принятия комплексов на вооружение. Даже неполное перечисление имен председателей Госкомиссий показывает, насколько авторитетны они были. Среди них маршалы Н. Д. Яковлев, М. И. Неделин, генералы Г. Н. Малиновский, А. И. Соколов, К. В. Герчик, Ф. П. Тонких, Ю. А. Яшин, В. Л. Иванов, Г. С. Титов и многие другие. Когда решались ключевые крупномасштабные программы, Госкомиссии возглавляли министры К. Н. Руднев, С. А. Афанасьев, О. Д. Бакланов, О. Н. Шишкин. Техническими руководителями Государственных комиссий назначались генеральные и главные конструкторы С. П. Королев, М. К. Янгель, В. Н. Челомей, М. Ф. Решетнев, А. Д. Надирадзе, В. Ф. Уткин, Д. И. Козлов и многие другие.

К. А. Керимов, авторитетнейший из специалистов в области пилотируемых космических полетов, который длительное время возглавлял Госкомиссии, отмечал, что работа председателя отнюдь не почетная должность. Председатель ГК в любой ситуации, выслушав доклады главных конструкторов, технических руководителей и членов комиссий, должен был принять единственно правильное решение. Это огромный труд и высочайшая ответственность.

Один из испытателей полигона Капустин Яр А. Г. Гринь в своих воспоминаниях очень точно определил роль председателя Государственной комиссии по испытаниям ракетного вооружения и техники: «Хотелось бы отметить огромную роль председателя комиссии по испытаниям ракетной техники, будь то государственной или межведомственной… Если этот человек

достаточно компетентен в технических вопросах, эрудирован, принципиально подходит к делу, патриотичен (что тоже немаловажно, в таком случае он смотрит на вещи не с колокольни своей организации, а руководствуется интересами государства), он в состоянии распорядиться данной ему властью и наметить пути решения спорных вопросов. К возникающим техническим проблемам, которые требуют глубокого анализа, авторитетный председатель способен привлечь соответствующие научно-исследовательские организации. Он не допустит «двойной бухгалтерии» выявленных недостатков ни со стороны промышленности вкупе с военной приемкой, ни со стороны испытателей полигона. Такой председатель заинтересован в объективном, независимом мнении испытателей полигона. Естественно, основная роль в выборе и назначении председателя Государственной комиссии принадлежит руководству Министерства обороны, которое прекрасно понимает интересы государства, чтобы обеспечить объективную оценку, пусть иногда нелицеприятную, создание условий для борьбы мнений. С другой стороны, объективность в оценке результатов испытаний позволяла главным и генеральным конструкторам быстрее передавать созданные ими образцы на вооружение, так как приемка этих образцов проходила этапами совместной, согласованной работы промышленности и Министерства обороны».

Григорьев в полной мере отвечал этим требованиям, и время показало, что кандидатура Михаила Григорьевича как нельзя более подходила для руководства испытаниями столь серьезной ракеты, как Р-36.

Вспоминает начальник испытательного управления космодрома А. П. Завалишин: «Ни один из известных мне председателей Государственных комиссий (можно еще считать исключением К. А. Керимова) не готовился так тщательно к проведению комиссии и принятию решения, как Михаил Григорьевич Григорьев. Кроме изучения соответствующих документов, он обязательно накануне заседания Госкомиссии заслушивал состояние дел с личным докладом Главного конструктора (или его технического руководителя), представителя заказчика, испытателей космодрома и обязательно конструкторских организаций и военных представительств при них, в чьих разработках аппаратура имела отказы».

В создании ракеты Р-36 принимали участие конструкторские бюро, возглавляемые В. П. Глушко, В. И. Кузнецовым, М. С. Рязанским, Е. Г. Рудяком, В. П. Петровым, А. С. Абрамовым, А. Г. Иосифьяном, И. И. Ивановым, Н. С. Лидоренко, А. М. Гольцманом

и другими. Эскизный проект был закончен в июне 1963 года. Для ускорения работ 12 января 1964 года вышел приказ ГКОТ «О развертывании работ по ракете Р-36». Ядерные головные части для ракет было поручено разработать ВНИИЭФ (главные конструкторы Е. А. Негин и С. Г. Кочарянц). Некоторые модификации головных частей для Р-36 разрабатывались во ВНИИП (главный конструктор Б. В. Литвинов).

Р-36 относится к МБР второго поколения, это родоначальница отечественных тяжелых боевых ракет. Она предназначалась для поражения важнейших стратегических объектов противника, защищенных средствами противоракетной обороны. Двухступенчатая ракета была выполнена по схеме «тандем» из высокопрочных алюминиевых сплавов. Первая ступень обеспечивала разгон ракеты и состояла из хвостового отсека, двигательной установки и несущих топливных баков горючего и окислителя. Топливные баки наддувались в полете продуктами сгорания основных компонентов и имели устройство для гашения колебаний.

Двигательная установка состояла из шестикамерного маршевого и четырехкамерного рулевого жидкостных ракетных двигателей. Маршевый ЖРД собирался из трех одинаковых двухкамерных блоков, укрепленных на общей раме. Подачу компонентов топлива к камерам сгорания обеспечивали три турбонасосных агрегата, турбины которых раскручивались продуктами сгорания топлива в газогенераторе. Суммарная тяга двигателя у земли составляла 274 тонны. Рулевой ЖРД имел четыре поворотные камеры сгорания с одним общим турбонасосным агрегатом. Камеры устанавливались в «карманах» хвостового отсека.

Вторая ступень обеспечивала разгон до скорости, соответствующей заданной дальности стрельбы. Ее топливные баки несущей конструкции имели совмещенное днище. Размещенная в хвостовом отсеке двигательная установка состояла из двухкамерного маршевого и четырехкамерного рулевого жидкостных ракетных двигателей. Маршевый ЖРД РД-219 по конструкции во многом был аналогичен двигательным блокам первой ступени. Основным отличием было то, что камеры сгорания были рассчитаны на большую степень расширения газа.

Ступени отделялись друг от друга и головной части посредством срабатывания разрывных болтов. Для исключения соударений было предусмотрено торможение отделившейся ступени за счет срабатывания тормозных пороховых двигателей.

Для Р-36 была разработана комбинированная система управления. Автономная инерциальная система обеспечивала

управление ракетой на активном участке траектории и включала в себя автомат стабилизации, автомат дальности, систему СОБ, обеспечивающую одновременную выработку окислителя и горючего из баков, систему разворота ракеты после старта на назначенную цель. Система радиоуправления должна была корректировать движение ракеты в конце активного участка траектории. Однако в процессе летных испытаний стало ясно, что автономная система обеспечивает заданную точность стрельбы — круговое вероятное отклонение (КВО) около 1200 метров — и от радиосистемы отказались. Это позволило значительно снизить финансовые затраты и упростить эксплуатацию ракетного комплекса.

Р-36 оснащалась моноблочной термоядерной головной частью одного из двух типов — легкой и тяжелой. Для преодоления противоракетной обороны противника на ракете устанавливался надежный комплекс специальных средств. Кроме того, имелась система аварийного уничтожения боевого заряда, которая срабатывала при отклонении параметров движения на активном участке траектории сверх допустимых.

Вначале для Р-36 предполагалось создать три варианта стартового комплекса: наземный автоматизированный, шахтный групповой унифицированный (аналог комплекса «Шексна») и шахтный типа ОС. В 1964 году задание было скорректировано и в разработке остался только шахтный комплекс типа ОС. Особое внимание при работе над комплексом обращалось на максимальное упрощение стартовых позиций, которые разрабатывало ЦКБ-34 под руководством опытнейшего конструктора Е. Г. Рудяка. В результате проведенных исследований повысилась их надежность, была исключена из пускового цикла заправка ракет, вводились дистанционный контроль основных параметров и систем в процессе боевого дежурства, подготовки к пуску и дистанционный пуск ракеты. Шахтная пусковая установка типа ОС состояла из оголовка и вертикального ствола с нижней частью шахты. В шахте размещался пусковой стакан с направляющими и газовым отражателем. Пусковой стакан был неповоротный, так как разворот ракеты в заданную плоскость стрельбы по азимуту осуществлялся ее системой управления после выхода из шахтной пусковой установки.

При создании шахты для Р-36 в ЦКБ-34 было найдено много оригинальных решений. Ракета с установленными по бокам бугелями выходила из шахты по направляющим, расположенным внутри контейнера. На высоте 20 метров по команде от системы управления бугеля сбрасывались. Конструкция шахты и ее

элементов, системы обеспечения тем-пературно-влажностного режима были продуманы до мелочей. Для длительного хранения заправленной ракеты в шахте ШПУ имела систему поддержания температуры и влажности воздуха. Для заправки применялись передвижные заправочные средства. Заправка компонентами топлива осуществлялась при постановке ракеты на боевое дежурство.

В связи с необходимостью повышения живучести отечественных МБР шахтного базирования Е. Г. Рудяк предложил создать для Р-36 новую шахтную пусковую установку с защищенностью в пять раз более высокой, чем у существующих к этому времени, за счет создания мощной пружинной амортизации.

Одной из самых сложных стала проблема обеспечения герметичности устанавливаемых на боевое дежурство ракет. На примере Р-36 можно представить объем решаемых при этом вопросов. В. Ф. Уткин, в то время заместитель генерального конструктора, вспоминал, что под компонентами топлива и их парами пять лет должны были находиться 22817 разъемных соединений различных типов — сферических, плоскопрокладочных, замковых и ниппельных. Для гарантированного обеспечения их работоспособности была составлена большая программа исследований и экспериментов с участием таких научно-исследовательских институтов, как ЦНИИмаш, Институт сварки им. Патона, Всесоюзный институт авиационного моторостроения, Всесоюзный институт легких сплавов, Институт прикладной механики Академии наук УССР, заводов ЮМЗ, Куйбышевского им. В. И. Ленина, Запорожсталь, Днепросталь, Никопольского Южнотрубного, Каменск-Уральского металлургического и др.

Для испытаний ракеты на Байконуре, в шести километрах от площадки 43 были построены стартовый комплекс (площадка 67) и пункт радиоуправления (площадка 68). Позже, в течение 1964–1965 годов, на этом полигоне было возведено еще около десяти подобных стартов.

28 сентября 1963 года состоялся первый пуск ракеты на полигоне Байконур, который завершился неудачно.

Обстоятельно о ходе испытаний ракеты вспоминал полковник Г. Л. Смысловских: «В сентябре работы были закончены, начались примерочные испытания с макетом изделия: хранилища заправочных систем заполнялись компонентами топлива из цистерн, которые подавались на площадку по железной дороге. На технической позиции была сформирована команда для испытаний ракеты Р-36, начальником команды был назначен В. А.

Поливанов.

В сентябре 1963 года ракета Р-36 прошла испытания на технической позиции, была вывезена на площадку 67 и установлена на левом старте, проверена, заправлена, начались предстартовые операции.

Пуск первой ракеты Р-36 28 сентября был аварийным, о чем мы очень сожалели. Причиной аварии явились несовершенная конструкция упора контактов подъема ракеты и неправильная конструкция пускового стола.

При пуске, как и положено, запустились четыре рулевых двигателя общей тягой 28 тонн, ракета задрожала и ослабила упор контактов подъема, контакты замкнулись до запуска маршевых двигателей, прошел отбой, но рулевые двигатели работали. При низком пусковом столе между ракетой и нулевой отметкой создалась большая температура, вследствие этого прогорели патрубки подачи горючего в камеры сгорания, ракета стала разрушаться, начался большой пожар.

Вся эта картина наблюдалась из бункера, старт был разрушен, стрела установщика и тележка переломились, площадка была залита остатками ракетного топлива.

На следующий день начались работы по ликвидации последствий аварии. Необходимо было нейтрализовать площадку, убрать остатки топлива, остатки ракеты, вычистить площадку. После разбора аварии начались работы по демонтажу выведенного из строя оборудования. Необходимо было заменить установщик, пусковой стол, транспортно-установочную тележку, кабельную сеть и многие другие элементы стартового оборудования.

Виновником аварии был признан главный конструктор комплекса В. П. Петров, хотя можно было назвать и других. Выяснилось, что пусковой стол высотой 800 мм не обеспечивал отвод струи газов из камер рулевых двигателей. Конструкция упора контакта подъема, взятая с комплекса ракеты Р-16, была непригодна для ракеты Р-36. Все это было учтено, доработано и заново поставлено. Смонтировали пусковой стол новой конструкции, установщик, кабельную сеть, новые пневмо- и гидрокоммуникации, провели грузовые испытания всех систем, комплексные испытания с электрическим макетом.

Старт был готов к приему второй ракеты. Вместо В. П. Петрова, освобожденного от должности, главным конструктором был назначен В. Н. Соловьев. На комплексе работали представители КБ, которыми руководили В. Г. Сергеев, В. Н. Филиппов, А. М. Гольцман, Н. А. Кривошеий. На площадке 67 после восстановления левого старта 3 декабря 1963 года был

произведен второй пуск ракеты Р-36. Пуск прошел успешно.

Третий пуск ракеты 13 декабря был аварийным, ракета сгорела на старте. Причиной аварии было преждевременное прохождение замыкания контакта подъема, маршевые двигатели не запустились. Авария была ликвидирована в сжатые сроки, и уже 16 января 1964 года был произведен четвертый, успешный, пуск ракеты.

В 1964 году была проведена целая серия пусков ракет Р-36. Две пускались на полную дальность по акватории. Пятый, седьмой, восьмой и четырнадцатый пуски были аварийными на траектории из-за выхода из строя рулевых двигателей и неполадок в работе маршевых двигателей. Все остальные пуски в течение года были успешными. 2-я стартовая группа работала с большим напряжением, работы проводились качественно и в срок.

Всего в 1964 году на площадке 67 было проведено 16 пусков ракет Р-36. Одновременно в этот период на площадке 80 был построен групповой шахтный комплекс. Он состоял из трех шахт для трех видов ракет: Р-16, Р-36, УР-200. С этого комплекса 14 января 1965 года произвели пуск первой ракеты Р-36У. Пуск был аварийным, ракета взорвалась в шахте. Причиной аварии были неполадки в работе турбонасосного агрегата двигателя 1-й ступени, разрушился подшипник турбонасосного агрегата.

Первый пуск ракеты Р-36 с одиночного старта площадки 140 был произведен 13 июля 1965 года и прошел успешно. В дальнейшем пуски проводились с площадок 102, 140, 141 и вновь построенных стартов (площадки 103–109, 142). Новый высокозащищенный унифицированный командный пункт (УКП) для управления пусками ракет с одиночных стартов построили на площадке 111. Всего было запущено ракет Р-36 с одиночных стартов: в 1965 году — 14, в 1966 году — 6».

Воспоминания Г. Л. Смысловских дополняет главный конструктор КБ специального машиностроения (КБСМ) В. С. Степанов: «Председатель Государственной комиссии по летно-конструкторским испытаниям (ЛКИ) генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Григорьев задолго до начала испытаний приехал на место и стал подробно входить в курс дела. Часто вызывал меня к себе (я был техническим руководителем стартового комплекса), дотошно расспрашивал по большому кругу вопросов. У нас установились хорошие деловые взаимоотношения. Его спокойная, уверенная манера поведения создавала деловую атмосферу и способствовала достижению положительного результата.

Апофеозом летно-конструкторских испытаний стал показательный залп трех ракет. Он, в принципе, удался, правда,

была маленькая заминка — «отбой» пуска одной из ракет. Подвела незакрепленная по-штатному технологическая цепочка — заскочила за стойку кабель-мачты, и та отвелась.

Министру А. Афанасьеву доложили, что это недосмотр личного состава. Ракету снова привели в исходное состояние, и на другой день она успешно стартовала».

В июле 1965 года на ракете Р-36 начались летные испытания средств преодоления противоракетной обороны системы «Лист».

Несмотря на первоначальные неполадки и отказы, члены Государственной комиссии под руководством генерал-лейтенанта М. Г. Григорьева с самого начала признали ракету перспективной и в конечном успехе не сомневались. Принятая к тому времени система испытаний и отработки ракетного комплекса позволила одновременно с летными испытаниями развернуть серийное производство ракет, технологического оборудования, а также строительство стартовых позиций.

Могучий ракетный гигант был срочно нужен для обороны страны, но одновременно председатель комиссии глубоко понимал необходимость повышенных требований к эксплуатации ракетных комплексов. Безопасность и надежность нельзя понижать ни при каких условиях! М. Г. Григорьев был настойчив и последователен в своих требованиях, в чем находил постоянную поддержку у Главнокомандующего РВСН Н. И. Крылова. В итоге было достигнуто взаимопонимание. Представители конструкторских бюро и промышленности уяснили, что поколебать разумную и опытную деятельность председателя комиссии по приему комплекса, заставить его понизить требовательность — дело безнадежное.

29 мая 1966 года весь цикл испытаний был завершен, а 21 июля 1967 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР ракета Р-36 в баллистическом варианте (8К67) с комплексом средств преодоления ПРО принята на вооружение. В этот же день было принято постановление правительства «О создании космической системы морской разведки в составе ИСЗ УС и ракеты носителя на базе ракеты Р-36».

По тому времени указанный боевой ракетный комплекс обладал уникальными возможностями и значительно превосходил американский аналог. Позже ракета Р-36 непрерывно совершенствовалась: глобальная Р-36 орб, ракета Р-36П с разделяющейся головной частью рассеивающего типа и, наконец, перспективная ракета тяжелого класса с разделяющейся головной частью с индивидуальным наведением боевых блоков на цель — Р-36М.

На базе ракеты Р-36 созданы также ракеты-носители

«Циклон», разработка которых была начата по постановлению Совета Министров СССР от 24 августа 1965 года.

Ракетный комплекс Р-36М2 (15А18М, в зарубежной классификации СС-18, «Сатана»), составляющий главную мощь РВСН, по своим основным характеристикам не имеющий аналогов в практике мирового ракетостроения, поставил последнюю точку в истории холодной войны, во многом способствовал подписанию целого ряда договоров об ограничении стратегических вооружений.

За время трехлетней работы председателем комиссии Михаил Григорьевич, по его личному признанию, обогатился ценнейшим опытом в общении с конструкторами и представителями министерств оборонной промышленности. За успешно проведенную работу большой государственной важности генерал М. Г. Григорьев был удостоен высокого звания лауреата Ленинской премии.

В письме Совету ветеранов 7-й бригады М. Г. Григорьев писал: «Труда для создания нового вида вооружения было вложено много, достаточно сказать, что после войны, в общей сложности, я прожил в землянках и вагонах около девяти лет. Окончил академию Генерального штаба. За проведение испытаний сверхмощного комплекса мне было присвоено звание лауреата Ленинской премии. Одним словом, в целом, за относительно невеликий труд, довольно приличное вознаграждение. Как на духу — я к этому не стремился. Волею судеб и обстоятельств так получилось. Пока есть силы — приложу все для того, чтобы люди были удовлетворены моим трудом… Ракетные войска существуют ради жизни на земле».

В этом письме весь Григорьев. Человек, бесконечно преданный своему делу, готовый пожертвовать личным благополучием для выполнения поставленных задач. Но насколько труднее ему бы пришлось в жизни, если бы не было с ним рядом его семьи, и прежде всего жены, верной спутницы и друга, Веры Геннадьевны.

Была весна 1943 года. Получив непродолжительный отпуск (на пять суток), Михаил Григорьев приехал в город Ковров Владимирской области, где 26 мая 1943 года состоялась очень скромная свадьба. Избранницей молодого офицера стала Верочка Москворецкая. Они познакомились весной 1941 года, когда лейтенант Григорьев, будучи в артиллерийских лагерях, в один из воскресных дней появился на танцах в городском сквере города Коврова. Вера Москворецкая, в то время студентка Ленинградского института иностранных языков, приехала на каникулы к родителям. После свадьбы молодые вместе уходили

на фронт. Больше года жена Григорьева служила связисткой в 7-й гвардейской минометной бригаде, которой командовал ее муж. О ней очень много и тепло рассказывали мне ветераны 7-й гвардейской бригады.

Вера Геннадьевна разделила с мужем все тяготы и невзгоды, которые выпадали на его жизненном пути, и всегда была верным товарищем и другом.

Такие люди, как Михаил Григорьевич конечно же не находка для семьи. Слишком много времени отнимала служба. Рабочий день Григорьева длился 17–18 часов. Кроме этого бесчисленные и длительные командировки. Я подсчитал по книгам приказов, что в иные годы Григорьев находился в командировках около 200 суток в год. И такой режим в течение многих лет. Естественно, что все заботы по дому ложились на плечи Веры Геннадьевны. Подрастали сыновья. А их трое. Накормить, обстирать, собрать в школу.

Жена генерал-майора Б. Г. Ханина, Анна Ефимовна, в разговоре со мной как-то упомянула, что и Михаил Григорьевич, и Вера Геннадьевна очень хотели дочь. Как-то во время обхода жилого городка в Плесецке Михаил Григорьевич увидел симпатичную девчушку лет трех. Он взял ее на руки и беседовал с ней полчаса. А в другой раз пришел и принес девочке огромную куклу. Где посреди тайги он нашел такую куклу, так и осталось загадкой. Но эта незначительная деталь, по-моему, как нельзя лучше характеризует человеческие качества Григорьева. Девочку Григорьевы так и не дождались. Родились три сына.

Если говорить об условиях, в которых жила семья, то могу сказать одно — никогда Григорьев не пользовался своим служебным положением для того, чтобы что-то урвать лично для себя, для дома и близких. Когда он прибыл на должность первого заместителя Главнокомандующего РВСН, ему предложили в Москве огромную пятикомнатную квартиру. Григорьев вместе с женой квартиру осмотрел, а потом заявил: «А зачем нам такие хоромы? Мы и на обстановку денег никогда не заработаем». Поселились они в обычной трехкомнатной квартире. В семье никогда не было лишних денег. Никогда! Когда изредка на квартире у Григорьевых (в Камышине, в Плесецке, в Виннице) собирались друзья, сослуживцы, вечер, как правило, заканчивался игрой в преферанс. Перед началом у Михаила Григорьевича был коронный вопрос: «Так, деньги у всех есть? А теперь поднимите руку те, у кого есть деньги на сберегательной книжке». Этот вопрос, как правило, сопровождался дружным смехом и различными дополнениями и замечаниями. Ни у кого из них денег на сберкнижке не было. Таким было все это поколение.

Не могу сказать, что Михаил Григорьевич при всей своей занятости не занимался воспитанием детей. Но воспитание, по словам сыновей, сводилось в основном к просьбе: «Ребята, вы меня не подводите». А три пацана могли подвести кого угодно. Но выросли, нашли свою дорогу в жизни. После знакомства с ними я уверенно могу сказать, что это не так называемые «звездные» дети. Это наши русские мужики, которые живут достойно. Хотя у каждого из них на жизненном пути были и неурядицы, и нелегкие периоды.

Тем не менее фамилию отца, честь рода Григорьевых они не посрамили и честно выполняли свой долг перед Родиной. Династия Григорьевых прослужила в армии более 120 лет. Какие тут могут быть вопросы?!

Старший сын — Олег Михайлович — полковник. Завершил службу в должности начальника управления эксплуатации космических средств Военно-космических сил.

Средний, Сергей Михайлович, продолжает службу. Он генерал-майор, дежурный генерал на командном пункте Генерального штаба ВС РФ.

Младший, Владимир Михайлович, уволился из Вооруженных Сил майором, но свое место в жизни нашел.

Кроме того, не надо забывать, что Михаил Григорьевич воспитывал детей своим личным примером. Занимался с ними, как и положено отцу, в свободное время, в период отпусков, брал мальчишек на охоту, на рыбалку.

Спрашиваю старшего сына Олега: «А на рыбалку, охоту отец вас брал часто?» Он смеется: «Еще бы, конечно, брал. Меня, когда мы жили в Камышине, солдаты научили плавать в пять лет. Бросят в воду с берега, и я барахтаюсь, как могу. Правда, следили зорко, чтобы я часом не захлебнулся, ответственность все же — сын комбрига. В шесть лет я уже плавал довольно-таки прилично. Отец и стал брать меня на охоту на уток. Дело в том, что у них на весь охотничий коллектив было две собаки. Одна — старая и мудрая, которая наотрез отказывалась плыть за уткой, считая это ниже своего достоинства. Вторая — молодая и бестолковая, которая не понимала, чего от нее хотят. Поэтому я справлялся за них обеих».

Семья Михаила Григорьевича представляла собой крепкий и надежный тыл его жизни, своим фасадом обращенной к служению Отечеству. На переднем же крае были его друзья, те, с кем вместе он ковал ракетный щит нашей Родины.

В ходе испытаний Р-36 М. Г. Григорьев постоянно встречался с Генеральным конструктором ракеты М. К. Янгелем. Служебные отношения довольно быстро переросли в товарищеские. Ирина

Викторовна Стражева, жена М. К. Янгеля, в своей книге «Тюльпаны с космодрома» так пишет о взаимоотношениях генерала и конструктора:

«Мужская дружба связывала их… Та настоящая мужская дружба, что складывается годами и со временем становится все крепче и сильней… Проверенная долгими годами тревожной, бурлящей жизни, радостью удачных пусков и горестями не удававшихся стартов».

Когда М. Г. Григорьеву исполнилось 50 лет (он в это время командовал Винницкой ракетной армией), на торжество был приглашен и Михаил Кузьмич.

Погода была, как говорится, очень нелетная. Вот как вспоминает об этом Ирина Викторовна Стражева: «Янгель пришел к начальнику аэропорта: „Я дал себе „увольнительную“ только на двадцать четыре часа. Дело в том, что завтра Михаилу Григорьевичу, хорошо знакомому вам человеку, пойдет уже пятьдесят первый… И если я сегодня не обниму этого дорогого мне человека, с которым столько лет идем плечом к плечу, если я не обниму его из-за каких-то капризов погоды, то какая тогда цена нашей дружбе?!“

И не дав начальнику аэропорта рассказать о том, какие сложные метеоусловия, поспешил опередить события: „Знаю. Действительно нелетная. Но я уже переговорил с летчиками. Ждут только вашей команды. Говорят, что летали, и не раз, при гораздо худшей видимости“.

Наверное, Михаил Кузьмич приводил еще какие-нибудь доводы, но сопротивление начальника аэропорта, кстати, бывшего фронтовика, было сломлено, и он, тяжело вздохнув, сказал диспетчеру: „Дайте вылет на десять часов. С Янгелем разве можно спорить?“

На другой день, солнечный и ясный, они снова встретились у трапа. Янгель пожал начальнику аэропорта руку, задорно подмигнул и сказал: „Отличный был юбилей! Поднимали, кстати, бокал и за вас — за четкое понимание того, как надо действовать в сложных жизненных ситуациях… Вы знаете, что юбиляр — мой давний друг. Закладывали с ним когда-то основы дружбы разных специалистов. А без этого, тем более у нас, успеха не добьешься. Юбиляр — человек принципиальный, смелый, горячий. Хотя и я, пожалуй, тоже не из прохладных по своей натуре…“»

Кстати, рассказывая о юбилее, Михаил Кузьмич не забыл сказать собеседнику: «Из дальних краев был только я один. Погода-то была там у них совершенно нелетная. Но тамошний начальник оказался не менее отважным человеком, чем вы…» Собеседник только укоризненно взглянул на него — еще шутит!

Вообще все встречи Григорьева с Янгелем приносили обоим огромную пользу. О том, как они проходили, вспоминала И. В. Стражева: «И начинается долгий деловой разговор. Тут и вопросы прочности конструкции, и все те же обтекатели, и капризные рулевые машинки… Минутная стрелка дважды обходит часовой циферблат, а собеседники все не покончат с вопросами «стартовой площадки». Затем переходят к проблемам теплозащиты. А следом на повестку дня станет и традиционное — как снизить вес ракеты?

— Мы в КБ конкурс объявили, — информирует Янгель. — За каждый «срезанный» килограмм — триста рублей премии.

— Можно бы дать и побольше, — упрекает друга в «скупости» Михаил Григорьевич. — Чтобы все как следует потели, стараясь согнать вес, как в боксе. Глядишь, и ракета-носитель уже в другой весовой категории».

Кстати, во время памятной поездки Янгеля на юбилей М. Г. Григорьев, перед тем как сесть за праздничный стол, успел организовать выступление Михаила Кузьмича перед офицерами управления армии, мотивируя это тем, что у большинства это единственная возможность послушать Генерального конструктора МКР, задать вопросы и что у многих из них это останется в памяти на всю жизнь. Так оно и случилось.

Михаил Григорьевич всегда тепло отзывался о совместной работе с Михаилом Кузьмичем Янгелем: «Многие из нас видели в нем человека, способного взять на себя бремя ответственных решений. Я бы сказал, что это особая ответственность. Так, во время Карибского кризиса его МБР Р-16, еще не полностью отработанная на полигоне, заступила на боевое дежурство. Многие тогда сомневались, а он спокойно и уверенно подтвердил ее способность выполнить задачу».

И еще одно суждение, которое часто высказывал М. Г. Григорьев: «Янгель был одним из лидеров среди разработчиков ракетной техники, особенно в то нелегкое, полное тревог время, когда нам нужна была именно его ракета, так как имевшиеся ракетные комплексы уступали ей.

Мы иногда спорили. С ним откровенно можно было говорить об обороне страны, а это ведь не диспут на свободную тему. Если мои доводы были убедительными, он их не отрицал, а искал выход, предлагал решение, позволявшее выполнить задуманное в металле. На наши чисто военные вопросы он почти всегда находил неординарные, конструктивные предложения».

Судьбы их (Янгеля и Григорьева) похожи как две капли воды — нелегкое детство и высокий взлет в большую, яркую, нужную людям жизнь. Даже отзывы о каждом из них тех, кто с ними

работал, почти идентичны.

Подчиненные, смежники, все с кем он трудился, говорили о М. К. Янгеле, что его отличают необычайная работоспособность, умение в нужный момент объединить усилия нескольких громадных организаций для выполнения стоящей задачи, оперативность и смелость в решении любых возникших вопросов, высокая общая и техническая эрудиция, абсолютное доверие к людям при рассмотрении как простых, так и необычайно сложных ситуаций, простота в обращении, доступность каждому, умение разговаривать с людьми, требовательность, высокий профессионализм, спокойствие, уверенность в себе, уважение к своему и чужому достоинству, умение прислушаться к замечаниям и просьбам людей, обаятельность, удивительная интуиция и т. д. Вместе с тем он не очень любил критику, но если она была справедливой, не считал зазорным признать свою неправоту. Не любил проигрывать ни в чем — ни в игре, ни в рыбалке, ни в серьезных делах тем более.

Подчиненные и все, кому довелось работать вместе с М. Г. Григорьевым, так характеризовали его: суров, предельно требователен, но справедлив. Ненавидел лентяев, но хорошо видел работяг, и особенно офицеров с хорошей инженерной подготовкой. Отличался необычайной работоспособностью, взыскательностью к себе, умением слушать и слышать подчиненных, готовностью оказать всемерную поддержку своим ближайшим помощникам, постоянной, непоказной заботой об условиях быта войск и семей офицеров, умением постоять перед старшими начальниками за общие интересы, стремлением докопаться до мелочей в каждом серьезном деле. Не любил проигрывать — ни в стрельбе из личного оружия, во время игры в шахматы, на бильярде, ни на рыбалке, ни на охоте, а особенно, когда решались принципиальные вопросы.

Это далеко не полный набор отзывов о М. Г. Григорьеве, причем отзывов разных людей, высказанных в совершенно свободной обстановке.

Из аттестации на генерал-лейтенанта М. Г. Григорьева от 21 ноября 1965 года:

> «В работе проявляет инициативу и высокое чувство ответственности за порученное дело.
>
> Имеет большой боевой и командный опыт работы.
>
> Обладает хорошим кругозором и мышлением.
>
> Много работает над повышением своих технических знаний. Ракетную технику, состоящую на вооружении, знает хорошо…

С марта 1963 года непрерывно работает Председателем Государственной комиссии по приему новой ракетной техники. При этом проявил исключительное трудолюбие, знание техники и принципиальность в решении поставленных вопросов.

Вывод: Занимаемой должности соответствует. После приобретения большего опыта непосредственного исполнения обязанностей первого заместителя может быть назначен на должность командующего армией».

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский аттестацию утвердил и написал следующий вывод: «Занимаемой должности вполне соответствует. Достоин выдвижения на должность командующего ракетной армией или первого заместителя начальника 12-го ГУМО».

КОМАНДАРМ

В июне 1966 года генерал-лейтенанта М. Г. Григорьева, проявившего исключительную способность успешно руководить большими воинскими коллективами, ракетную эрудицию и оперативно-стратегический кругозор, назначают командующим крупнейшей ракетной армией, имеющей десятки ракетных комплексов различного назначения, размещенных в основном на Украине. Управление армии, как уже упоминалось, находилось в городе Виннице.

Винницкая армия располагалась на территории трех республик — России, Украины, Белоруссии. Места, столь густонаселенные, что порой удивительно: как здесь еще находили территорию для размещения ракетных комплексов?

На вооружении ракетных дивизий были самые различные установки. На вооружении отдельного полка в Крыму, например, — ракеты Р-5М. В других дивизиях — комплексы с ракетами Р-12, Р-12У, Р-14, Р-14У самого различного базирования: подвижные, стационарные, смешанные. Позже, в середине 60-х годов, две дивизии, дислоцирующиеся в городах Первомайске и Хмельницком, начали перевооружаться на межконтинентальные ракеты шахтного базирования.

Бытовало устойчивое мнение, что Украина очень благодатное место для службы. Оказывается, и там можно было найти места, где жизнь порой не уступала по сложности районам Сибири. Пообщайтесь с теми, кому пришлось служить в Белокоровической ракетной дивизии. Места для дислокации полков ухитрились выбрать в самых неудобных районах. Для размещения одного из ракетных полков облюбовали площадку среди болот. Привязались к какой-то дороге, которую строили еще под руководством генерала Д. М. Карбышева накануне войны. Дорога была далеко не шоссейной. Просто в болотистую местность были навалены громадные камни разной конфигурации. Затем их присыпали щебнем. Уже построили стартовые позиции полка, организовали боевое дежурство, а офицеры ежедневно тряслись на службу по изматывающей душу и нервы грунтовке. Вечером тем же путем обратно. Писали жалобы, но все без толку. Нормальную дорогу проложили только через десяток лет.

Было немало и других трудностей, связанных с дислокацией частей. Например, полки и дивизионы ракетной дивизии (со штабом в городе Орджоникидзе) были разбросаны по всему Северному Кавказу — в Дагестане, Северной Осетии, Чечне — и находились друг от друга на расстоянии в несколько сотен

километров, что создавало дополнительные трудности в управлении.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что армия дислоцировалась на территории пяти военных округов — Одесского, Белорусского, Прикарпатского, Киевского, Северо-Кавказского. В этой ситуации командующему армией надо было быть и дипломатом, и просто толковым офицером, чтобы вовремя решать назревшие вопросы. Отношение к ракетчикам со стороны представителей других видов Вооруженных Сил было далеко не однозначным. Им порой было непонятно, почему ракетчикам уделяется так много внимания, почему строят жилье в первую очередь в ракетных гарнизонах, почему округа обязаны их снабжать иногда в ущерб себе. Ведь все вещевое, продовольственное и прочее тыловое снабжение ракетных частей шло через соответствующие службы военных округов. Квартирно-эксплуатационные части ракетных соединений подчинялись также КЭУ округов. Но когда представители округа приезжали в ракетный гарнизон, их сразу ставили в определенные жесткие рамки — туда нельзя, это не по вашей части, туда необходим специальный допуск, который вы никогда не получите. Все это вызывало у соответствующих начальников глухое раздражение, которое находило самые неожиданные выходы.

Так как жалоб по всем видам обеспечения поступало много, то округа оправдывались довольно-таки своеобразно — в донесениях, представлениях на имя министра обороны соответствующие начальники соглашались с имеющимися недостатками, не преминув отметить, что особенно плохо дела с распределением жилья, с решением жилищных проблем обстоят в ракетных гарнизонах, которые находятся на их территории. По отношению к Винницкой армии особенно «изощрялись» представители Прикарпатского военного округа.

Я с интересом ознакомился с несколькими представлениями на имя министра обороны со стороны КЭУ ПрикВО. Ощущение такое, что у округа проблем с жильем не было бы вовсе, если бы не ракетчики. И жилье у ракетчиков распределяется незаконно, и жилой фонд поддерживается в неудовлетворительном состоянии, и жалоб от них поступает больше всего.

У командующего армией был поистине безграничный круг обязанностей. Ежедневно приходилось решать массу всевозможных задач. Это и поддержание ракетных комплексов в постоянной боевой готовности — они очень быстро устаревали морально. Поэтому начиная с конца 60-х на многих ракетных установках с целью продления сроков их эксплуатации начали проводиться ревизии. В этой работе принимали участие

представители десятков министерств и ведомств, сотен НИИ, заводов. Представителей промышленности надо было принять, разместить, обеспечить транспортом, трехразовым питанием, обеспечить фронт работ, строго выдерживать графики снятия и постановки ракетных комплексов на боевое дежурство.

С началом строительства новых точек с межконтинентальными ракетами очень остро встали вопросы отчуждения земель под их размещение. Одно дело решать эти вопросы в условиях пустыни или тайги — и там решения порой принимались на правительственном уровне. Другое дело, когда аналогичные вопросы решаются на территории Одесской, Николаевской, Кировоградской, Винницкой, Хмельницкой областей, где земли плодородные и каждый гектар на учете. За каждый квадратный метр земли шла упорная борьба. Михаил Григорьевич знал всех партийных и государственных руководителей этих областей, многих районов, занимался этими вопросами лично, убеждал, доказывал, и во многом благодаря его высоким человеческим качествам удавалось все недоразумения снимать своевременно и без каких-либо издержек.

Очень много внимания уделял Михаил Григорьевич вопросам боевой подготовки, боевой выучки расчетов. При этом он высоко ценил старание и самоотдачу воинских коллективов ракетных частей, добивался, чтобы ратный труд ракетчиков оценивался по достоинству. Известны примеры, когда командующий не боялся отступить от некоторых положений инструкций, если считал, что это наносит вред делу.

Вот два характерных примера. Первый: инструкторская группа армии ставит неудовлетворительную оценку одному из боевых расчетов стабильно подготовленного полка за превышение установленного норматива выполнения операции, которая в целом не повлияла на общее время подготовки пуска. Командарм на месте создал две независимые группы экспертов, каждая из которых, изучив вопрос, доложила, что боевой расчет своевременно выполнил учебно-боевую задачу. Оценка была изменена.

Второй случай: двигателисты боевого расчета не законтрили в соответствии с инструкцией на ракете Р-12 один из четырех графитированных рулей. Это была типовая неудовлетворительная оценка. Но командарм был другого мнения, хотя все авторитеты согласились с положением инструкции. Михаил Григорьевич, переживая за судьбу расчета и всего полка, ночью дозвонился до главного конструктора ракеты М. К. Янгеля и объяснил ситуацию. Академик твердо заявил, что на точность ракеты это не повлияет, хотя лучше, конечно, выполнять инструкцию. Этот пример —

яркое свидетельство того, что в любых условиях Григорьев глубоким анализом доходил до истины, искал справедливость, чтобы не были обижены рядовые труженики-ракетчики и вместе с тем не страдала боевая готовность.

Грозная ракетная техника сама по себе не могла существовать — она создавалась людьми и ими эксплуатировалась.

В то же время возникла парадоксальная ситуация — вовсю строились ракетные комплексы, а людей как бы и не существовало. В 1963 году в очереди на жилье, а также на улучшение жилищных условий в объединении стояло более 12 тысяч военнослужащих. Кроме того, сюда можно добавить несколько тысяч рабочих и служащих Советской Армии.

Конечно, и в других ракетных объединениях дела обстояли не лучше.

Закончилось все это коллективным письмом офицеров-ракетчиков и их жен Йошкар-Олинской ракетной дивизии на имя Н. С. Хрущева, в котором они писали: «Для всех необходима хотя бы крыша, угол, где можно разместить семью. (Для вещей нам ничего не надо, их у нас нет.) Даже собаке и то требуется конура. Что же имеем мы — офицеры? Мы не имеем ничего. Квартира наша частная за 20–30 рублей в месяц, 6–9 кв. м на семью 3–4 человека. А сколько мы зарабатываем? В среднем 110–130 рублей… В условиях гражданских при наших способностях и подготовке мы имели бы оклад выше армейского…

Разве сейчас нельзя создать нормальные жилищные условия? Разве нельзя повысить наше денежное содержание, учитывая особенности нашей жизни? Разве нельзя упорядочить нашу службу, наш рабочий день? Все это можно». Как это созвучно нынешнему времени!

Письмо дошло по адресу. Командира дивизии и начальника политического отдела примерно наказали. Мотивировка интересная — за то, что не поставили заслон на пути жалобщиков. Письмо-то писали коллективное и подписи собирали почти месяц, а командование об этом не знало.

Посылали прошения и обращения в различные инстанции и офицеры Винницкой ракетной армии. В 1963 году, например, от офицеров поступило 239 рапортов на увольнение из рядов Советской Армии, около 1000 жалоб от членов семей военнослужащих, в основном по вопросам бытовой неустроенности. Поступали письма и в ЦК КПСС. Люди требовали включать в продолжительность рабочего дня время, затрачиваемое на поездки к месту службы и обратно, дополнительных отпусков за переработку. Ведь во многих ракетных частях, вооруженных ракетами средней дальности,

рабочий день с учетом дороги в часть и обратно составлял как минимум 12–13 часов.

В марте 1963 года вышло постановление Президиума ЦК КПСС о состоянии дел в Ракетных войсках. В нем говорилось, что пусковые установки и в целом боевые стартовые комплексы не должны приниматься в эксплуатацию и ставиться на боевое дежурство без жилья и объектов соцкультбыта как для солдат, так и для офицеров и членов их семей.

Только после этого значительно были увеличены ассигнования на обустройство войск и строительство жилья. Только в Винницкой ракетной армии за период с 1963 по 1973 год было построено 235 домов (13841 квартира), 93 казармы, 75 офицерских общежитий, 74 клуба, 158 офицерских и солдатских столовых, 53 спортивных зала. Это как раз в тот период, когда армией командовал Михаил Григорьевич.

Очень остро вставали кадровые вопросы, связанные с нехваткой специалистов-ракетчиков. В 1967 году, например, некомплект офицеров в Винницкой ракетной армии составлял 703 человека, а с учетом предстоящего увольнения офицеров, призванных на два года, — около 900. Поэтому по указаниям сверху велась борьба за сохранение в кадрах каждого человека.

Часто приходится слышать, что существовавшая у нас тоталитарная система была очень жестокой и негуманной. Не оспаривая некоторой доли истины, которая есть в этом утверждении, хочу сказать, что действительность порой перекрывала все возможные представления о гуманности.

В 1969 году после окончания училища я прибыл в ракетный полк Винницкой армии для дальнейшего прохождения службы. Был определен в группу одного из шахтных ракетных дивизионов. Уже через два дня меня назначили дежурным по дивизиону, хотя я толком пока еще не представлял, где что находится. На инструктаже начальник штаба дивизиона предупредил, что дежурным по автопарку заступает лейтенант Б. Оружие ему ни в коем случае не выдавать, особо не церемониться — пусть отправляется сразу в автопарк. Я удивился — в автопарке, как правило, дежурили сверхсрочнослужащие. На мой недоуменный вопрос начальник штаба ответил, что на этот раз толковый сверхсрочник назначен к лейтенанту Б. помощником дежурного.

Позже выяснилось, что Б. в дивизионе уже второй год. Числится на должности командира взвода в роте электротехнических заграждений и минирования. Освоить специальность не в состоянии по причине необыкновенной тупости. Уволить пока невозможно, потому что есть установка сверху — бороться за каждого офицера, воздействовать на него

всеми имеющимися формами, средствами и методами воспитательной работы.

Я потом еще в течение целого года имел возможность наблюдать эту упорную и безуспешную «борьбу за каждого человека». Лейтенант Б. действительно был дебилом по сути своей. Но он лично разговаривал по громкоговорящей связи с Главнокомандующим РВСН Маршалом Советского Союза Н. И. Крыловым. В ходе беседы маршал прямо «намекал», что пора уже взяться за ум и освоить какие-нибудь должностные обязанности. Б. соглашался, но ссылался на то, что детство было трудным, послевоенным, учился он плохо и ему сейчас тоже тяжело. По щекам полководца «скатывалась скупая мужская слеза», и он, отправив лейтенанта «на дальнейшее освоение ратного дела», еще долго распекал командира дивизиона за черствость, равнодушие, слабое оказание помощи молодому офицеру и т. п. Лейтенант Б. приглашался и на заседание военного совета Винницкой армии, где генералы коллективно «боролись за него».

Наконец «черствый и грубый» командир дивизиона, окончательно «озверел» и отправил Б. в окружной госпиталь в город Одессу на обследование к психиатру. Дали сопровождающего — майора. Он привез Б. обратно в часть и долго потом со смехом рассказывал, как проходило обследование. Психиатр задал Б. несколько вопросов. Тот ответил аргументированно, четко, по-военному, но на украинском языке. Затем доктор, постучав по его коленке молотком, поинтересовался, как у Б. обстоят дела с половой жизнью, и, получив ответ, что все в самом лучшем виде, пожал плечами и, завершая обследование, сказал: «Вася, передай, что те, кто тебя сюда послал, сами нуждаются в обследовании».

На другой день после возвращения из Одессы Вася «гоголем» расхаживал перед строем дивизиона и победоносно говорил, что уж теперь он этому придире — командиру дивизиона — покажет, где раки зимуют. «Мне в госпитале дали справку, что я не дурак!» Его все-таки уволили через полгода, даже не знаю с какой формулировкой, и вполне может быть, что в запасе он даже дорос до старшего офицера.

Да и позже многократно приходилось наблюдать, как возились с отпетыми бездельниками, алкоголиками и прочим сбродом, ссылаясь при этом на то, что они тоже люди и у них семьи. Что будет с семьей, если мы его уволим? Надо додержать его хоть до малой пенсии.

Зато сотни толковых, грамотных, порядочных офицеров добросовестно выполняли воинский долг, жертвовали во имя службы интересами семьи, усердно по ночам конспектировали в

трех тетрадях «бессмертные» доклады руководства страны и Вооруженных Сил на различных съездах, пленумах и т. п. И не дай бог возразить что-либо, усомниться в правильности этой линии — расправлялись быстро, держали всю службу в черном теле, не выдвигали на вышестоящую должность, задерживали очередное воинское звание и лепили в аттестациях ярлыки на всю жизнь. Зачем? А чтобы не высовывался!

РВСН, как и все Вооруженные Силы, переживали и другие сложные моменты. Вдруг было объявлено о необходимости «омоложения кадров». Взялись за это дело серьезно и обстоятельно. И, конечно, не без примеси глупости. Установили для всех должностей жесткий возрастной ценз, нарушить который было позволено только в условиях крайней необходимости. Не знаю, что подразумевало это требование. То ли надо было военачальникам срочно продвинуть своих чад и протеже различного рода, то ли… Но исполнялось все очень тщательно и неразумно.

Думаю, что командующему армией М. Г. Григорьеву, который ценил людей прежде всего по их деловым качествам, самоотдаче в работе, порядочности, была не по душе, нелегко давалась такая «кропотливая» и ненужная работа по воспитанию бездельников и безответственных людей.

Я специально перечитал протоколы заседаний военного совета Винницкой армии в годы командования Михаила Григорьевича, особенно обращая внимание на те заседания, на которых рассматривались вопросы работы с офицерским составом.

16 мая 1967 года М. Г. Григорьев выступает на военном совете армии с докладом «О мерах по улучшению работы с офицерскими кадрами». «Надо смелее выдвигать на должность командиров частей и подразделений перспективных офицеров, взяв при этом за критерий не молодость, а хорошую инженерную и командирскую подготовку, — отметил командарм. — Если офицер хорошо знает ракетную технику, умело воспитывает и обучает подчиненных, сам является образцом дисциплинированности, то ни у кого не должно возникать сомнений при назначении такого офицера на вышестоящую должность. Если это хороший инженер, то всеми силами надо помочь ему приобрести командирские навыки в работе, а если толковый командир, то — в приобретении прочных инженерных знаний. К сожалению, мы упускаем из виду именно эту сторону — подготовку командиров, их селекцию, выращивание».

Далее в выступлении приводится несколько конкретных примеров, из чего можно сделать вывод, что Михаил Григорьевич

понимал проблему очень правильно и судил обо всем не понаслышке. Об этом свидетельствуют и обсуждения на военном совете вопросов кадрового размещения офицеров, отправки их на учебу в академии и т. п.

Из выступления командующего армией на другом заседании военного совета, рассматривавшего стиль работы руководящего состава в войсках:

«Не надо хитрить и юлить. Если офицер не справляется со своими должностными обязанностями и вы видите, что он не на своем месте, доложите правдиво — не надо ничего придумывать. Возможно, человеку еще рано работать в этой должности, давайте поможем ему найти что-либо более подходящее в соответствии с его способностями. Но дело не должно страдать.

С другой стороны, давайте будем учиться работать грамотно и конкретно. Видите, что командир, любой офицер старается, но в чем-то еще недорабатывает — помогите ему. Мы ведь нередко работаем в таком ключе — приезжаем в часть, вскрываем недостатки, фиксируем их, и на этом работа заканчивается. Через год — та же картина. Это формальный подход. Нашли недостатки — помогайте устранять их словом и делом».

Как видно из этих примеров, подходы к кадровой проблеме у Григорьева были зрелые и верные.

Поражает дотошность, с какой Михаил Григорьевич как командующий вникал во все стороны подготовки и жизнедеятельности ракетчиков. Когда читаешь воспоминания тех, кому довелось с ним служить, создается впечатление, что для этого человека не существовало неразрешимых проблем, неясных вопросов.

Вот как вспоминает о М. Григорьеве полковник Ф. Л. Устюжанинов: «Я очень уважал его не только как командующего, генерал-полковника, но и как человека, обладающего смелостью мышления, прекрасной логикой, четкостью аргументации, великолепной эрудицией и отменным чувством юмора. Меня покоряла в этом человеке способность мыслить оперативно, конструктивно, быстро находить правильное решение и в то же время глубоко, философски анализировать ту или иную проблему. Я знал, что он ведет особую тетрадь (в черной обложке), где записывает наблюдения, обобщения, выводы, словом, — мысли. Сам, имея к этому склонность, я очень хотел увидеть хоть краем глаза эту тетрадь.

И уж, конечно, я был однажды изумлен его технической эрудицией на уровне крупного ученого, причем знанием не только стоящей на вооружении наших войск техники, но и образцов технической оснащенности, как тогда говорили, нашего

вероятного противника.

А было это так. Командарм прибыл в ремонтно-техническую базу, которой я в то время командовал, и, оставив за воротами локальной зоны свою свиту, обошел со мной хранилище головных частей ракет, сборочный зал, комнаты-лаборатории, рабочие места и боевые посты. Везде шли занятия согласно расписанию. Расчеты проводили тренинг на учебных головных частях и тренажерах. Я знал, что командарм будет у меня, и, естественно, сделал все возможное, чтобы занятия шли не только четко, но и эффектно. Надо сказать, что для большинства вышестоящих начальников головная часть ракеты и все, что с ней связано, было, как говорят, «темным лесом». И чем выше стоял проверяющий (исключая специалистов из соответствующих ведомств и отделов, конечно), тем чаще я при посещении ограничивался в пояснениях популярной литературой, чуть ли не учебником физики для средней школы. Это происходило отнюдь не из-за неуважения к проверяющему, скорее наоборот, мне хотелось, чтобы начальник получил удовлетворение от понимания, скажем, схемы, процесса, устройства, принципа действия того, что в глубине души, возможно, считает для себя недостаточно изученным и тем не менее вынужден выступать в роли проверяющего.

Так и на этот раз. Когда мы с командармом вошли в хранилище головных частей, а затем в «святая святых» — комнату за массивной сейфовой дверью, в которой хранились узлы, дающие радиоактивный фон в комнате выше допустимой дозы, я в доступной форме пояснил ситуацию. Мне показалось, что я объяснял, видимо, недостаточно доходчиво, поскольку генерал-полковник не испугался радиации и вышел из комнаты только тогда, когда тщательно проверил все многочисленные пломбы на упаковках, сверил стеллажные ярлыки и пересчитал все узлы.

Уже в сборочном зале, когда командарм на несколько минут остановился возле раскрытой учебной головной части, на которой проводил занятия расчет, я вновь пояснил детали операции, проводимой в настоящее время тем или иным номером расчета, особенно подробно растолковывая — почему именно данный специалист так обращается с этой деталью или узлом и что будет, если он сделает иначе, т. е. не выполнит обусловленные меры безопасности. Потом мы зашли в учебный класс. Там я увлекся и чуть ли не учительским тоном стал объяснять устройство и назначение отдельных узлов головной части, в частности, это были инициирующие устройства, проще — взрыватели.

В общей сложности генерал-полковник Григорьев, мой командарм, провел в расположении позиции подразделения без

малого два часа. Когда я понял, что посещение командующим моего подразделения практически закончилось и вроде бы все прошло гладко, он вдруг пригласил меня снова зайти в учебный класс головных частей. Там он сказал мне: «Садись. И послушай теперь, что расскажу тебе я».

В течение тридцати минут мне, считавшемуся подготовленным специалистом не только в масштабе части, дивизии, но и в рамках учебного центра по переподготовке кадров, была прочитана лекция по устройству головной части ракеты и ее узлов, их назначении и эксплуатации, включая элементы теории ядерной физики.

«Лекция» состояла приблизительно из таких фраз: «А этот взрыватель мы поставили после того, как одна из головных частей при испытаниях попала в болото и не взорвалась». «То, что ты убираешь часовых при появлении головной части на площадке — правильно. Мы расстреляли девять головных частей из автоматов. Ни одна не взорвалась. Хотели было в документации указать, что головная часть не боится прострела из стрелкового оружия, как десятая рванула».

Я все эти полчаса сидел и слушал, сгорая от стыда. Для меня это был урок на всю жизнь».

Когда я читал эту историю, мне вдруг вспомнилась другая ситуация. Нидерландский гроссмейстер международного класса, пятый чемпион мира по шахматам М. Эйве как-то ехал в поезде. К нему пристал попутчик и назойливо уговаривал его сыграть в шахматы, не подозревая, что перед ним чемпион мира. Чтобы отвязаться от попутчика, Эйве согласился и в течение получаса выиграл подряд три партии. Потом отказался играть дальше, сославшись на усталость. Попутчик долго пытался осмыслить происшедшее и наконец вымолвил: «Но ведь этого не может быть в принципе. Я просто не мог так проиграть». — «Это почему же?» — поинтересовался гроссмейстер. Ответ был неожиданным: «Я — чемпион завода. Меня все называют "Эйве нашего завода"».

Кропотливая работа командующего армией, его заместителей генералов В. Н. Тарасюка, И. Е. Богданова, Б. Л. Осю-кова, Б. Г. Ханина, а также командиров дивизий генералов К. М. Воробьева, А. Т. Краснощека, Н. С. Никифорова, С. А. Бондаренко, Н. В. Лапшина, большинства командиров частей принесла заслуженные успехи. В 1967 году возглавляемая генералом М. Г. Григорьевым Винницкая ракетная армия по результатам проверки комиссии министра обороны получила хорошую оценку и была отмечена в приказе как лучшая в Вооруженных Силах СССР. В Винницкой ракетной армии Михаил Григорьевич стал военачальником оперативно-стратегического масштаба, способным руководить

одной из крупнейших группировок Ракетных войск. Он вырос в высокоэрудированного военного и государственного деятеля, глубоко и всесторонне оценивающего военно-политическую обстановку, принимающего оптимальные крупномасштабные решения и твердо претворяющего их в жизнь. Занимая ответственную должность, Григорьев умело преодолевал возникавшие трудности, создавал в работе отношения раскованности и творчества, глубоко и досконально изучал любой вопрос, стремился решать его с оптимальной пользой.

Два года тому назад на одной из военно-научных конференций рядом со мной сидел высокий седовласый человек. Мы познакомились. Это был советник Министерства иностранных дел Василий Николаевич Таратута. В конце 60-х он работал первым секретарем Винницкого обкома партии. Выяснив, что наша группа из Ракетных войск стратегического назначения, он очень оживился: «Ну как же, я сам несколько лет был членом военного совета Винницкой ракетной армии». Мы разговорились, и, когда я упомянул фамилию Григорьева, собеседник оживился: «С Михаилом Григорьевичем я был знаком очень долгое время. Государственного масштаба был человек».

Вспоминает генерал-полковник А. Д. Мелёхин, сменивший М. Г. Григорьева на посту командующего армией: «В апреле 1968 года я был назначен на должность командующего объединением. К новому месту службы на Украину я прилетел 8 мая 1968 года. Встретили меня генерал-полковник М. Г. Григорьев, назначенный первым заместителем Главнокомандующего Ракетными войсками, и член военного совета армии генерал-лейтенант И. Е. Богданов. В первую очередь я был представлен руководству области. После возложения венков в честь Дня Победы собрали офицерский состав и представили меня. Затем мы с генералом М. Г. Григорьевым доложили главкому, и я вступил в должность командующего объединением.

Я отдавал себе отчет в том, что начинать командовать лучшим объединением всегда ответственнее, чем отстающим, тем более до меня были такие опытные командующие, как генералы А. Г. Шевцов, М. Г. Григорьев, ставшие затем моими начальниками. В этих условиях нужно было отдавать все силы, знания и способности, чтобы оправдать оказанное мне доверие. Этого принципа я и придерживался до конца своей службы.

Впечатление об объединении осталось хорошее, о чем я и доложил Главнокомандующему — Маршалу Советского Союза Н. И. Крылову».

ДРУГИЕ ЗАДАЧИ, ДРУГИЕ МАСШТАБЫ

В апреле 1968 года генерал-полковник М. Г. Григорьев как один из самых авторитетных и опытных руководителей назначается первым заместителем Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения Маршала Советского Союза Н. И. Крылова. В круг его новых обязанностей входили важнейшие вопросы деятельности войск и прежде всего поддержание их высокой боевой готовности, развитие новых образцов ракетно-космической техники. Как показало время, М. Г. Григорьев успешно справился и с этими ответственными задачами, хотя вхождение в должность первого заместителя главкома было для него достаточно сложным.

Генерал-полковник Г. Н. Малиновский вспоминает: «В этот же период получил назначение на должность первого заместителя главкома Михаил Григорьевич Григорьев. Мы с ним были давно знакомы и уважали друг друга. На первых порах ему после командования армией казалось, что новая работа не столь уж напряженная. Мы откровенно обменивались своими мнениями.

В личных беседах со мной он не скрывал определенных особенностей этой должности, неудовлетворенности многими ограничениями, свойственными положению заместителя, и, соответственно, результатами своей деятельности. Однако в своей практической работе стремился быть предельно активным и взыскательным к нам — заместителям Главнокомандующего, начальникам управлений и служб. Это был переходный период, нужно было время, чтобы им «переболеть».

В этом Михаилу Григорьевичу часто помогало внимание Главнокомандующего Маршала Советского Союза Н. И. Крылова, который подчеркнуто считался с его мнением в решении многих проблем, стоящих перед РВСН».

Прошло немного времени, и Михаил Григорьевич нашел свое место в аппарате Главнокомандующего и активно включился в работу. Оказалось, что круг обязанностей довольно обширный и требует постоянного напряжения духовных и физических сил.

В должности первого заместителя Главнокомандующего РВСН особо четко проявлялись основные качества Григорьева: высокий профессионализм, честность, справедливость, добропорядочность, отеческая забота о подчиненных, вера в них и дело, которому он отдавался полностью, простота и доступность в общении.

На период, когда Михаил Григорьевич был первым заместителем Главнокомандующего РВСН, приходится расцвет Ракетных войск. Именно в эти годы группировка РВСН включала около 40 ракетных соединений, 3 мощных испытательных полигона, а кроме того, ряд арсеналов, ремонтных заводов, около десятка высших военных учебных заведений.

М. Г. Григорьев постоянно находился в фокусе важнейших событий и дел, чувствовал пульс войск. В выполнении своих широких функциональных обязанностей стремился с полным охватом подходить к решению каждой задачи и никогда не делил их на главные и второстепенные. Особое место занимала работа в войсках, каждый выезд тщательно готовился.

Одной из сильных сторон характера Михаила Григорьевича было постоянное стремление учиться. Для него не имело значения, кто в данный момент может его учить. Учителем мог быть и грамотный солдат, и академик. Важно было то, что этот человек был квалифицированным в новом для Григорьева вопросе. В освоении нового ему помогала также тонкая наблюдательность.

Вспоминает полковник Г. В. Дядин: «После прихода генерала Григорьева первым заместителем Главнокомандующего РВСН мне очень часто приходилось выезжать на комплексные проверки войсковых частей в составе комиссий, возглавляемых Михаилом Григорьевичем. Он обязательно посылал меня в войсковые части, когда проводились учебно-боевые пуски с боевых позиций полков. Как правило, такие поездки были плодотворными для всех. Только один пример. На ракеты Р-12 и Р-14 конструкторским бюро были разработаны целых семь графиков для проведения пусков ракет из различных степеней боевой готовности. Это было очень неудобно для номеров боевых расчетов. Порой приходилось пользоваться одновременно двумя, а то и тремя графиками. Моим отделом был разработан единый график переводов и пусков из различных степеней готовности. Для облегчения работы боевых номеров в графике операции переводов были синего цвета, а пуска — красного. Когда этот график показали генерал-полковнику Григорьеву, он сразу же оценил его достоинства и помог в кратчайшие сроки издать его и довести до частей. Это дало значительный эффект, позволило сократить временные нормативы и значительно облегчить труд номеров боевых расчетов.

Михаил Григорьевич очень уважал инициативных офицеров, имеющих хорошую инженерную подготовку. Сам лично при изучении каждой новой ракеты пытался докопаться до каждой мелочи, был очень трудолюбивым и своим примером

воодушевлял подчиненных. Он неоднократно говорил нам, что такой подход давал очень высокие результаты в период Великой Отечественной войны».

Не менее результативной была деятельность М. Г. Григорьева по совершенствованию управления войсками с запасных командных пунктов. Со всей ответственностью он руководил работой целого ряда комиссий, решавших сложные, разноплановые вопросы деятельности Ракетных войск.

Соединения и подразделения РВСН дислоцировались практически по всей территории страны — от Прибалтики и до Камчатки, от районов Средней Азии до районов Крайнего Севера. В случае проведения министром обороны учений, командно-штабных тренировок ракетчики привлекались к ним в обязательном порядке.

Вспоминает генерал-майор П. П. Пузик: «Конструкторское бюро под руководством главного конструктора А. Д. Надирадзе создало новый самоходный ракетный комплекс, оснащенный твердотопливной ракетой ТР-1, способной доставить заряд на дальность свыше 1000 км. Несмотря на то что данная ракета относилась к классу ракет оперативного назначения, формирование полков с такими ракетными комплексами было поручено Ракетным войскам стратегического назначения на базе частей РСД. Было сформировано несколько таких полков. Используя возможности комплекса, его высокую готовность, маневренность и проходимость, нами была выработана система боевого дежурства такими полками не на одной, а на 6–7 позициях, что значительно повышало их живучесть. Перемещение полка с одной позиции на другую производилось по определенному, регулярно меняющемуся графику. Для практической проверки такой системы мы разработали опытное учение с выходом полка в позиционный район, развертыванием его в боевой порядок, отработкой подготовки и пуска ракет, смены позиций и управления полком. Руководителем учения был назначен первый заместитель Главнокомандующего генерал-полковник М. Г. Григорьев, возглавлять штаб руководства поручалось мне. Учение планировалось провести на территории Казахстана. Получив указания генерал-полковника М. Г. Григорьева, я с группой офицеров вылетел для рекогносцировки района учения севернее города Сарыозека. Учение мы провели по плану в полном объеме, прохронометрировав все операции, там же подготовили отчет и сделали разбор. В последующем на основании полученных данных был разработан проект «Наставления по боевому применению ракетных полков, вооруженных ракетами ТР-1» и произведен выбор позиционных

районов для ракетных полков такого типа. По решению Генерального штаба эти полки и вся документация были переданы в состав Сухопутных войск».

Яркими воспоминаниями об участии М. Г. Григорьева в учениях поделился и полковник в отставке Н. К. Монахов: «В феврале 1971 года министр обороны СССР проводил учение «Центр». Руководство стратегическим учением «Центр» размещалось в городе Львове. Нашу оперативную группу возглавлял первый заместитель Главнокомандующего генерал-полковник М. Г. Григорьев. Работать под руководством Михаила Григорьевича было ответственно и трудно. Будучи опытнейшим ракетчиком, в прошлом командиром одной из инженерных бригад РВГК, пройдя все командные ступени, обладая глубокими разносторонними знаниями, он не прощал даже малейшей неточности. На этом учении М. Г. Григорьев готовился доложить министру обороны Маршалу Советского Союза А. А. Гречко график подготовки к пуску ракет, находящихся на вооружении Ракетных войск. Считали каждую секунду. Я всю ночь перед докладом уточнял по каждой системе время достижения ракетой после старта безопасной от воздействия противника высоты. Доклад министру обороны, как всегда, прозвучал четко и обоснованно.

Я также помогал М. Г. Григорьеву во время одного из его выступлений в Военной академии Генерального штаба перед руководящим составом Министерства обороны самого высокого ранга. Помню, в перерыве ко мне подошли два командующих военными округами, уточнили прохождение службы М. Г. Григорьевым и сказали, что ракетчики должны гордиться тем, что у них такой первый заместитель Главнокомандующего. Еще их очень поразило известие, что М. Г. Григорьев является лауреатом Ленинской премии. По тому времени для командующих округами это был трудно объяснимый факт. Когда получали эту премию ученые, деятели искусства, писатели — это было понятно. Но чтобы лауреатом стал боевой генерал?»

Михаил Григорьевич возглавлял работу над боевыми уставами РВСН, подкомиссию от РВСН по уставам Вооруженных Сил СССР.

Вспоминает полковник Н. И. Мельков: «В первой половине семидесятых годов в Министерстве обороны проводилась активная работа по переработке общевоинских уставов Вооруженных Сил СССР. Председателем комиссии по рассмотрению проектов уставов министр обороны назначил Главнокомандующего Сухопутными войсками генерала армии И. Г. Павловского. Штаб Ракетных войск, в том числе и отдел

службы войск, в этой работе принимал самое непосредственное участие. В Ракетных войсках председателем подкомиссии был назначен генерал-полковник М. Г. Григорьев, а рабочим органом был определен, естественно, отдел службы войск, который и готовил все предложения по содержанию новых проектов уставов. Кроме того, нам было поручено разработать новую статью в Устав внутренней службы по организации и проведению парково-хозяйственного дня в войсках. Наши предложения по этой статье прошли без изменений. Заседания комиссии по рассмотрению одного из уставов проводились один раз в неделю, на них разгорались жаркие споры по содержанию многих статей проектов уставов. Каждый вид Вооруженных Сил отстаивал свою точку зрения.

30 июня 1975 года общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР были утверждены Президиумом Верховного Совета СССР и вступили в действие».

С первых же дней пребывания в должности первого заместителя Главнокомандующего РВСН Михаил Григорьевич самое серьезное внимание уделил вопросам военно-исторической работы. К тому времени РВСН как вид Вооруженных Сил уже просуществовали более 10 лет, а ни одной серьезной работы по истории войск, истории создания ракетно-ядерного оружия не было. Работая над обобщением опыта применения артиллерии в Великой Отечественной войне, Григорьев убедился в том, что даже спустя несколько лет после события уже трудно восстановить его в деталях. Поэтому при самой активной поддержке главнокомандующих РВСН Н. И. Крылова, а затем и В. Ф. Толубко он лично возглавил эту работу. Сохранился приказ Главнокомандующего РВСН Маршала Советского Союза Н. И. Крылова от 11 сентября 1971 года:

«В 1970 году разработан военно-исторический труд «Ракетный щит Родины». За активное участие в подготовке труда к изданию объявить благодарность и наградить денежной премией».

Далее перечислены участники, а в конце списка рукой Главнокомандующего дописан М. Г. Григорьев.

В 1979 году Михаил Григорьевич в соавторстве с группой товарищей опубликовал популярную книгу о ракетчиках (она так и названа — «Ракетчики»). Книга правдиво, широко и конкретно показывает историю развития ракетного оружия и войск в нашей стране. Многие ее страницы посвящены героике боев и памяти воинов-ракетчиков, павших в Великой Отечественной войне и после нее. Сделана первая попытка в доступной форме рассказать о службе стратегических ракетчиков. Воспитательное значение

этой работы особенно актуально в наши дни. Глубоко зная РВСН, Григорьев как руководитель авторского коллектива внес большой вклад в создание содержательного военно-исторического труда, посвященного самому могущественному виду Вооруженных Сил, службе которому он посвятил свою жизнь. Книга вышла тиражом в 100 тысяч экземпляров и способствовала повышению престижа Ракетных войск стратегического назначения. Мне доводилось слышать откровения некоторых офицеров о том, что в профессию они пришли после того, как прочли «Ракетчиков».

Вспоминает генерал-лейтенант В. М. Рюмкин, в то время председатель Научно-технического комитета РВСН:

> «Меня он просил прочитать рукопись и отметить, что пока нельзя публиковать. После этого рукопись сильно похудела. Храню экземпляр книги с дарственной надписью М. Г. Григорьева от 1 июня 1979 года: „Писать пока можно правду, только правду, но не всю правду…“»
>
> После этого началась работа над секретным фундаментальным трудом объемом более 40 печатных листов — «Ракетные войска стратегического назначения». Кстати, он и поныне широко используется в РВСН.
>
> Вспоминает полковник И. П. Терехов: «Об этом труде, и не столько о нем, сколько о некоторых его создателях, хочется вспомнить особо. Трехтомник разрабатывался в течение пяти лет. В подготовке первоначальных материалов были задействованы Главный штаб и все центральные управления и службы, объединения, полигоны и вузы.
>
> По-разному относились к этой работе. Иногда приходили совершенно неприемлемые материалы. Большинство же задействованных организаций отнеслись к этому добросовестно. Добротные материалы поступили из Главного управления ракетного вооружения, Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского, с полигонов. Помню, как генерал Ю. А. Яшин, начальник полигона Плесецк, в дополнение к рукописному материалу привез весьма содержательные фотографии.
>
> Руководил работой первый заместитель Главнокомандующего РВСН генерал-полковник М. Г. Григорьев. Мне хочется вспомнить о Михаиле Григорьевиче как об умелом руководителе авторского коллектива, в котором формально числилось много

людей, а фактически работали четверо: М. Г. Григорьев, полковники Г. Н. Астапенко, Н. Я. Лысухин и автор этих строк.

Генерал Григорьев, помимо того что сам был живой историей Ракетных войск, еще отличался особым трудолюбием и исключительной требовательностью к подчиненным.

На своем веку мне довелось общаться и с научными руководителями, и с начальниками, желающими «участвовать» в научной работе, но такого, как Григорьев, не встречал. Сам он не писал ни строчки, но без него книга не состоялась бы. Никаких научных регалий Григорьев не имел, но это был настоящий научный руководитель.

В те времена была учреждена неофициальная должность — дежурный главком, назначаемый из числа заместителей официального главнокомандующего, который дежурил по выходным и праздничным дням. Когда заступал М. Г. Григорьев, то непременно звонил и приглашал: «Я тут ночку поработаю, а ты завтра, в воскресенье утром приходи, потолкуем».

Материал он тщательно изучал по главам и по каждой из них делал подробные замечания и предложения (для учета в последующей работе).

Когда тираж первого тома был уже готов, я принес сигнальный экземпляр на подпись М. Г. Григорьеву. Обычно сигнальные экземпляры подписывают не глядя. Но генерал сказал:

— Оставь дня на два, я еще внимательно почитаю.

Но на другой день раздался звонок с коротким словом: «Зайди». По тону я понял, что случилось что-то неладное.

Чувствуя недоброе, пришел. Он молча протягивает мне раскрытый труд с известным портретом Л. И. Брежнева в маршальской форме. В те времена было негласным правилом помещать в любом солидном труде портрет руководителей партии, государства и Вооруженных Сил и, конечно, приводить к месту и не к месту гениальные мысли из написанных для них выступлений и книг.

Ничего не понимая, вопросительно смотрю на М. Г. Григорьева.

— Почитай подпись под фотографией.

Читаю: «Председатель Государственного Комитета

Обороны, Генеральный секретарь ЦК КПСС…» и проч. и проч.

— Есть разве у нас такой комитет?

— Нет, — отвечаю.

— Тут еще кое-какие шероховатости, особенно в подписях. Разберись и доложи свои предложения.

Стал разбираться. Оказывается, полковник В. И. Перейма поручил отредактировать подписи под рисунками (а труд был богато иллюстрирован) новому работнику отдела, только что закончившему службу в Управлении боевой подготовки, полковнику запаса П. В. Цветкову, у которого не было совершенно опыта такой работы.

— Что будем делать? — при очередном моем посещении спросил Михаил Григорьевич. — С такими перлами пускать труд на волю не годится.

Посоветовались с В. И. Переймой. В результате весь готовый тираж пришлось уничтожить и издавать первый том заново, внося соответствующие поправки в готовый набор».

Михаил Григорьевич никогда не отмалчивался на заседаниях военного совета Ракетных войск. Его суждения по рассматриваемым вопросам всегда были результатом внимательного изучения состояния дел. Его принципиальность была примером для участников мероприятий Главнокомандующего. С присущим ему едким юмором он умел показать, к чему может привести беспринципность в военном деле. По самому широкому кругу вопросов шли люди к М. Г. Григорьеву, шли, зная, что формального рассмотрения их забот не будет, он сделает все, что в его силах, окажет помощь советом и делом. Михаил Григорьевич всегда держал данное им слово, энергично поддерживал все прогрессивные начинания и передовые идеи.

Как первый заместитель Главнокомандующего Михаил Григорьевич постоянно держал под контролем деятельность Научно-технического комитета (НТК) РВСН, присутствовал на всех его заседаниях, где решались принципиальные вопросы, связанные с новой ракетной техникой.

Так, например, 12 апреля 1972 года на заседании НТК рассматривался вопрос о дальнейшем совершенствовании унифицированных командных пунктов (УКП) контейнерного типа. Докладывали председатель НТК генерал-майор А. С. Калашников и заместитель начальника 4-го НИИ по научной

работе генерал-майор М. И. Емелин. В конечном итоге из двух вариантов выбрали шахтный командный пункт контейнерного типа, разработанный ЦКБ тяжелого машиностроения (главный конструктор Н. А. Кривошеий). Выступает генерал-полковник М. Г. Григорьев: «1. Основное: устранить недостатки УКП, выявленные макетной комиссией и др.

2. Искать пути уменьшения габаритов аппаратуры.

3. Нужно всегда думать о людях, о боевых расчетах, их размещение должно быть хорошим, на этом мы должны жестко настаивать.

УКП сейчас наиболее отсталый элемент в отработке позиционного района. Поэтому надо ставить вопрос перед ВПК и ЦК, чтобы исправить это положение.

УКП — основа боеготовности. Нужно всем коллективам навалиться на него и в кратчайшие сроки доработать. Необходимо смотреть в перспективу, но рассматривать эту перспективу прежде всего исходя из реальных возможностей. Нужно от промышленности взять все, но опять же только исходя из реальных возможностей».

При этом Григорьев особо настаивал на том, чтобы офицер на командном пункте чувствовал себя как можно комфортнее — ведь он был трое-четверо суток поставлен в довольно-таки экстремальные условия. Офицер на КП должен иметь удобную одежду, удобную обувь — не в сапогах же ему находиться под землей на глубине в несколько десятков метров. Это была его твердая позиция, и он сделал все, чтобы воплотить задуманное в жизнь.

Забегая вперед, скажу, что не все военачальники, особенно из других видов Вооруженных Сил, правильно понимали специфику боевого дежурства. Например, для генерал-полковника В. С. Родина, назначенного членом военного совета, начальником политического управления РВСН в середине 80-х годов, легкая и удобная обувь дежурного офицера на КП была все равно что красная тряпка для быка на корриде. Он постоянно ворчал: «Ракетчики… сидят в мягких креслах, ходят в тапочках по командному пункту, государство сделало для вас все. Служите как в санатории» и т. п. К слову сказать, сам он ни разу на боевое дежурство не заступал, специфику ракетной службы не понимал, да и не старался понять. Остается благодарить Бога, что таких было немного, а то заставили бы офицеров дежурить на КП в сапогах, портупее и противогазах.

Унифицированными командными пунктами Михаил Григорьевич потом занимался несколько лет подряд.

Вспоминает полковник в отставке В. А. Пухов: «В конце 70-х

на вновь созданных унифицированных командных пунктах (УКП) грянула беда. Стоило офицерам заступить на дежурство, как спустя час-полтора у них обнаруживались лихорадка с подъемом температуры до 38° и выше, кашель, резкая слабость. С каждым месяцем болезнь разрасталась, захватывала все новые и новые боевые расчеты, но не удавалось отыскать причину странных «лихорадочных реакций», которые вывели из строя за какие-то полгода несколько десятков офицеров. Причина, однако же, таилась в самих УКП, поскольку все симптомы на вторые-третьи сутки после дежурства исчезали, чтобы снова проявиться на дежурстве. Строили новые УКП, ставили на дежурство, болезнь стала распространяться по всем ракетным войскам подобно эпидемии. История эта длинная, сложная, богатая всякими событиями, и потому описание эпопеи с поиском причин и их устранением заняло бы чересчур много места. А посему скажем только, что ни опыты на себе, какие ставили сотрудники отдела обитаемости 4-го НИИ МО с попытками (порою небезуспешными, но для установления причины недостаточными) отравить себя выделениями из пластиков, которыми были насыщены обитаемые помещения командных пунктов, ни бесчисленные эксперименты на животных, ни привлечение к научно-исследовательским работам крупнейших НИИ Академии наук, Минздрава и ведущих КБ долгое время никаких полезных результатов, кроме разве что серии диссертаций, не давали.

И в разгар этой загадочной «эпидемии» меня вызвал для доклада М. Г. Григорьев. Вызвал он, если быть точным, начальника медицинской службы РВСН Г. А. Пономарева, но тот, будучи генералом опытным и предусмотрительным, нашел способ избежать экзекуции и отправил на «углубленную беседу» меня — в ту пору начальника отдела обитаемости. Я, разумеется, был наслышан о том, в какой манере Григорьев проводит подобные «углубленные беседы», но по самонадеянности пренебрег советами бывалых людей как-нибудь уклониться от встречи. Ко всему прочему меня одолевало любопытство увидеть этого человека и поговорить с самим Григорьевым о проблеме, которую, как мне казалось, знаю в должной мере. Тщеславие молодости!

— Прошу доложить, — с порога промолвил глуховатым голосом генерал, — что происходит на УКП… в чем причина?

— Пока не установлено… — смешался я.

— Почему? — приподнялся в кресле Григорьев, и лицо его стало наливаться краской.

— Сложная проблема, — еще больше смутился я.

— Наука для того и существует, чтобы решать сложные

проблемы, — произнес военачальник. — Надеюсь, у вас есть какие-то предположения?

— Есть! — обрадовался я — Гипотез много…

— Спасибо, — усмехнулся Михаил Григорьевич, — раз много гипотез, значит, и науки много. Так? Давайте по порядку.

И я принялся демонстрировать свои познания, вернее сказать, предположения. Перво-наперво закатил речь о том, что причина не где-нибудь, а в самом УКП, скорее всего в химических веществах, выделяемых стройматериалами, главным образом пластиками, из которых сделан контейнер и которыми насыщен обитаемый отсек.

— Эпихлоргидрин! — воскликнул я, намереваясь показать армейскому генералу свою ученость.

— А это еще что за зверь такой? — поинтересовался Григорьев, отодвигая блокнот.

— Аллерген, — небрежно объяснил я, — думаю, он летит из стеклопластика.

— Вы это установили или снова гипотеза?

— Установили… Почти.

— И что?

И тут меня, что называется, понесло. Я перечислял вещества, вызывающие аллергию, давал им характеристику, изображал формулу этого самого эпихлоргидрина, рассказывал о том, как мои сотрудники и сотрудницы травили себя всякой дрянью ради установления того единственного аллергена, который вызывает у офицеров болезнь, как отравиться удавалось, а характерную картину лихорадки получить никак не могли, о том, какие сложные опыты ставили на мышах и крысах… Григорьев делал какие-то пометки в блокноте, изредка останавливал меня, что-то уточнял, словом, вел себя как прилежный ученик. А я все больше распалялся, сыпал медицинскими терминами, не замечая усмешек генерала, вдавался в подробности и сам не заметил, как перешел к лекции об иммунной системе и неспецифической резистентности организма. Не знаю, надо ли было это первому заместителю главкома, но он слушал и делал в блокноте пометки. Наконец я опомнился.

— Значит, эпихлоргидрин? — без ошибки назвал химическое вещество Григорьев.

— Пока что доказать не удалось, — признался я и увидел, как снова покраснел генерал.

— Все что вы рассказали, занимательно, — вымолвил он, — но мне нужна конкретная причина. Кстати, генеральный конструктор доложил в ЦК, что причина не в УКП, а в том, что мы плохо отбираем офицеров, плохо кормим, что не даем витаминов,

а еще в том, что наши люди травятся удобрениями с колхозных полей и больными заступают на дежурство. Что скажете?

— Честь мундира! — выкрикнул я возмущенно.

— А где же честь науки? — вдруг улыбнулся Григорьев. — Давай-ка поподробнее про обитаемость УКП, только не тараторь…

И снова меня понесло. Услышав «не тараторь», я уловил, что военачальник признал меня за своего, раз уж перешел на «ты», а потому стесняться в подробностях и терминологии не следует. Я повествовал о факторах обитаемости, показателях микроклимата, освещения, составе воздуха, электромагнитных излучениях от работающей аппаратуры и прочее, убеждал генерала, что ни один из этих факторов лихорадку вызвать не может, что дело здесь в чем-то другом, покамест непонятном. Михаил Григорьевич временами отрывался от блокнота, задавал вопрос, кивал, услышав ответ, и требовал: «Не тараторь». Наконец я иссяк.

— Уразумел, причину не нашли. Хотя гипотез предостаточно. Что предлагаете?

— Надо прокаливать на заводе контейнеры, чтобы из стеклопластика ушел весь эпихлоргидрин.

— Так ты же сказал, что причина не установлена. Знаешь, сколько будет стоить твое прокаливание?

Я опустил голову.

— Вот то-то, и я не знаю, но полагаю, в копеечку влетит. А толк? И потом, что делать с теми УКП, которые уже на дежурстве? Может, какое лекарство есть? Для профилактики.

Я продолжал молчать. Михаил Григорьевич встал, прошелся по кабинету, глянул на часы. Затянулась наша беседа.

— Вот что, доктор, — промолвил негромко генерал, — ты собери свою науку, объясни, что негоже так работать. Люди страдают, а вы никак из гипотез вылезти не можете. Возьмите встречный план, — вдруг улыбнулся он. — Будет что доложить, приходи в любое время, хоть днем, хоть ночью. А женщин больше не трави. И мужиков тоже не надо. Небось, у тебя в отделе для этого белых мышек хватает. Верно говорю?

…Прокаливали на заводе контейнеры из стеклопластика (как оказалось, Григорьев настоял), резали кондиционеры и чистили от грязи, ибо появилось подозрение, что гадость летит из кондиционеров и вызывает так называемую «болезнь легионеров», схожую с нашими «лихорадочными реакциями», продолжали ставить опыты, месяцами пропадали в войсках, сочиняли отчеты, докладные, диссертации, словом, как могли, старались защитить честь науки, попранную загадочным недугом. И все же, надо признать, так и не открыли причину лихорадки. Спустя несколько

лет она прекратилась сама собой. Невзирая на научные отчеты, доклады и даже диссертации».

12 мая 1972 года. В повестке дня заседания научно-технического комитета вопрос «Рассмотрение материалов по оценке радиационной обстановки в позиционных районах РВСН после нанесения противником массированных ядерных ударов». Докладчик заместитель 12-го ЦНИКИ МО доктор технических наук генерал-майор С. В. Форстен. Генерал-полковник М. Г. Григорьев заинтересованно участвует в обсуждении проблемы, но когда кто-то из выступавших заявил, что методика оценки уже якобы имеется в войсках, Григорьев реагирует на это следующим образом: «У нас пока ефрейторский подход к этой проблеме. Кто-то что-то передал, и мы начинаем считать. А нужна автоматизированная система контроля за радиационной обстановкой в позиционном районе. Она должна обеспечить контроль по всем параметрам. Командир обязан вовремя получить ответ на вопрос — в каком состоянии находится его позиционный район после нанесения ракетно-ядерного удара».

На одном из заседаний НТК в 1980 году Генеральный конструктор подвижных ракетных комплексов и директор Московского института теплотехники А. Д. Надирадзе представлял проект нового малогабаритного подвижного ракетного комплекса с межконтинентальной ракетой. Он дал подробные характеристики комплекса. Затем ему начали задавать вопросы. Все шло хорошо до тех пор, пока в беседу не включился Григорьев. Читая протокол этого заседания, я поразился тому, насколько точными и предметными были его вопросы. Александру Давыдовичу пришлось изрядно попотеть, чтобы отстоять свои позиции, и по многим параметрам ему это не удалось. Он согласился с тем, что комплекс нуждается в значительных доработках. Напомню, что к этому времени А. Д. Надирадзе по праву считался выдающимся ученым и конструктором в области летательных аппаратов, автором ряда научных концепций и конструкторских разработок в ракетостроении.

В феврале 1972 года скоропостижно скончался Главнокомандующий РВСН Маршал Советского Союза Н. И. Крылов. Николай Иванович Крылов командовал Ракетными войсками девять лет, и его вклад в развитие РВСН огромен, хотя сам он в технические тонкости ракетного дела глубоко не вникал. Поэтому не случайно он так доверял Михаилу Григорьевичу в вопросах технической оснащенности войск. Как бы то ни было, но за период совместной службы у Крылова и Григорьева никаких разногласий по работе не было. Это был дружный тандем

военачальников, способных вместе решить любую задачу.

Два месяца подыскивалась кандидатура на должность Главнокомандующего Ракетными войсками. В управлении главкома позиции разделились. Многие понимали, что с Григорьевым спокойной жизни ждать не приходится. Поэтому те, кто чувствовал себя неуверенно на своем посту, сразу же пустили в обиход фразу: «Наступили „Григорианские времена“». С позиций сегодняшнего дня лучшей кандидатуры на пост Главнокомандующего РВСН, чем Григорьев, нельзя было придумать. Его кандидатура рассматривалась и в ЦК, и в Министерстве обороны. Маршал А. А. Гречко прекрасно знал Григорьева, часто встречался с ним, всегда высоко оценивал. Но очевидно, что в то время было немало подводных течений, до сих пор нам неведомых. Предпочтение было отдано кандидатуре генерал-полковника Владимира Федоровича Толубко, который к тому же еще и упорно сопротивлялся новому назначению (те, кто хорошо его знал, говорили, что он рвался на должность главкома сухопутных войск, которая вот-вот должна была освободиться). Назначение объясняли как-то неуклюже — мол, В. Ф. Толубко прошел такую ступеньку, как командование военным округом, а Григорьев нет. Между тем специфика РВСН такова, что вряд ли кому-нибудь удастся разумно объяснить — зачем главнокомандующему обязательно проходить через командование округом. Тем более Григорьеву, командовавшему ракетной армией, которая по численности личного состава, насыщенности техникой не уступала некоторым военным округам.

Как бы то ни было, но два месяца, пока шла эта «подковерная» борьба, генерал-полковник Михаил Григорьевич Григорьев исполнял обязанности Главнокомандующего Ракетными войсками. И здесь также проявились его лучшие человеческие качества, в том числе стремление к объективности и справедливости в решении многих вопросов.

Характерный пример. В одной из дивизий во время тактико-специальных учений погиб сержант. Произошло это из-за нарушения графика пользования лифтом. А только две недели назад в войска была направлена подробная инструкция о правилах организации работ при проведении учений и регламентов. Там по секундам было расписано, как организуется эксплуатация лифта. Если бы эти требования были выполнены, беды не произошло бы. Как водится, в полк прибыли комиссии для разбора случившегося. Накануне военный совет Владимирской ракетной армии рассмотрел этот вопрос. Виновным признали командира полка, он был отстранен от командования и ожидал своей дальнейшей участи.

Приехала группа офицеров и по заданию М. Г. Григорьева. Выяснилось, что инструкцию, о которой говорилось выше, до командира полка никто не доводил, она пылилась в штабе дивизии. Позже, правда, спохватились и попробовали заставить командира полка расписаться в том, что он ознакомлен с инструкцией, как говорится, «задним числом», но тот наотрез отказался. Доложили об этом Григорьеву — он тут же отменил решение военного совета армии.

Один из офицеров рассказывал мне, что стал невольным свидетелем разговора командующего армией с генерал-полковником М. Г. Григорьевым. Командарм с обидой в голосе сказал: «Михаил Григорьевич, ну что же это получается. Такой солидный орган, как военный совет армии, принял решение, а вы это решение отменили. Как-то несолидно, и авторитета военному совету это не прибавляет. Приехали ваши «чижики», раз-два, и такой нехороший исход дела». Григорьев парировал немедленно и жестко: «Товарищ генерал, я «чижиков» в войска не посылаю. В управлении Главнокомандующего работают самые знающие и авторитетные офицеры. А об авторитете военного совета армии вам надо было позаботиться раньше и разобраться самим в сути происшедшего. А вы на военном совете постарались прикрыть задницы командира дивизии и его начальника штаба, которые проявили вопиющую неисполнительность и халатность, и в то же время незаслуженно наказали офицера!»

М. Г. Григорьев из когорты людей, умеющих мыслить по-государственному, болеющих за свою страну и все силы отдавших на ее благо. Это не подлежит сомнению, потому что на всех постах он проявлял действительно государственный подход к делу. Читаю аттестации, написанные Григорьевым на генералов центрального аппарата РВСН.

В апреле 1978 года в аттестации на начальника 6-го управления генерал-лейтенанта А. Т. Сухарева Михаил Григорьевич пишет: «В настоящее время необходимо более настойчиво вместе с научно-исследовательскими организациями и КБ отслеживать и добиваться постоянного превосходства наших боеприпасов по всем показателям над соответствующими боеприпасами потенциального противника».

В аттестации на председателя НТК генерал-майора С. А. Сергеева: «В дальнейшем в работе научно-технического комитета и научно-исследовательского центра РВСН основные усилия необходимо направить на техническое превосходство систем вооружения над вероятным противником, отслеживание фундаментальных и прикладных наук в стране и техническое сопровождение разрабатываемых систем в интересах РВСН».

В аттестациях ни слова о строевой выправке, борьбе за высокую дисциплинированность и т. п. Это аттестации, написанные человеком, который, отбросив всякую мелочность, мыслил только интересами государства.

М. Г. Григорьев пользовался исключительным авторитетом среди выдающихся конструкторов ракетно-космической техники: С. П. Королева, М. К. Янгеля, В. Н. Челомея, Л. Д. Надирадзе, В. Ф. Уткина, В. П. Макеева, М. Ф. Решетнева и многих других, ценивших его компетентность, порядочность, способность добиваться успешного решения сложных вопросов, постоянно возникавших при создании перспективных систем ракетного вооружения.

Труд, связанный с испытаниями новых ракетных и ракетно-космических систем, М. Г. Григорьев любил и глубоко понимал. Долгие годы его зрелая плодотворная работа как председателя Госкомиссии в оборонной промышленности принималась за образец. Как первый заместитель Главнокомандующего он отвечал в Ракетных войсках за ракетную технику и всегда был в центре всех событий и баталий, разворачивавшихся по тому или иному ракетному комплексу. Надо отдать ему должное, при этом он всегда стремился к тому, чтобы комплекс в полной мере отвечал тактико-техническим требованиям, заданным войсками. Разницы между конструкциями, например, В. Н. Челомея или М. К. Янгеля для него не существовало. Главное, чтобы эти комплексы способствовали укреплению Ракетных войск, повышению их боевой мощи.

Поражает его чутье нового, вера в талант наших конструкторов. В свое время мало кто верил в возможность минометного старта многотонной ракеты. Тот, кто видел минометный старт более чем стотонной ракеты, никогда не забудет его. Кажется, что нарушены законы земного тяготения, законы физики. И поневоле изумляешься — это же какой инженерный расчет тяги двигателей, какая система управления нужны для того, чтобы ракета при старте вела себя именно таким образом?

Григорьев поверил в минометный старт сразу и безоговорочно. В одной из бесед Михаил Григорьевич рассказывал жене М. К. Янгеля: «У меня как-то любопытный спор вышел. С одним известным конструктором летели мы по делам службы. Зашла у нас речь о стартах. Он и говорит: «Я — самый крупный специалист в этой области. И то, что сейчас предлагает Янгель, категорически отвергаю. Нереально. Кому, как не мне, знать все тонкости поведения движущегося тела, заполненного жидкостью, с учетом специфики возникающих при старте

колебаний?» Я конструктору и предложил: «Вот чистый лист бумаги. Пишите, что Янгель не прав. И свою подпись поставьте, да поразборчивее». Он так и сделал. Даже место нашей дискуссии указал: «Борт самолета Ил-18». И как он некоторое время спустя неловко себя чувствовал, когда я ему предъявил эту записку. Вариант минометного старта, предложенный Михаилом Кузьмичом, к этому времени отлично себя зарекомендовал и прочно вошел в нашу практику».

В декабре 1972 года М. Г. Григорьев был назначен председателем Государственной комиссии по испытаниям ракетно-космического комплекса с орбитальной пилотируемой станцией «Салют», она же «Алмаз».

Об «Алмазе» в последние годы написано очень много. В еженедельнике «Итоги» от 9 февраля 1999 года мне попалась на глаза статья Д. Свойского и В. Гринина «Вышли мы все из „Востока“». В ней авторы подробно освещают эпопею событий, связанных с работой пилотируемых станций «Салют». Неприятно поразили некоторые подзаголовки в статье: «Спутники-убийцы», «Космическая крепость», «Ракеты „космос — космос“». Несколько отрывков из статьи: «В июне 1974 года новый «Алмаз» стал на вахту под именем «Салют-3». Он выглядел грозно и внушительно. В его полу зияла линза специального телескопа почти метрового диаметра. Он способен был рассмотреть самые мелкие детали на авиабазах и ракетных комплексах противника…

Этот «Алмаз» был единственным космическим аппаратом, оснащенным самым настоящим оружием для ближнего и дальнего боя в невесомости. На корпусе на специальной турели вращалась 23-миллиметровая пушка, разработанная КБ Александра Нудельмана для стрельбы в вакууме. На ней был установлен особый инфракрасный радар, который разворачивал дуло вслед за источником теплового излучения — вражеским кораблем…

Но пушек показалось мало. На «Алмазе» установили две ракеты класса „космос — космос“».

И далее все в таком же пугающем стиле — мол, американцы заговорили о «звездных войнах» в 1983 году, а в СССР, оказывается, готовились к ним на 10 лет раньше. Читаешь и приходишь мысленно к голливудскому стереотипу — бедные американцы думают, как спасти человечество от ядерной угрозы, а в космосе носится грозный советский «Алмаз» и Павел Попович в шапке-ушанке (он был командиром первой экспедиции на станции «Салют-3») держит палец у кнопки и пристально вглядывается в космические дали — не появился ли в поле поражения какой-либо американский спутник, чтобы опробовать

пушку Нудельмана и сковырнуть с орбиты «вражескую железяку».

Сегодня кому-нибудь, может, так и представляется суть вещей. На мой взгляд — все было значительно проще. Начало 70-х годов ознаменовано достижением нашей страной стратегического равновесия с США. На боевом дежурстве с обеих сторон находилось почти по полторы тысячи межконтинентальных баллистических ракет, и пока что о благоразумии не было и речи. Первые разведывательные спутники системы «Мидас», «Сэмос» и «Дискаверер-13» американцы запустили в 1960–1961 годах. На основе спутника «Сэмос» в начале 60-х был создан спутник для проведения радиотехнической разведки под названием «Феррет». На нем установили чувствительную радиоэлектронную и записывающую аппаратуру для перехвата сигналов советских радиолокационных станций. Начиная с 1971 года США регулярно запускали в космос разведывательные спутники «Биг Берд», которые получили название «шпион в небе». К началу 70-х годов космос бороздили уже десятки разведывательных спутников США.

Еще Дж. Кеннеди провозгласил тезис о господстве в космосе. Его преемник на посту президента США Л. Джонсон позже так изложил космическое кредо США: «Англичане господствовали на море и управляли миром. Мы господствовали в воздухе и были руководителями свободного мира с тех пор, как установили это господство. Теперь это положение займет тот, кто будет господствовать в космосе». Судя по той политике, которую проводят США сегодня — этого тезиса они придерживались всегда и придерживаются до сих пор.

В то время для нас вполне закономерным было наше стремление знать точно, что и где находится на территории США. Думаю, что у американского политического руководства и генералитета аналогичное по отношению к СССР желание было не менее горячим. И то что по некоторым направлениям в космических разработках мы опережали американцев, вовсе не свидетельствует о нашем милитаризме или кровожадности. Просто мы их опережали! Уже в то время фотоаппаратура, установленная на «Алмазе», имела разрешающую способность 1 метр.

Так вот, «Алмаз» — это прежде всего спутник многоцелевого назначения. Он был создан для ведения всепогодной детальной космической фоторазведки и, конечно, прежде всего в интересах Вооруженных Сил СССР.

По тому времени наш вероятный противник ничего подобного не имел. Когда в 1976 году прекратились полеты пилотируемых станций «Салют», в монтажно-испытательном

корпусе Байконура уже стоял готовый к запуску «Алмаз», способный работать в беспилотном, автоматическом режиме. Это вообще было чудо космической техники, и здесь надо отдать должное таланту В. Н. Челомея и его конструкторов из ОКБ-52. Но к тому времени трения и разногласия, возникшие между Д. Ф. Устиновым и В. Н. Челомеем, стали причиной того, что ОКБ-52 вообще запретили заниматься космической тематикой. Утверждают, что именно тогда Д. Ф. Устинов произнес слова: «Челомею нет места в космосе». Испытатели Байконура на свой страх и риск сохранили тот «Алмаз». Он простоял в монтажно-испытательном корпусе почти 10 лет. А в 1987 году практически без всяких доработок успешно выдержал все предстартовые испытания и был запущен на орбиту под названием «Космос-1870». Американцы признавали тогда, что СССР опережает их и что спутник такого типа появится у них только через 5 лет. На сколько же лет мы опережали США в начале 70-х?

О деятельности М. Г. Григорьева в должности председателя Государственной комиссии мне много рассказывал В. П. Петровский, в то время — районный инженер. Для непосвященных: районный инженер — это представитель Министерства обороны (военпред) в ракетно-космической промышленности с огромными полномочиями. В его ведении находилось несколько военных приемок. Ему было разрешено принимать любое решение, для того чтобы военный заказ, объект отвечал всем тактико-техническим требованиям, заданным Министерством обороны страны, и без его подписи ни один объект не мог быть принят на вооружение или в эксплуатацию.

В. П. Петровский вспоминает, что, как и всегда, Михаил Григорьевич работал с Госкомиссией и испытателями космодрома предметно и конкретно.

Так, задолго до начала летных испытаний «Алмаза» он много раз посещал ОКБ-52, встречался неоднократно с В. Н. Челомеем и ведущими конструкторами орбитальной станции, присутствовал на испытаниях отдельных узлов и агрегатов, а также всей станции в заводском монтажно-испытательном корпусе.

Новая орбитальная пилотируемая станция была рассчитана на длительное пребывание на орбите космических экипажей. Михаил Григорьевич несколько раз посетил отряд космонавтов, Институт космической медицины, для того чтобы самому четко представлять, как будут работать на орбите космические экипажи, как будет организовано их питание, отдых и т. д. Институт космической медицины подчинялся руководству Военно-воздушных сил. В. П. Петровский сопровождал Григорьева во время этих посещений.

К этому времени Институт космической медицины уже имел серьезные наработки в отборе и подготовке космонавтов, медицинского обеспечения безопасности полетов, поддержании нормальной жизнедеятельности, здоровья и работоспособности экипажей. Сопровождал Григорьева и давал пояснения по всем интересующим его вопросам доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР А. М. Генин. Григорьев внимательно слушал пояснения, а затем начал задавать вопросы.

В. П. Петровский рассказывал, что, оставшись с ним наедине (Григорьев куда-то отлучился), А. М. Генин с восхищением сказал: «Виктор Петрович, меня даже зависть берет. Как же вам, ракетчикам, повезло, что у вас такие умные руководители. У меня такое ощущение, что над проблемами космической медицины ваш Григорьев работает уже несколько лет — настолько точны и конкретны вопросы, которые он мне задавал». В это время в фойе какой-то авиационный генерал пристально рассматривал себя в зеркало. Глянув в его сторону, Генин добавил: «Нашим бы руководителям хоть немного этого ума. А то разоденутся, как петухи, и потом часами любуются на себя в зеркало».

Еще пример конкретной работы Михаила Григорьевича. Подходил к завершению многомесячный цикл испытаний и подготовки к стыковке с ракетой-носителем 20-тонной орбитальной пилотируемой станции «Алмаз» в штатной комплектации. На космодром прибыла Государственная комиссия во главе с генерал-полковником М. Г. Григорьевым. На предкомиссионный доклад в кругу военных были приглашены А. А. Курушин (начальник космодрома), В. А. Николаенок (заместитель начальника космодрома по космической тематике), П. М. Катаев (начальник четвертого управления, которое испытывало комплекс ракета-носитель «Протон» — ОПС «Алмаз») и др.

Началось совещание. Первым докладывал В. С. Патрушев. Доклад прошел спокойно. Следующим на трибуну был приглашен П. М. Катаев. Он встал, вытащил из кармана справку о техническом состоянии и результатах испытаний ОПС «Алмаз», которую ему подготовили подчиненные и которую он не удосужился до этого даже как следует прочитать.

Михаил Григорьевич распорядился справку спрятать и продолжать доклад «без бумажки». Такого поворота событий никто не ожидал. Все слабо представляли себе состояние дел по орбитальной станции, «не царское это дело» — вникать в детали. Возникла немая сцена.

Первым нашелся А. А. Курушин, который предложил

заслушать начальника отдела комплексных испытаний ОПС «Алмаз» № 01 майора А. П. Завалишина. Михаил Григорьевич согласился, но при этом заметил, что если один майор может заменить генерала и двух полковников, то он готов осуществить соответствующие перестановки. Так как Завалишин работал с комплексом практически круглосуточно, то уверенно доложил о его состоянии, оценил все просчеты и результаты, попутно вступил в полемику с начальником ГУКОСА А. Г. Карасем, который, стараясь защитить честь мундира, попытался некоторые промашки командования свалить на действия боевых расчетов космодрома.

В заключение Григорьев констатировал, что космодром все же «лицом в грязь не ударил». Но в последующем, если он хотел узнать реальную картину на комплексе, заслушивал, как правило, А. П. Завалишина.

Позже, когда сняли с должности начальника четвертого испытательного управления П. М. Катаева (несколько солдат выпили хладоагент и, естественно, отдали Богу душу), М. Г. Григорьев вызвал в Главный штаб А. П. Завалишина и предложил ему возглавить управление. Мотивировал свое предложение он так: «При нашей инспекции только твой отдел по научным и опытно-конструкторским разработкам был высоко оценен, имел очень интересные разработки и заделы, необходимые для качественного ведения и анализа результатов испытаний». Завалишин отказался, сославшись на то, что у него нет еще достаточной практики по управлению войсками, что ему рановато идти на такую должность и что на космодроме есть еще целый ряд достойных кандидатов, в том числе и офицеров-фронтовиков. Михаил Григорьевич сказал: «Молодец, за критическую оценку своих возможностей хвалю, расти, но в следующий раз отказа не приму». Начальником управления был назначен полковник А. И. Могила, а его заместителем по испытаниям А. П. Завалишин.

Орбитальная станция «Салют-3» была выведена на околоземную орбиту 25 июня 1974 года. Управление станцией производилось Крымским центром. После проверки основных систем станции в автономном полете 3 июля 1974 года на орбиту был выведен космический корабль «Союз-14», пилотируемый экипажем в составе командира корабля П. Р. Поповича и бортового инженера Ю. П. Артюхина.

Через двое суток, 5 июля, была осуществлена стыковка корабля «Союз-14» с орбитальной научной станцией «Салют-3». После перехода экипажа научная пилотируемая станция «Салют-3» начала функционировать.

Тогда же в Специальном научно-исследовательском

институте Министерства обороны СССР (45-й СНИИ МО) разрабатывалась программа создания в нашей стране Системы контроля космического пространства (СКПП). В ходе полета «Алмаза» необходимо было провести один из экспериментов по обнаружению в космосе ИСЗ — в данном случае американской космической станции «Скайлэб». Вот как вспоминает об этом в журнале «Новости космонавтики» один из разработчиков этой программы А. Горелик:

«Летом 1974 года я со своими сотрудниками В. А. Стасевичем и С. С. Эйнштейном приехал в Евпаторию, откуда проводилось управление «Алмазом». С размещением в гостинице были проблемы, и мне посоветовали переговорить с генерал-майором, который командовал всеми организационными вопросами. В его кабинете оказался неизвестный мне генерал-полковник, с которым я и заговорил. Как выяснилось позже, это был председатель Государственной комиссии, заместитель Главкома Ракетных войск стратегического назначения Михаил Григорьевич Григорьев.

Надо сказать, что у меня в руках была книга Л. С. Утченко «Цицерон и его время», и у нас с генералом (по его, естественно, инициативе) состоялся очень интересный разговор о Древнем Риме, о Цицероне — величайшем ораторе всех времен и народов, о Каталине, казни которого он в конце концов добился. У нас установились доверительные отношения. Это и помогло, как ни покажется парадоксальным, провести эксперимент.

Когда мы примерно за сутки рассчитали азимут и угол места американской станции относительно прибора «Сокол», а также время встречи «Алмаза» и «Скайлэба», мы обратились к руководителю полета от фирмы В. Н. Челомея, создавшей корабль «Алмаз», с просьбой провести эксперимент. Однако получили решительный отказ. Аргументы: нет времени, нет энергетики, космонавты устали и т. д.

Полночи я воевал с руководителем полета, но ничего не добившись, позвонил в 5 часов утра генералу М. Г. Григорьеву. Доложил суть вопроса и заручился его поддержкой на проведение работы.

Команда руководителя Государственной комиссии была выполнена, мы передали на борт П. Поповичу и Ю. Артюхину необходимые расчетные данные. Каково же было наше счастье, когда в зале, откуда осуществлялось управление полетом, раздался радостный голос Павла Романовича, возвестивший, что впервые в истории космонавтики по целеуказаниям с Земли космонавт обнаружил американскую станцию».

Программой полета «Салют-3» предусматривалось после

девятисуточного автоматического и двухнедельного пилотируемого полета сменить экипаж станции. Поэтому 19 июля 1974 года корабль «Союз-14» в составе П. Р. Поповича и Ю. П. Артюхина совершил мягкую посадку в заданном районе, а на корабле «Союз-15» готовился к полету на станцию другой экипаж в составе командира корабля Г. В. Сарафанова и бортинженера Л. С. Демина. Корабль «Союз-15» стартовал 26 августа 1974 года с экипажем на борту. Старт и первые сутки полета прошли без замечаний. По плану второго дня космонавты выполнили предусмотренную программой отработку техники пилотирования корабля в различных режимах полета, В процессе маневрирования корабль «Союз-15» неоднократно сближался со станцией «Салют-3». До момента причаливания все системы корабля и станции работали как надо, а на участке причаливания в системе управления была отмечена ненормальная работа системы стыковки, что в свою очередь привело к чрезмерному расходу топлива. По решению Государственной комиссии попытка причаливания корабля к станции была прекращена и экипажу дали команду приготовиться к спуску на Землю.

Космонавты Г. В. Сарафанов и Л. С. Демин 28 августа благополучно вернулись на Землю в районе города Целинограда. Поисково-спасательный комплекс ночью, в 23 часа по московскому времени, в сложной метеорологической обстановке обеспечил обнаружение спускаемого аппарата и эвакуацию космонавтов.

23 сентября 1974 года запланированная программа работ в автоматическом и пилотируемом режимах на станции «Салют-3» была полностью выполнена и от станции по команде с Земли отделился возвращаемый аппарат с материалами исследований и экспериментов (410-килограммовая капсула, в которой помещалось около полутора километров отснятой фотопленки). В расчетное время была включена его двигательная установка, аппарат перешел на траекторию спуска к Земле. Перед входом в плотные слои атмосферы произошло отделение двигательной установки, а на высоте 8,4 километра — введение в действие парашютной системы. Возвращаемый аппарат приземлился в заданном районе и был эвакуирован поисково-спасательной службой. Предполагалось, что спускаемые капсулы с информацией будут приземляться еженедельно и раз в месяц транспортный корабль будет доставлять на орбиту новые четыре капсулы, но в полном объеме отработать эту программу на «Салюте-3» не удалось. Забегая вперед, скажу, что не удалось полностью отработать программу и на станции «Салют-4».

Полет станции «Салют-3» был завершен 24 января 1975 года

над заданным районом акватории Тихого океана.

Станция проработала в космосе в общей сложности семь месяцев. Научная аппаратура станции «Салют-3», медицинские приборы, экспериментальные устройства позволили, помимо военных задач, провести интересные медико-биологические исследования, определить некоторые физические характеристики космического пространства, а также выполнить съемки, представлявшие большой интерес для поисковых работ геологических партий, составления почвенных карт, выявления загрязнений вод рек, озер и морей, инвентаризации лесов, сельскохозяйственных угодий и т. д. С борта станции, кроме того, выполнялись наблюдения и съемки облачного покрова планеты, тайфунов и циклонов над акваторией Атлантического океана, где в период полета станции проводились эксперименты и исследования по международной программе «Тропэкс-74». В полете станции «Салют-3» были проведены успешные испытания усовершенствованной конструкции бортовых систем и аппаратуры. Был решен ряд новых инженерно-технических задач, в том числе отработаны многорежимная система управления с бортовым вычислительным комплексом, система энергопитания с поворотными панелями солнечных батарей, усовершенствованная система терморегулирования, автономная система навигации, радиотехнические системы.

В ходе руководства Государственной комиссией М. Г. Григорьеву довелось много и плодотворно работать с Генеральным конструктором В. Н. Челомеем. В своей книге «Сквозь пространство и время» А. П. Завалишин пишет: «Встречаясь в процессе испытаний, накануне и в процессе Государственных комиссий и технических руководств, я поражался, как искусно и артистично два замечательных человека, Михаил Григорьевич Григорьев и Владимир Николаевич Челомей, проводили заседания. Они составляли прекрасный дуэт людей, стремящихся познать глубину испытываемой техники и найти ей достойное применение».

Испытатели полигона Байконур единодушны во мнении — много было общего у Владимира Николаевича Челомея, Михаила Федоровича Решетнева и Михаила Григорьевича Григорьева. Им были присущи влюбленность в свое дело, необычайная глубина мышления, широта взглядов, органично сочетающиеся с огромной эрудицией и талантом организатора.

В 1975 году стартовала последняя из этой серии орбитально-пилотируемых станций — «Салют-5». Во время работы на ней экипажа в составе В. Б. Волынова и В. М. Жолобова обнаружился ряд неполадок на станции. Программа полета была рассчитана на

перекрытие по длительности 63-суточного полета П. И. Климука и В. И. Севастьянова. Экспериментальная же часть исследований являлась продолжением работы, начатой на орбитальной станции «Салют-3».

Первый месяц космонавты трудились нормально, регулярно выполнялась программа исследований, а затем с орбиты начали поступать сигналы о том, что экипаж испытывает дискомфорт, который мешает ему работать. Особенно тяжело переносил возникающую чрезмерную влажность в отсеках станции бортинженер В. Жолобов. На Земле сразу не смогли определить причины этого явления и меры, которые надо было принимать. Как председателю Госкомиссии, Григорьеву пришлось заниматься этой проблемой. Вот как об этом вспоминает доктор медицинских наук, в то время начальник отдела обитаемости космических аппаратов 4-го НИИ МО В. А. Пухов: «При очередном космическом полете орбитальной пилотируемой станции «Салют» первоначально все шло благополучно, но через несколько дней один из космонавтов повел себя как-то странно, обнаружились непонятные отклонения в организме, стала повышаться температура, появился кашель. Все это встревожило не только Госкомиссию, но и высшее руководство страны. От Григорьева потребовали немедленно решить проблему, чтобы продолжить рекордный по тому времени полет и тем еще раз продемонстрировать преимущества советской космонавтики перед американцами. Состояние космонавта, однако, продолжало ухудшаться, и все более очевидным вырисовывалось решение: полет следует прекратить.

Вот тогда-то Михаил Григорьевич и пригласил для обстоятельной беседы крупнейшего специалиста в области авиационно-космической медицины академика О. Г. Газенко и совершенно неожиданно позвал на эту встречу меня. Пятичасовая беседа состоялась в кабинете начальника Центрального госпиталя Ракетных войск, расположенного в городе Одинцове.

Олег Георгиевич Газенко и генерал Григорьев по рангу и положению были фактически равны, я же поначалу чувствовал себя неуютно, сознавая свое невежество в космонавтике. Однако Григорьев быстро избавил меня от напряжения своими благожелательными вопросами, да и академик повел себя в духе старой русской профессуры. В общем, мы обменивались предположениями, употребляли научные термины, вероятно, не очень понятные Михаилу Григорьевичу. Он требовал разъяснений, заносил пометки в блокнот, выжимал из нас все соки, причем делал это так, что мы и сами изо всех сил старались выложить все, что знаем. Толку от того, увы, не было, поскольку

картина состояния и поведения космонавта была совершенно непонятной и запутанной. За пять часов беседы начальник госпиталя раз десять приносил чай и уходил, чтобы нам не мешать. «Может, прекратить полет?» — негромко высказался Газенко, распечатывая третью пачку сигарет и закуривая. Михаил Григорьевич глянул на него так внимательно, что стало ясно — такое решение невозможно. И тогда Олег Георгиевич стал предлагать некие препараты, изменение режима работы космонавта, что-то вроде психотерапевтической беседы с ним и тому подобное. Григорьев слушал внимательно, задавал вопросы, уточнял кое-что, а затем, когда академик закончил, спросил: «Возьмешь на свою ответственность?» Газенко понурился. Григорьев усмехнулся: «Я пошутил. Ответственность должен брать на себя председатель Госкомиссии».

Когда мы выложились сполна и тема исчерпалась, Газенко вдруг спросил о чем-то, связанном с ЦК КПСС. Хотел, так я его понял, знать, почему невозможно прекратить полет.

Михаил Григорьевич прошелся по кабинету, остановился напротив академика, произнес назидательно:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

Прочитав эти строки, он внимательно стал всматриваться в глаза Газенко, стараясь угадать, знает ли тот автора четверостишия. На худом породистом лице Газенко появилось то выражение, с помощью какого демонстрируют эрудицию и пытаются скрыть незнание. И тут я, что называется, выскочил, куда меня не звали.

— Алексей Константинович Толстой! — заявил я нагло.

— Верно, — не без удивления молвил Григорьев. — А как называется поэма? Помнишь?

— А как же! — вознесся я. — «История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева».

— И главную строчку помнишь? — рассмеялся Григорьев.

— Как не помнить, — ответил я. — «Страна наша богатая, порядка только нет!»

— Вот какие в ракетных войсках ученые, — произнес с гордостью Григорьев, — не академик, а кое-что знает».

В конечном итоге, 24 августа 1976 года, после выполнения 48-суточной программы, полет экипажа был досрочно прекращен. Посадка спускаемого аппарата произошла в заданном районе в

двухстах километрах юго-западнее города Кокчетава. Врачи определили состояние космонавтов после приземления как удовлетворительное.

Бывали и другие нештатные ситуации. И всегда Григорьев со всей своей дотошностью пытался понять суть происшедшего и сделать правильные выводы. Из воспоминаний Л. Г. Лагойко, в то время начальника отдела анализа 5-го НИИП МО: «Из председателей Государственных комиссий по испытаниям ракетных и ракетно-космических комплексов оставили неизгладимые впечатления такие яркие личности, как М. Г. Григорьев, К. А. Керимов, А. И. Соколов, Ф. П. Тонких, Г. Н. Малиновский, Е. Б. Волков, Г. С. Титов, Ю. А. Яшин. Почти с каждым из них у меня были постоянные служебные контакты.

Несколько слов об авариях во время испытаний. Они случались нередко. Потенциальными виновниками аварий ракет при запуске и в полете являются боевой расчет, изготовитель и конструктор. Вина боевого расчета устанавливается относительно просто и быстро. С удовлетворением отмечаю, что таких случаев практически не было. Решающим моментом в расследовании причин аварии было установление характера неисправности — конструктивный или производственный? И здесь разворачивались настоящие баталии. Масла в огонь подливали смежные фирмы. Вспоминаю участие в таких разборах Л. Д. Кучмы, отстаивавшего свой завод, и начальника КБ-2 конструкторского бюро «Южное» М. И. Галася, которому принадлежала крылатая фраза: «Это же вам не факт, а было на самом деле!»

Михаил Григорьевич Григорьев прекрасно ориентировался в этих подспудных обстоятельствах, четко отличал, где ведомственные интересы превалируют, а где есть рациональное зерно, и всегда добивался истины в вопросах расследования причин аварийных ситуаций. Вспоминается такой случай. Однажды я как начальник отдела анализа докладывал Государственной комиссии под председательством М. Г. Григорьева об аварии двигателя ракеты-носителя одного из космических аппаратов. Затем выступали представители промышленности, каждый из которых ссылался на мой доклад. Рассердившись на то, что все говорят одно и то же и не выдвигают новых идей, Михаил Григорьевич сказал: «Что вы все — Лагойко да Лагойко! У вас собственные мысли есть или нет? И потом — не надо тут петь дифирамбы Лагойко! Я как председатель аттестационной комиссии в РВСН буду аттестовать его сам!»

Скажу прямо, если бы я получил письменную аттестацию такого выдающегося человека, как Григорьев, я бы этим гордился

всю жизнь».

Работать с Григорьевым было нелегко. Он не терпел никакого формализма в работе. Не выносил, когда на совещаниях бубнили по бумажке.

Особенно доставалось некоторым нерадивым командирам на учениях. По должностным обязанностям, Михаил Григорьевич возглавлял Центральный запасный командный пункт (ЦЗКП) РВСН. Если на ЦКП РВСН в расчеты входили начальники различных управлений и служб, то на ЦЗКП расчеты состояли из вторых лиц — заместителей начальников этих управлений и служб. У каждого на учениях были заготовлены так называемые «рыбы», в которых расписывались действия службы по той или иной вводной. «Рыбы» порой долгое время не менялись, и это вызывало у Григорьева законное возмущение: «Ну что ты говоришь, что ты мне докладываешь? Ты сам веришь в то, что все будет происходить именно так? Я жду обоснованного доклада о действиях службы по конкретному вопросу. А пустословие мне здесь ни к чему».

Многие обижались. Я не исключаю даже, что кто-нибудь втихую ненавидел его за то, что не давал спокойно «сидеть на должности» и наслаждаться жизнью. Мерки были высокими, и не каждый соответствовал им. Но в отличие от «прокрустова ложа» — тем, кто соответствовал этим меркам или выходил за их рамки, Григорьев всегда давал высокую оценку.

Говорят, что Михаил Григорьевич был слишком уж требовательным к подчиненным. Что тут можно сказать? Лично я считаю, что требовательность требовательности рознь. В одну из командировок, после моей лекции ко мне подошел командир полка, на вооружении которого был БЖРК (боевой железнодорожный комплекс). Он согласился с выводами лекции (говорил я о необходимости новых подходов к оценке деятельности офицера, пересмотра в корне отношения к людям во всех войсковых звеньях), а потом привел пример «требовательности» со стороны старшего начальника. Представьте себе — боевой железнодорожный ракетный комплекс (БЖРК) вышел на опытное боевое патрулирование и движется по Восточно-Сибирской магистрали. По пути следования стало известно, что на комплекс прибывает командующий армией. На одной из станций, где это позволила обстановка, БЖРК загнали в тупик. По положению, на остановках из состава может выйти только машинист тепловоза для осмотра подвижной техники и командир дежурных сил — два человека. Так было и на этот раз. Тупик оказался захламленным до предела. Судя по всему, территория тупика не убиралась несколько лет, у

железнодорожников до этого не доходили руки.

«Как вы думаете, — спросил меня собеседник, — чем закончился визит командующего?» Я промолчал, хотя уже примерно догадался, как развивались события. Командир полка продолжил: «Вертолет приземлился через 15 минут после того, как мы остановились в тупике. Первым делом командующий объявил мне строгий выговор за то, что территория тупика не убрана к его приезду. Долго матерился, и, не заходя даже в поезд, улетел, сильно раздосадованный. А мне тоже стало так обидно, что я не смогу навести порядок в тупике, — ведь расположен он за сотни километров от дислокации полка, но, что самое главное, больше в этот тупик я, может, никогда не попаду».

Вроде бы и требовательность. Но если кто-либо докажет, что это пример деловой требовательности, то в таком случае я — папа римский. Не хочу больше приводить примеров, пишу ведь о Григорьеве. Но все, с кем я встречался в ходе работы над книгой, были единодушны во мнении — Михаил Григорьевич требовал только по делу. И даже когда ругал подчиненного, умел найти такие слова, что люди не обижались, хотя разговор велся порой в довольно жесткой форме, с употреблением «непарламентских выражений».

С Григорьевым можно было поспорить. Характерный пример. На учения РВСН часто привлекались представители других видов и родов Вооруженных Сил. Так было и на очередном учении. Идет заслушивание на ЦЗКП о действиях по очередной вводной. Григорьев забраковал одно выступление, другое. На очереди — заслушивание представителя от ГУКОС (Главное управление космических систем). Поднимается офицер в звании капитана второго ранга. Начинает говорить. Григорьев через минуту с раздражением его перебивает. Тот не выдерживает: «Товарищ генерал-полковник! Я наслышан о том, что вы прекрасно разбираетесь в обсуждаемом вопросе. Но вы не знаете наших последних разработок и, не дослушав до конца, перебиваете меня. Дайте мне время — 15 минут, и я постараюсь доложить вам по существу! И прошу меня не перебивать!» Григорьев соглашается. А в конце выступления дает такую оценку: «А ведь и правда — дело говорит! Я прошу присутствующих учиться на этом примере, как надо подходить к оценке обстановки и планировать действия своих служб».

А. П. Завалишин вспоминает, что у начальника испытательного управления космодрома Байконур Анатолия Иосифовича Могилы, прекрасного человека и неплохого специалиста, была одна существенная особенность: он патологически боялся М. Г. Григорьева. Наезды первого

заместителя ГК РВСН по испытаниям ракетно-космической техники «выводили его из строя». Особенно Могила пасовал перед ним при разборах замечаний и недостатков по радиоэлектронным системам, так как ему, механику по образованию, не понимавшему многих физических процессов, трудно было объяснять причины и последствия дефектов, отказов. И хотя Завалишин подробно инструктировал его по всем вопросам, все равно толковых ответов от Могилы Григорьев добиться не мог.

Но выход был найден. Когда приезжал Михаил Григорьевич, А. И. Могила усаживал А. П. Завалишина посередине, как буфер между собой и Григорьевым. Этот обряд вошел в привычку. Григорьев, смеясь, спрашивал: «Ты, Могила, опять подсовываешь мне Завалишина?» На что тот отвечал, не кривя душой: «Так точно! Не могу и не хочу переозвучивать его с ошибками». — «Ну, тогда учись!» — соглашался Михаил Григорьевич.

Следует остановиться подробно еще на одной черте Григорьева — мастерском владении словом. Особенно важно это умение для руководителя любого ранга. С его помощью командир способен отмобилизовать людей на выполнение, казалось бы, нерешаемых задач.

Как профессиональный лектор, сожалею, что не довелось ни разу услышать выступления Михаила Григорьевича. Зато мне иногда доводилось слышать «короткие» и, главное, «емкие» выступления отдельных командиров самого различного ранга. Некоторые запомнились на всю жизнь. Например, в середине 70-х годов встречали «целинников» из нашей дивизии в Забайкалье. Замышлялось, что выступление командира дивизии будет не по бумажке — надо было просто сказать несколько добрых слов в адрес личного состава целинной роты, которая вернулась с уборки урожая без потерь. Несколько военнослужащих были представлены к правительственным наградам. Митинг у прибывшего железнодорожного состава получился действительно непродолжительным. И речь запомнилась. Она была «яркой и короткой». Командир пристально оглядел прибывших и изрек: «А чего это вы позарастали все … вашу мать, как Карлы Марксы? Хоть сейчас вас на большую дорогу выпускай». После этого последовало несколько фраз о том, что за своим внешним видом военнослужащий должен следить неусыпно, и на этом митинг завершился. До сих пор гадаю, что все же крылось за этим выступлением — то ли комдив хотел приравнять прибывших целинников к классикам марксизма-ленинизма, то ли у него Карл Маркс ассоциировался с «разбойником с большой дороги»?

Рассказывают, что Михаил Григорьевич не любил витиеватых

и псевдонаучных речей. Подчиненных и всех тех, с кем приходилось работать (в том числе и ученых), просил выражать мысли просто и доступно. Однажды на очередном совещании выступал начальник одного из НИИ. Выступление начал витиевато, сыпал различными научными терминами, но по существу говорил мало. Григорьев, наконец, не выдержал: «Слушай, ты еще кандидат наук или уже защитил докторскую?» Докладчик не без гордости сообщил, что он уже доктор, на что Михаил Григорьевич ответил: «Вот почему я вообще ничего не смог понять из твоего выступления».

Сам он в своих речах стремился к простоте и доходчивости. Яркий пример тому — выступления Григорьева перед самыми различными аудиториями, особенно на итоговых проверках. Почему-то его слово запоминалось многим, с кем мне довелось разговаривать.

Для непосвященного читателя. Итоговые проверки в армии — это, помимо огромного напряжения физических и духовных сил сотен и тысяч военнослужащих, еще и большой спектакль, включающий в себя как элементы трагедии, так и комедии. Проверки делятся на внезапные и плановые. Внезапные — это когда о них становится известно за несколько часов до их начала. На моей памяти полной внезапности удавалось достичь крайне редко, а если удавалось, то эти проверки входили в историю как легенды.

Плановая итоговая проверка — это когда о ее начале становится известно, по крайней мере, за полгода и когда для полной подготовки к ней, как правило, не хватает двух дней. Можно было перенести проверку на месяц позже, но для полного завершения подготовки все равно не хватало все тех же двух дней.

Порой доходило до курьезов. Как-то летом вылетаем на итоговую проверку из штаба Оренбургской ракетной армии в город Пермь. Командир дивизии предупреждает, что принять борт не в состоянии, так как над промышленным городом Пермь висит смог. Перспективы нерадостные. Смог будет висеть еще несколько дней. На следующий день инспекторская группа вылетает в Нижний Тагил, благо — там тоже дислоцировалась наша дивизия. Прилетели, пообедали, едем на железнодорожный вокзал, садимся в поезд, приезжаем на следующий день рано утром в Пермь. Погода замечательная. Никакого смога над городом нет. Приезжаем в дивизию. Интересуемся у летчиков авиационной эскадрильи — какая вчера была погода? Летчики отвечают: «Миллион на миллион!»

Зато двое суток выиграно. Все в дивизии свежевыкрашено.

Проверяющие липнут к стенам и дверям, матерятся.

Итоговая проверка, как правило, длится в течение 7–9 суток. По результатам работы готовится разбор. Это апофеоз проверки. Каждому проверяющему по своей службе надо написать как можно больше недостатков, причем написать творчески, с огоньком. Для некоторых военачальников в разборе обязательно должны быть эмоциональные места типа: «А где же в это время были вы, товарищ Иванов? Где здесь просматривается воспитательная работа? Где контроль за людьми, о котором мы вам постоянно напоминали? Куда Вы смотрели?» Высший шик, когда эмоциональные места для начальника выделены красным фломастером. (Именно вот здесь надо сделать сердитое лицо, побагроветь от возмущения и разрядиться пафосом и гневом!) Были мастера написания разборов, они высоко ценились у командиров всех степеней.

Мне довелось служить в различных управленческих звеньях — от полка до Главного штаба РВСН. Сам нередко участвовал в написании разборов. Бывало всякое. Случалось, что материалы, подготовленные мной, швыряли чуть ли не в лицо (иногда даже не читая), орали, что я не уловил мыслей, обуревавших на тот момент очередного «полководца» и т. п. Поэтому мне очень интересны были рассказы очевидцев о том, как проводил разборы Михаил Григорьевич.

Вспоминает полковник в отставке И. П. Терехов: «Григорьев своей дотошностью изводил буквально всех, пытаясь в любом вопросе дойти до «глубины». Например, Маршалу Советского Союза Н. И. Крылову готовились доклады на 200 страниц и более, он очень доверчиво относился к разработкам, почти не правил подготовленные материалы и, читая их, расставлял по тексту странные знаки препинания, похожие на запятые, но не внизу строк, как обычно, а наверху. Как позже выяснилось — это были «дикционные» знаки препинания. Хотя надо отдать должное — Николай Иванович обладал незаурядным искусством яркой публичной речи.

С Григорьевым все было значительно сложнее. Крупные учения проводились с определенной периодизацией, но были и накладки. Помню, весной 1972 года после только что проведенного учения в объединении, дислоцированном в европейской части Союза, было решено сразу же провести такое же учение с аналогичной темой с объединением, расположенным в Забайкалье, но под руководством не Главнокомандующего, а его заместителя — М. Г. Григорьева.

Все, кто трудился над материалами разборов, знают: труд намного облегчается, если предварительный материал будет

подготовлен заранее, еще до выезда в войска, то есть до начала учения. По этому поводу даже существовала байка, как генерал, выезжая в войска, нигде не бывал, зато делал гениальные разборы, поскольку вычислил идентичность самых живучих недостатков.

Этим методом пользовался и я: основа, структура доклада готовилась заранее, а потом оставалось только нарастить ее «живой фактурой». Тем более что на сей раз после работы комиссии, возглавляемой Н. И. Крыловым, у нас был обстоятельный материал, поэтому мы не особо торопились. Но когда наступил критический момент (до разбора остались одни сутки), я доложил уточненный текст генерал-полковнику М. Г. Григорьеву. Не прошло и получаса — звонок и обычное короткое: «Зайди!» Еще не дав мне войти в кабинет, он со злостью бросил: «Ты что мне принес? Газетную статью? Ты сам-то видел то, о чем пишешь? Немедленно переделать!»

«Легко сказать — переделать, — подумал я, выйдя из кабинета. — Маршалу подобный материал понравился, а ему подавай другой. А какой, ведь оставались одни сутки?» Иду к операторам — как будем поступать? Они разводят руками — дескать, мы тоже не знаем, чего он хочет.

«А, была не была!» — подумал я и иду обратно к Григорьеву:

— Товарищ генерал-полковник, офицеры группы разбора в затруднении. Мы не совсем представляем, в каком духе готовить доклад.

— Где офицеры?

— В классе оперативной подготовки.

— Пошли.

Зашел в класс, взял кусок мела, подошел к доске и стал по пунктам излагать, сопровождая меловой записью, структуру доклада.

«Как хорошо, когда знаешь, чего начальник хочет», — слушая Григорьева, подумал я, и за несколько часов подготовил и успел отпечатать материал.

Прочитав доклад, Григорьев сказал: «Ну вот, совсем другое дело».

После длительной работы с Михаилом Григорьевичем я понял, что подготовка материалов для него требует особого искусства. Нужно «нутром» чувствовать назревшую войсковую проблематику и глубоко знать реальное, а не «докладное» состояние дел на местах. Надо подавать этот материал так, чтобы служащие воспринимали его не как очередной разнос, а как обстоятельный анализ и умную программу дальнейшей работы. В подобных докладах все негативные моменты должны быть

тщательно обоснованы, а критика обязана быть доброжелательной и объективной. Эти материалы должны также содержать благодатную «пищу» для последующих научных проработок. И наконец, итоговые документы по результатам учений должны закладывать фундаментальную основу под уставные и другие нормативные документы, регламентирующие все стороны повседневной и боевой жизнедеятельности войск».

Но в большинстве случаев Михаил Григорьевич откладывал подготовленный для него текст и говорил: «Частные разборы с вами проведены. Обо всех недостатках вам сказали. Еще больше недостатков вам удалось скрыть, и о них вы знаете лучше нас. Поэтому давайте поразмышляем…»

Дальше в течение 1,5–2 часов Михаил Григорьевич размышлял. О перспективах развития ракетно-ядерного и космического оружия, о новых подходах к организации эксплуатации ракетного вооружения, о системе боевого дежурства, о месте каждого офицера в вопросах поддержания боевой готовности. Слушали такие выступления, как правило, затаив дыхание, потому что редко можно было услышать такой разбор. И никого эти выступления не оставляли равнодушным. Еще долго после отъезда комиссии офицеры делились друг с другом впечатлениями об услышанном.

Вновь обратимся к воспоминаниям соратника М. Г. Григорьева генерал-полковника Г. Н. Малиновского: «Не припомню ни одного плохого слова о нем как о командире и человеке. Из моего личного общения с Михаилом Григорьевичем я бы добавил его очень высокую личную организованность в ратном труде, умение работать с военными строителями и особенно с промышленностью. Говоря о личной организованности, следует отметить способность Григорьева при очень большой нагрузке не терять контроля за истинным состоянием дел на большинстве участков работы. Эта «цепкость» Михаила Григорьевича очень активизировала труд его подчиненных, знавших, что рано или поздно к оценке их работы командир подойдет. Как правило, Григорьев не «перетягивал» за собой проверенные кадры и на новом месте службы внимательнейшим образом изучал полученное «наследство», воспитывал новых подчиненных своей высокой требовательностью, своим постоянно растущим авторитетом и доверием, которые надо было заслужить.

Оценка же неудовлетворительной деятельности кого-либо из подчиненных была суровой, как правило, с большой долей сарказма, но без унижения. Интересно, что Михаил Григорьевич находил возможность заметить положительные результаты в

труде у ранее им наказанных подчиненных и умел гласно, особо подчеркнуть эти достижения. А это уже показатель большой человеческой души такого командира. К сказанному следует добавить, что Михаил Григорьевич всегда стремился расширять круг лично ему знакомых подчиненных, и не только в штабах и управлениях, но прежде всего на рабочих местах, боевых постах — в подразделениях и частях. При хорошей памяти на лица и фамилии это делало его очень осведомленным. Подготовленные ему штабом материалы для подведения итогов работы в частях и соединениях и разборы проведенных учений и тренировок в войсках генерал Григорьев использовал как канву, вкладывая в оценку действий войск значительную часть своих личных впечатлений, с конкретными фактами и фамилиями. Такие доклады мало кого оставляли равнодушными.

Не следует считать, что приведенные выше командирские качества и приемы работы были свойственны только ему. Они присущи большинству зрелых военачальников, но в личности Михаила Григорьевича они проявлялись очень ярко, вполне гармонируя с его природной любознательностью, непосредственностью и выработанной службой силой воли и организованностью в труде.

Не имея непосредственного инженерного, а тем более строительного образования, М. Г. Григорьев тем не менее считался знатоком в вопросах техники и вооружения, хорошо разбирался в вопросах технологии и экономики капитального строительства. Не случайно «едких» вопросов Григорьева побаивались и мы — инженеры и военные строители».

Вне службы, на отдыхе, Михаил Григорьевич не уединялся. Был очень подвижен, любил шутку, острое слово, песню. Умел поддержать компанию, но в выборе компании был очень избирателен.

Еще один эпизод. Во время одной из командировок М. Г. Григорьева в войска поступила серьезная шифровка. В очередной раз объявлялось о начале беспощадной борьбы с пьянством, о том, что офицеры Главкомата во время поездок в войска увлекаются походами в бани, сауны и т. п. Поэтому впредь — никаких бань! Шифровка была подписана Главнокомандующим РВСН В. Ф. Толубко и генерал-полковником П. А. Горчаковым. Принесли шифровку Григорьеву. Он внимательно прочитал ее, посмотрел на подписи, а потом произнес: «О, и Петр Андреевич подписал. Сейчас я ему позвоню». А надо сказать, что член военного совета РВСН, Герой Советского Союза генерал-полковник П. А. Горчаков был большим мастером по части бань и выпивки, что, конечно, ни в коей мере не принижает всего того

положительного, что он сделал на своем посту. Дальше состоялся разговор по телефону: «Петр Андреевич, прочитал я документ — очень серьезно! Но все дело в том, что мы с группой офицеров в командировке уже десять суток. И еще неделю будем здесь находиться. Может, прикажете нам в солдатскую баню идти? Ведь завшивеем без бани». Горчаков миролюбиво ответил: «Тебя, Миша, эта шифровка не касается!» На что Григорьев не без сарказма ответил: «Это что же подумают обо мне офицеры, с которыми я месяцами нахожусь в войсках, если я позволю себе сходить в баню, а им категорически запрещу подобное. В общем, Петр Андреевич, докладываю тебе как начальнику политического управления — сегодня у нас с офицерами банный день!»

Григорьев был широко образованным человеком — много и системно читал, был интересным и содержательным собеседником. В домашнем архиве Григорьевых сохранилась всего лишь одна тетрадь с его записями. Это не удивительно — он имел дело с совершенно секретной техникой и документами и свободных записей не вел. В этой же тетради он делал пометки, касающиеся вопросов воинской дисциплины. Что характерно? Свои размышления он подкрепляет высказываниями видных полководцев, военных теоретиков и, что особенно впечатляет, выдержками из произведений классиков русской литературы — Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, Ф. И. Достоевского и многих других. И хотя в доме была очень хорошая библиотека, все же задумываешься — когда он только находил время для чтения?

Круг интересов у Михаила Григорьевича был обширен. Примечательно то, что он находился со многими представителями творческой интеллигенции Москвы в довольно-таки дружеских отношениях. Среди тех, с кем он часто общался, — Олег Ефремов, многие актеры Центрального театра Советской Армии.

Перебирая друзей Михаила Григорьевича, мы можем найти немало незаурядных личностей. Одним из них был Павел Гордеевич Новиков. С ним Григорьев познакомился, когда отдыхал в санатории «Фрунзенское». Новиков в то время был егерем в местном охотхозяйстве, где о нем ходили легенды. Он в одиночку «вязал» по пять вооруженных до зубов браконьеров, был человеком бесстрашным и мужественным. Такие люди глубоко импонировали Григорьеву. Сам же егерь дружбой с Михаилом Григорьевичем очень дорожил. В последующем, став директором Никитского ботанического сада, Павел Гордеевич развел плантации роз и наладил промышленное производство розового масла. Позже неугомонный Новиков переехал в поселок Гвардейское, где в степи создал рукотворное озеро и занялся

рыбоводством, а также выведением новых сортов черешни. Для этой цели в местной администрации он добился устройства отводного рукава от канала Днепр — Крым. В один из приездов Михаила Григорьевича в гости к Новикову тот выставил на стол около ста тарелок с черешней. Ни один сорт по вкусу не походил на другой. Григорьеву нравились такие неугомонные люди, желающие сделать жизнь лучше и красивее.

Михаил Григорьевич очень внимательно следил за теми произведениями искусства, в которых отражалась жизнь и работа ракетчиков. Он был главным консультантом фильма «Укрощение огня», встречался с создателями фильма, актерами, занятыми на съемках. Посмеивался над некоторыми несообразностями. Известно ведь, что запуск первых спутников Земли, межпланетных автоматических станций, первых космонавтов осуществляли боевые расчеты ракетных испытательных частей. Но в фильме ракеты запускают чисто гражданские специалисты в аккуратной спецодежде, вылощенные. Было немало и других огрехов. В ответ на замечания Михаилу Григорьевичу объясняли, что такой сценарий одобрен «на самом верху» и невозможно уже что-либо изменить.

В своей книге «Ракеты и люди» Б. Е. Черток, который тоже был консультантом фильма, так сказать, от ученых кругов, приводит интересный эпизод. На одном из заседаний консультантов Борис Евсеевич высказал мысль о том, что было бы неплохо, чтобы в фильме прошла тема репрессий. Известно же, что Сергею Павловичу Королеву пришлось побывать и на Колыме, и поработать в так называемых «шарашках», организованных по инициативе Л. П. Берии. М. Г. Григорьев возразил: «Борис Евсеевич, я вас очень уважаю как специалиста, но удивляюсь вашей наивности в политике. Ну кто в наше время это потерпит?! Я не пожалею средств, чтобы показать настоящие пуски. Мы выдумываем бункеры и строим декорации пультовых, о которых пока только мечтаем — это все пройдет. А вот воспоминания о репрессиях не имеют ничего общего с задачами фильма…»

Генерал-лейтенант В. М. Сизов, в то время заместитель командира ракетной дивизии, рассказывал мне, что в один из приездов в Кострому Григорьев попросил его в выходной день организовать поездку по историческим местам города. Во время этой поездки Михаил Григорьевич поделился с ним своей заветной мечтой — объездить во время отпусков все города Золотого кольца России, причем сделать это не наспех, а обстоятельно, не пропустив ни одной достопримечательности. Конечно же эта мечта осталась нереализованной — слишком напряженной и загруженной была жизнь у Григорьева. Но мечта-

то стоящая!

Все офицеры, которым довелось побывать с ним в командировках, отмечают, что не было практически ни одного выезда в войска, когда офицеры, сопровождавшие Григорьева, не посетили бы какой-либо интересный музей или спектакль в местном театре. При этом Михаил Григорьевич неустанно подчеркивал, что без соответствующего культурного роста не может быть и высокоэрудированного, знающего офицера. Казалось бы, ну какая связь между ракетной техникой и спектаклем в театре? Не знаю, может быть, Михаил Григорьевич нашел эту связь интуитивно, а может, был знаком с тогдашними исследованиями американских психологов и социологов. В те годы в США часто практиковались семинары с управленцами крупного ранга. И изучали они на этих семинарах вещи, совершенно не связанные с управленческой деятельностью — читали и разбирали классические произведения мировой литературы, посещали художественные выставки и музеи, премьеры кинофильмов с последующим их обсуждением. Что характерно, после таких двух или трехнедельных семинаров эффективность работы управленца возрастала почти вдвое, и такой подзарядки ему хватало почти на год.

Есть у творческих личностей состояние, которое не всем присуще — это состояние некой комфортности. Возникает оно, когда человек находится в кругу единомышленников, близких ему по духу, равных по знаниям. Это состояние нельзя сравнить ни с чем. Так вот, Михаил Григорьевич, в силу своей талантливости, глубоких знаний, на мой взгляд, очень часто его испытывал. Он ни перед кем не тушевался. Многочисленные совещания с учеными самых разных рангов, на которых ему приходилось не только присутствовать, но и выступать непосредственным организатором, как правило, начинались с того, что он осматривал внимательно аудиторию, а затем следовало добродушное: «Ну что, академики, чем порадуете сегодня?» И так как в зале действительно, как правило, присутствовали несколько академиков, создавалась какая-то особенная атмосфера и чувство того самого комфорта, когда всем сразу становилось интересно участвовать в обсуждении той или иной проблемы.

Григорьев был истинно русским человеком, патриотом. Нет-нет да и прорывался у него этот «русский дух».

Вспоминают ветераны-фронтовики: «Как-то, после очередного залпа, командир бригады с начальником разведки Амбаловым и начальником связи Самаровым, в сопровождении топографов Симакина и Рыбакина направились вслед за атакующей пехотой

на высоту Малый Кариквайвишь, чтобы самим увидеть результаты бригадного залпа. Оказавшись в зоне эллипса огня бригады, все с удовлетворением отметили, что залп лег точно по цели. Опорный пункт немцев был взорван.

Карабкаясь на Кариквайвишь, как-то само собой получилось, что вся группа вытянулась в цепь. «7-я наступает фронтом», — улыбаясь заметил комбриг. Пройдя передний край противника, группа миновала два блиндажа, из которых немцы продолжали вести огонь. Михаил Григорьевич приказал Рыбакину бросить в один из них гранату. После ее взрыва из блиндажа вылез с поднятыми руками гитлеровец. «Война для вас окончена, — сказал, обращаясь к нему, командир, — выводи всех из блиндажа». Вот и пригодилось командиру знание немецкого языка, которым он владел в совершенстве. Немец вернулся и вынес сперва нашего мертвого солдата, видимо, ворвавшегося туда во время атаки, затем убитого фашиста. Из другого блиндажа вышел еще один немец, бросил оружие и поднял руки. Прихватив с собой пленных и осмотрев разрушенные укрепления, группа в хорошем настроении повернула обратно. Возвращаясь, внезапно попали под яростный огонь противника. Немцы бросились на землю, прижались к ней и не в состоянии были двинуться с места. «Вояки! Русский солдат идет не сгибаясь, а вы от своих же снарядов готовы в землю влезть», — сказал, обращаясь к ним, Григорьев. Говорил он это на русском языке, и только потом осознал Симакин, что данная фраза предназначалась явно не для немцев, а для нас, для нашей бодрости. Поблизости снова разорвался снаряд, и большой камень упал прямо перед командиром. «Так ведь и убить могут», — спокойно заметил он и прибавил шагу. Вернулась вся группа в расположение благополучно, с живыми трофеями — двумя немцами».

Еще пример. Председателя НТК В. М. Рюмкина сослуживцы поздравили с 60-летием. Открытка была шутливого содержания. Посредине открытки отпечатали как бы официальное поздравление за подписью первого заместителя ГК РВСН генерал-полковника Григорьева.

Михаил Григорьевич открытку подписал, а затем сделал собственную приписку: «P. S. Я рад, что длительное время пришлось работать вместе. Спасибо за честный труд. У Вас хорошая голова и чистая совесть. *У настоящих русских — это ценится*».

Коротко и емко, а главное, от этой приписки веет добротой, человечностью и гордостью за настоящих русских, каким был и сам Григорьев.

Михаил Григорьевич всегда дивился красоте и богатству русского языка. Идет разбор после итоговой проверки. Выступает очередной проверяющий: «В ходе проверки обнаружены частые недовложения продуктов в офицерских и солдатских столовых». Григорьев встрепенулся: «Так, повторите, пожалуйста, последнюю фразу». И, послушав, прокомментировал: «Если выразиться попроще, то это означает, что воруют систематически».

Во время испытаний орбитальной пилотируемой станции (ОПС № 2) «Салют-3» один из сотрудников НПО «Вымпел» уронил на пол 400-килограммовую капсулу со специальной информацией, снаряженную мощным пороховым зарядом и пиротехническим запалом. Только по счастливой случайности не произошел взрыв, появилась небольшая вмятина на корпусе капсулы. Долго заседало техническое руководство, разбирая этот случай и его последствия. Решено было доложить о происшествии председателю Госкомиссии. М. Г. Григорьев сразу понял, какая опасность для номеров боевого расчета могла возникнуть, но ожидаемого разноса не последовало. Прочитав доклад, Григорьев неожиданно рассмеялся. Оказывается, его рассмешила фраза в докладе «о нештатном соприкосновении ампулы с полом…». Он сказал при этом: «Русский язык настолько богат, что одной фразой можно приукрасить даже откровенное разгильдяйство».

В апреле 1981 года генерал-полковник М. Г. Григорьев был назначен военным инспектором — советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Произошло это очень внезапно, без всяких объяснений, что позже дало почву для самых различных предположений, вымыслов и догадок.

Например, в журнале «Новости космонавтики» (№ 3 за 2001 год) авторы статьи «Космические аппараты радиолокационного наблюдения, созданные в НПО машиностроения» В. Витер, В. Петровский, А. Кучейко пишут: «По заданию Министерства обороны НПОмаш на базе ОПС «Алмаз» (стартовая масса более 18 тонн) разработало автоматический КА всепогодной оперативной видовой разведки.

Идея создания такого аппарата имела немало высокопоставленных противников, среди которых был министр обороны Д. Ф. Устинов. Попыткам заморозить программу противодействовал председатель Госкомиссии первый заместитель ГК РВСН М. Г. Григорьев (в дальнейшем за поддержку программы он поплатился карьерой)».

Трудно сказать, что только это сыграло такую важную роль в военной судьбе Михаила Григорьевича. Слишком много

«подводных течений и камней» существовало тогда в отношениях между военным отделом ЦК КПСС, Военно-промышленной комиссией, Министерством обороны и т. п., чтобы сделать только такой однозначный вывод.

Есть еще несколько версий, но они не находят документального подтверждения.

Полковник Л. Г. Лагойко пишет, что с Григорьевым расправились за ракету 15А30. Был такой неприятный случай, который в Ракетных войсках имел большие последствия. Эта ракета была принята на вооружение, не пройдя всего цикла полетных испытаний, то есть без пяти положенных запусков на предельную дальность в акваторию Тихого океана. Ракета стояла на боевом дежурстве, когда выяснилось, что при запусках на участке газодинамического старта ракеты из шахты в приборном отсеке возникают колебания, недопустимые по амплитудам и частотам для нормальной работы гироскопических приборов. В конечном итоге это приводило к тому, что ракета в полете вела себя так, как «ей вздумается», что было чревато совершенно непредсказуемыми последствиями. Лагойко дальше пишет: «Уже после устранения этих злополучных продольных колебаний в конце полета первой ступени Д. Ф. Устинов, возглавивший после смерти А. А. Гречко Министерство обороны, воспользовался случаем, чтобы обвинить Е. Б. Волкова (начальника 4-го НИИ МО, председателя Госкомиссии по этой ракете) и М. Г. Григорьева в отказе от проведения испытания ракеты на максимальную дальность полета и уволить их с занимаемых должностей».

Что касается Е. Б. Волкова, то он точно пострадал. Я читал материалы его персонального дела, где он предстает в виде «стрелочника», потому что обвинения в его адрес явно высосаны из пальца. Так получилось, что решение о принятии данной ракеты на вооружение принималось без учета мнения председателя Госкомиссии. М. Г. Григорьева в данном случае никто к ответственности не привлекал, и его подпись на окончательном решении о приемке ракеты отсутствует.

Генерал-полковник Г. Н. Малиновский пишет другое: «Михаил Григорьевич Григорьев был уволен из армии под благовидным предлогом — заболевание. Истинная причина была значительно глубже — давняя неприязнь с В. Ф. Толубко. Мне было искренне жаль Григорьева. Большой дружбы между нами никогда не было, да и быть не могло. Но Григорьев в моей жизни оставил значительный след. Деловитость, постоянное стремление познать вооружение до тонкостей, умение держать данное слово и сдерживать эмоции — эти замечательные качества его характера очень поддерживали его авторитет в войсках.

Григорьев во многом дополнял Владимира Федоровича Толубко. Но по кадровым вопросам главком с ним не советовался или делал это для приличия, когда вопрос о замене уже был, в принципе, решен».

По документам, имеющимся в архиве РВСН, эти взаимоотношения конечно же не проследишь, потому что недоброжелательство, интриги никогда не оформляются документально. Вот, например, что писал В. Ф. Толубко через полгода нахождения в должности Главкома в аттестации от 5 ноября 1972 года на первого заместителя Главнокомандующего РВСН генерал-полковника М. Г. Григорьева:

> «Тов. ГРИГОРЬЕВ М. Г. — один из ветеранов-ракетчиков, принимал активное участие в формировании и становлении ракетных частей. В 1950 году он сформировал и в течение нескольких лет командовал одной из первых ракетных бригад.
>
> За время службы в Ракетных войсках приобрел большой опыт подготовки, обучения и постановки соединений и частей на боевое дежурство по освоению новых ракетных комплексов. В течение многих лет генерал М. Г. Григорьев был председателем Государственной комиссии по испытаниям новых образцов ракетного вооружения, проявив при этом высокое трудолюбие и принципиальность в решении поставленных задач, за что в 1967 году удостоен почетного звания лауреата Ленинской премии.
>
> В должности первого заместителя Главнокомандующего Ракетными войсками с апреля 1968 года. Обладает хорошими организаторскими способностями и волевыми качествами, прилагает много сил и инициативы для поддержания и дальнейшего повышения боевой готовности и укрепления воинской дисциплины Ракетных войск.
>
> Генерал М. Г Григорьев часто бывает в войсках, возглавляя комиссии по всесторонней проверке, оказанию на местах необходимой практической помощи командирам и штабам. Много уделяет внимания организации боевого управления с запасного ЦКП, взаимодействию и координации деятельности всех управлений и служб Главнокомандующего.
>
> Лично тов. Григорьев много работает над повышением своих военных и технических знаний, хорошо знает ракетную технику и основы ее боевого

применения. Систематически работает над изучением вопросов марксистско-ленинской теории, часто выступает перед офицерами с лекциями и докладами, принимает активное участие в общественно-политической жизни, является депутатом Верховного Совета РСФСР.

Вывод: Занимаемой должности первого заместителя Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения вполне соответствует.

Главнокомандующий Ракетными войсками генерал армии В. Толубко».

А вот выдержка из последней аттестации на М. Г. Григорьева, подписанной Главнокомандующим РВСН В. Ф. Толубко в связи с переводом его первого заместителя на почетную и ни к чему не обязывающую должность военного советника Группы генеральных инспекторов Министерства обороны:

«За время прохождения службы в Вооруженных Силах СССР аттестуется только положительно. Имеет большой опыт командно-штабной работы. Обладает высокими организаторскими способностями. Как ракетчик внес большой личный вклад в развитие РВСН. Хорошо знает технику, неоднократно назначался председателем Госкомиссии по испытаниям образцов ракетного вооружения и космических систем. С возложенными обязанностями справлялся успешно. Умело организует взаимодействие с представителями оборонных отраслей промышленности, НИИ, КБ. Вносит большой вклад в повышение боевой готовности войск и эффективности вооружения. В 1967 году удостоен Ленинской премии. Товарищ М. Г. Григорьев уделяет большое внимание вопросам перспектив развития вооружения, научного сопровождения проводимых в войсках мероприятий. Много и с большой отдачей работает в войсках. Постоянно повышает свои военно-технические знания… требователен, принципиален, внимателен к людям, пользуется авторитетом среди личного состава войск, офицеров и генералов центрального аппарата…»

Ну разве можно упрекнуть Владимира Федоровича в какой-либо предвзятости? Тем не менее все, кто в то время служил в управлении Главнокомандующего, не отрицают, что отношения

между В. Ф. Толубко и М. Г. Григорьевым были далеко не однозначными.

Михаил Григорьевич никогда не молчал, когда видел несправедливость, был очень принципиальным при решении значимых для РВСН проблем. Свое мнение высказывал всегда прямо, без околичностей. Немецкий писатель Жан Поль (И. П. Рихтер) когда-то сказал: «Добропорядочные люди наживают больше врагов своими речами, чем негодяи своими делами». Как бы то ни было, но особенно последние месяцы службы Михаила Григорьевича с В. Ф. Толубко были действительно очень напряженными. Они порой демонстративно не замечали друг друга.

Я не стал копаться в этих отношениях. Боюсь быть субъективным. Те, кто служил непосредственно с В. Ф. Толубко, яростно доказывали мне, что Владимир Федорович был кристальной души человек. Другие с неменьшим пылом убеждали меня, что он искалечил немало судеб. К людям такого масштаба обывательские мерки не применимы, поэтому я оставляю этот вопрос открытым. Лично я так и не понял, почему Михаилу Григорьевичу сказали о переводе на другую работу после того, как был подписан приказ министра обороны. Обычно такие вопросы решаются загодя.

По тому времени должность генерального инспектора была почетной. Как правило, в эту группу, получившую ироническое название «райской группы», назначали маршалов Советского Союза, главных маршалов родов войск, генералов армии. Конечно, в этой группе специалиста-ракетчика такого уровня, как Григорьев, не было. Но перевод Михаил Григорьевич воспринял очень тяжело. Его оторвали от дела, которому он посвятил лучшие годы своей жизни. Он замкнулся, мог часами сидеть в задумчивости, видимо прокручивая в памяти пережитое. Когда встречал сослуживцев, то оживлялся, бесконечно расспрашивал о положении дел в войсках, интересовался буквально всем, что было связано с ракетами.

Умер Михаил Григорьевич 12 ноября 1981 года.

Заслуги генерал-полковника М. Г. Григорьева перед Отечеством оценены по достоинству. В числе наград — два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, два иностранных ордена, более 20 медалей.

Он являлся депутатом Верховного Совета СССР, РСФСР, УССР нескольких созывов, был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС.

И последняя почесть, как признание огромных заслуг М. Г. Григорьева перед Родиной — он похоронен на Новодевичьем кладбище столицы. Если мы пойдем по центральной аллее Новодевичьего кладбища к могиле Н. С. Хрущева, то в 18 ряду найдем могилу генерал-полковника Григорьева. В декабре 2002 года на могиле Михаила Григорьевича был открыт прекрасный памятник. Случилось это спустя двадцать один год после смерти военачальника. Так уж вышло. Но важно другое, то, о чем я писал в самом начале книги, — он остался в памяти людей, которые с ним служили.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Старая восточная пословица гласит: «Человеку, который знает куда идет, мир дает дорогу». Похоже, что Михаил Григорьевич всегда умел ставить перед собой ясные цели и добивался их выполнения. С таким характером, как у него, в армии служить ой как не просто. Но он смог преодолеть многое на своем жизненном пути.

Расхожая истина, что плохое помнится долго, а хорошее быстро забывается, не применима к Григорьеву. Как раз здесь я убедился в обратном — память людская отсеяла все мелкое и наносное и оставила только лучшее, что характеризовало этого человека.

Он с оружием в руках геройски защищал Родину. Под его руководством формировались ракетные соединения и части, закладывались будущий город Мирный и Плесецк — будущий космодром России. Он воспитал троих сыновей, которые так же, как и он, верой и правдой служили Отечеству. Того, что он испытал, хватило бы некоторым на десять жизней. Он смог бы сделать и больше. Но, к сожалению, его талант командира, великолепного организатора, наконец, знатока ракетного дела был востребован не до конца.

Он навсегда останется в памяти потомков. И мне очень хотелось бы, чтобы этому способствовала книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в своих руках.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Г. ГРИГОРЬЕВА

1917, 23 октября — в деревне Молодке Бежецкого района Тверской губернии в крестьянской семье родился Михаил Григорьевич Григорьев.

1925 — поступил в начальную школу в деревне Молодке.

1936, июнь — поступил в Артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского.

1936–1941 — учеба в Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского.

1941, май — октябрь — командир батареи 5-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главнокомандования (Западный фронт).

1941, октябрь — 1942, июль — начальник штаба дивизиона 5-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главнокомандования (Приволжский военный округ, Калининский фронт).

1942, июль — декабрь — командир 85-го отдельного гвардейского минометного дивизиона Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК), Калининский фронт.

1942, декабрь — 1943, март — заместитель командира 10-й гвардейской минометной бригады СВГК, Калининский фронт.

1943, май — женитьба на Вере Геннадьевне Москворецкой.

1943, март — 1946, сентябрь — командир 7-й гвардейской минометной бригады СВГК (Калининский фронт, 2-й Белорусский фронт).

1946, сентябрь — 1950, январь — старший научный сотрудник штаба артиллерии Вооруженных Сил СССР.

1950, январь — 1954, ноябрь — командир бригады особого назначения резерва Верховного Главнокомандования, дислоцировавшейся в г. Камышине Сталинградской области.

1954, ноябрь — 1956, ноябрь — слушатель Военной академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова.

1956, ноябрь — 1957, июль — первый заместитель начальника Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища.

1957, июль — 1962, май — руководитель строительства объекта «Ангара» в районе ст. Плесецкой Архангельской области, начальник войсковой части 13 991, командир первого ракетного соединения с межконтинентальными ракетами Р-7.

1959, декабрь — 1960, июль — под непосредственным руководством Григорьева на боевое дежурство поставлены первые

четыре боевых ракетных комплекса.

1962, май — 1966, июнь — первый заместитель командующего Винницкой ракетной армией.

1963, апрель — 1966, ноябрь — председатель Государственной комиссии по летно-конструкторским испытаниям самой мощной боевой ракеты Р-36 конструктора М. К. Янгеля.

1966, июнь — 1968, апрель — командующий крупнейшей в РВСН Винницкой ракетной армией.

1968, апрель — 1981 — первый заместитель Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, член военного совета войск.

1972, декабрь — 1976, май — председатель Государственной комиссии по ракетно-космическому комплексу «Алмаз».

1981 — назначен советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1981, 12 ноября — М. Г. Григорьев скончался.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ветераны-ракетчики вспоминают. М.: ЦИПК РВСН, 1994.

Военачальники Ракетных войск стратегического назначения. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЦИПК РВСН, 1997.

Военный энциклопедический словарь Ракетных войск стратегического назначения. М.: Большая российская энциклопедия, 1999.

Вышли на фронт «катюши». Воспоминания ветеранов гвардейских минометных частей / Сост. В. А. Шмаков. М.: Московский рабочий, 1982.

Гвардейская поступь. М., 2000.

Глазами очевидцев (Воспоминания испытателей космодрома Байконур). Вып. 1. М.: ДОСААФ СССР, 1991.

Глазами очевидцев. Воспоминания ветеранов Байконура. Вып. 3. М.: Космос, 1997.

Дегтярев П. А., Ионов П. П. «Катюши» на поле боя. М.: Воениздат, 1991.

Драган Я. Г. Николай Крылов. М.: Мол. гвардия, 1988.

Завалишин А. П. Байконуровские университеты. М.: Машиностроение, 1999.

Завалишин А. П. Сквозь пространство и время. Днепропетровск, 1997.

Кирсанов К. Д. Огонь ведут гвардейские минометы. М.: Воениздат, 1982.

Космодром Плесецк. Калуга: ИПЦ «Гриф», 2003.

Космодром Плесецк — Мирный. Международный космический центр «Плесецк». СПб.: ПО «Типография им. Ивана Федорова», 1992.

Кузнецкий М. И. Байконур. Королев. Янгель. Воронеж: ИПФ «Воронеж» 1997.

Малиновский Г. Н. Записки ракетчика. М.: ЦИПК РВСН, 1999.

Мальков М. Н., Наровлянский Н. С., Завалишин А. Я., Вымекаев В. В. Байконур продолжается. М.: Издательство А. Д. В., 1997.

Меньшиков В. А. Байконур, моя любовь и боль. Записки главного инженера космодрома. М.,1994.

Монахов Я. К. Памятные годы. М.: ЦИПК РВСН, 2002.

Незабываемый Байконур. Сборник материалов, документов и воспоминаний ветеранов космодрома Байконур / Под ред. К. В. Герчика. М., 1998.

Нестеренко А. И. Огонь ведут «катюши». М.: Воениздат, 1975.

Первый космодром России (К 30-летию космодрома Плесецк). М.: Согласие, 1996.

Покорение космоса / Сост. А. Д. Коваль, В. П. Сенкевич, О. А. Яранцев и др. М.: Машиностроение, 1969.

Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1955.

Полигон особой важности. М.: Согласие, 1997.

Ракетные войска стратегического назначения России / Под ред. И. Д. Сергеева. М.: ЦИПК РВСН, 1998.

Ракетные войска стратегического назначения / Под ред. Ю. П. Максимова. М.: ЦИПК РВСН, 1992.

Ракетчики / Под ред. М. Г. Григорьева. М.: ДОСААФ СССР, 1979.

Ракеты и судьбы. Сборник воспоминаний. Вып. 3. М.: ЦИПК РВСН, 1999.

Создатели ракетно-ядерного оружия и ветераны-ракетчики рассказывают. М.: ЦИПК РВСН, 1996.

Стражева И. В. Тюльпаны с космодрома. М.: Мол. гвардия, 1981.

Сухина Г. Л., Пекин В. К., Дюрягин М. Г. Ракетный щит Отечества / Под общ. ред. В. Н. Яковлева. М.: Логус-Станди, 1999.

Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения / Под ред. И. Д. Сергеева. М.: ЦИПК РВСН, 1996.

Черток Б. Е. Ракеты и люди. Т. 1–4. М.: Машиностроение, 1994–2001.

Шульгин В. М. Винницкая ракетная стратегическая. Винница, 1998.

Иллюстрации

Михаил Григорьев перед поступлением в артиллерийскую академию. *1936 г.*

Комбриг Григорьев. *Волховский фронт. 1943 г.*

В полевом госпитале после ранения. *1943 г.*

Подполковник М. Г. Григорьев. *Берлин, Восточный берег Одера. Апрель 1945 г.*

Отгремели последние залпы.

Командный состав 7-й гвардейской минометной бригады. М. Г. Григорьев сидит в центре. *1943 г.*

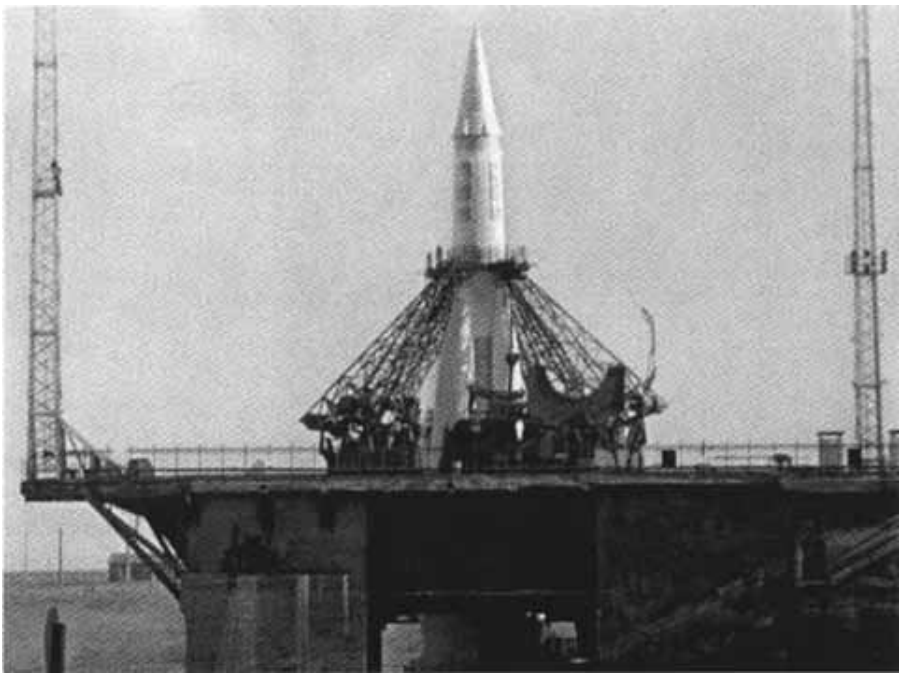
Первая улица Мирного — улица Лесная.

Город Мирный сегодня.

Военные будни космодрома Плесецк.

Генеральный конструктор С. П. Королев.

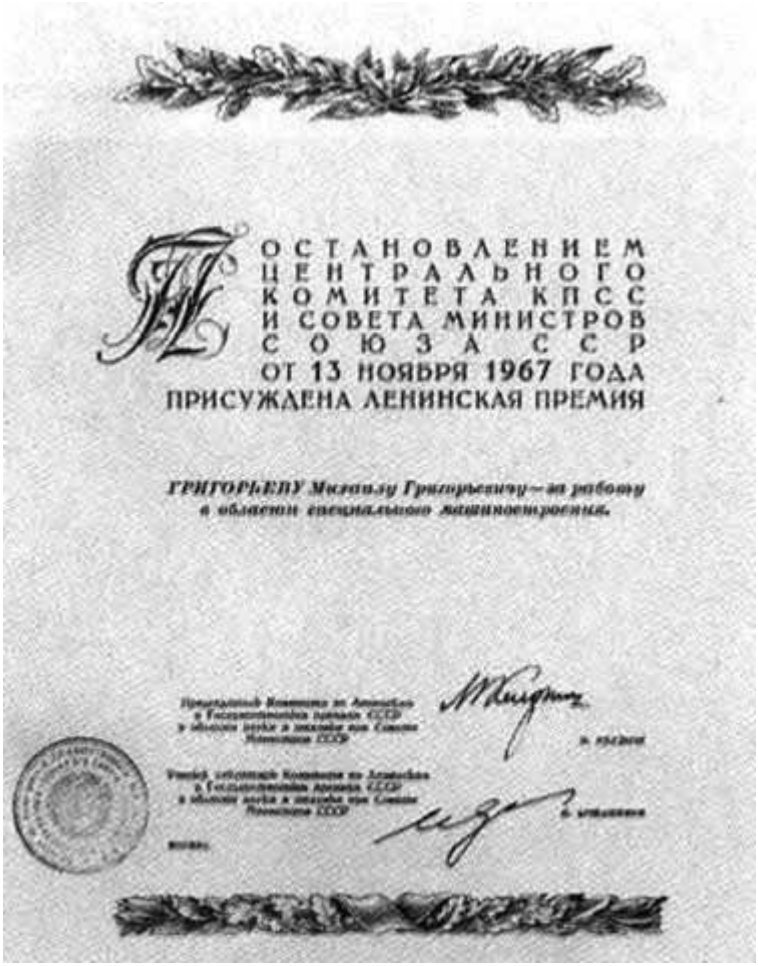
Первый Главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии М. И. Неделин.



Р-7А на боевой стартовой позиции.

М. К. Янгель.

В. Ф. Уткин.



ПОСТАНОВЛЕНИЕМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА КПСС
И СОВЕТА МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР
ОТ 13 НОЯБРЯ 1967 ГОДА
ПРИСУЖДЕНА ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ

ГРИГОРЬЕВУ Михаилу Григорьевичу — за работу в области специального машиностроения.

Диплом о присуждении М. Г. Григорьеву Ленинской премии.

В. Н. Челомей.

Космический аппарат радиолокационного наблюдения «Алмаз».

М. Г. Григорьев и В. Н. Челомей возле испытательного стенда космической станции «Алмаз» в НПО машиностроения.

Главнокомандующие РВСН. 1962–1985 гг.

К. С. Москаленко.

С. С. Бирюзов.

Н. И. Крылов.

В. Ф. Толубко.

М. Г. Григорьев на космодроме Плесецк.

М. Г. Григорьев на тактико-специальных учениях, *Слева направо:* генерал-полковник А. Д. Мелёхин. генерал-полковник М. Г. Григорьев, генерал-полковник Г. Н. Малиновский.

В Центре управления полетами. Заместитель Председателя Совета Министров Л. В. Смирнов заслушивает доклад о перспективах развития ракетно-космической техники.

М. Г. Григорьев в отряде космонавтов.

Полет завершен успешно.

М. Г. Григорьев с очередным космическим экипажем.

М. Г. Григорьев и министр обороны А. А. Гречко на космодроме Байконур.

М. Г. Григорьев с маршалом артиллерии П. Н. Кулешовым, *Москва. ЦДСА.*

М. Г. Григорьев утверждает акт проверки боеготовности одной из ракетных армий.

М. Г. Григорьев среди делегатов XXV съезда КПСС.

Второй слева, между скульптором Л. Е. Кербелем и поэтом Р. Гамзатовым.

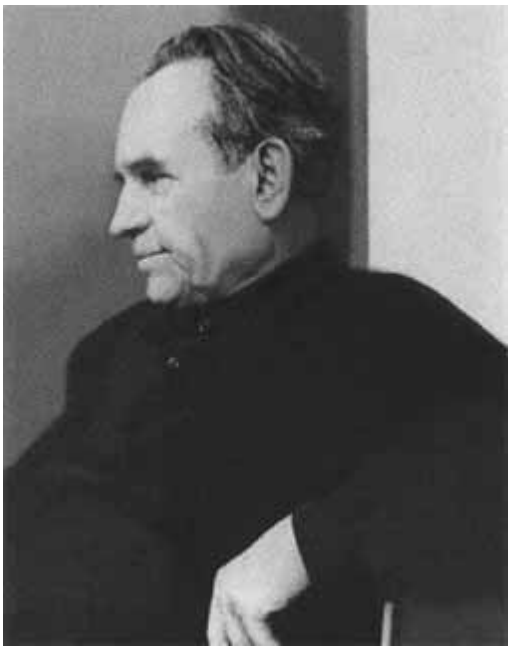
С директором Днепропетровского ЮМЗ А. М. Макаровым и Генеральным конструктором КБ «Южное» В. Ф. Уткиным.

Супруги Григорьевы с младшим сыном Володей.

М. Г. Григорьев со старшими сыновьями Олегом и Сергеем на Гагаринском старте.

Михаил Григорьевич и Вера Геннадиевна Григорьевы.

В редкие часы отдыха: на зимней рыбалке, за теннисным столом и на охоте.



Осмысление прожитого.

Памятник генерал-полковнику М. Г. Григорьеву на Новодевичьем кладбище в Москве.